

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

**№ 3⁽³⁷⁾
2013**

Москва 2013

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов, В.Л. Успенский
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Обложка А. Надточенко

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

© Новый исторический вестник, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolito
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe, O. Khlevnyuk,
T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov, T. Krasovitskaya,
A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov, V. Piskun,
V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Cover Designer A. Nadtochenko

Quarterly journal

Address:
6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Web-site: www.nivestnik.ru

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2013
© by Russian State University
for the Humanities, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Борисов В.Е.** Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. 6
- Ипполитов С.С., Минаев В.В.** «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты 27
- Трошина Т.И.** «К полякам в плен попасть очень было нежелательно»: «Поход за Вислу» и германские лагеря в памяти бойцов, политработников и командиров Красной армии ... 46
- Кириллова Е.А.** Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей 72

Новая Россия и постсоветское зарубежье

- Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». *Материал подготовили к публикации Марченя П.П., Разин С.Ю.* 98

События и судьбы

- Кодин Е.В.** Николай Троицкий: от симбирского повстанца до директора мюнхенского Института по изучению СССР 148
- Содержание, авторы, аннотации 168
- Contents, Authors, Abstracts 172

CONTENTS

Articles

- V. Borisov** Gulyashshie Lyudi and Other Social Groups Exempted from Paying Tyaglo behind the Urals in 17th century 6
- S. Ippolitov, V. Minaev** “The Entire Fate of Russia Depends on it”: On the Demographic and Economic Expansion of China and Japan in the East of Russia during Second Russian Smuta 27
- T. Troshina** “We’d Rather not be Captured by the Poles”: “The March off the Vistula” and German Camps in the Memories of the Red Army’s Soldiers, Political Workers and Commanders 46
- E. Kirillova** Housing Cooperatives in Petrograd in the early 1920s: Organization, Structure and the “Class Line” of the City Authorities 72

Contemporary Russia and Post-Soviet States

- International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”. *The proceedings were prepared for publication by P. Marchenya, S. Razin* 98

Landmarks in Human History

- E. Kodin** Nikolay Troitskiy: From the Simbirsk Insurgent to the Director of the Munich Institute for the Study of the USSR 148
- Contents, Authors, Abstracts 172

СТАТЬИ

В.Е. Борисов

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ И ДРУГИЕ НЕТЯГЛЫЕ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗА УРАЛОМ В XVII в.

Понимание социальной истории допетровской России невозможно без изучения категорий населения, плативших не тягло, а особые облегченные подати (гулящие люди, бобыли, захребетники, соседи, подсоседники, промышленные люди). Во-первых, они часто составляли значительную долю населения той или иной территории¹, что ставит задачу определения их правового статуса и образа жизни (в это отношении значительный материал был накоплен еще дореволюционной историографией², но для отдельных местностей часто все равно требуется специальный анализ³). Во-вторых, изучение нетяглых слоев населения много дает для понимания причин имущественной и социальной дифференциации, зарождения и развития промышленных предприятий (эти аспекты наиболее активно разрабатывались в советской историографии). При этом как образ жизни, так и сами обозначения выбывших из тяглоной общины людей весьма разнообразны и тесно связаны с особенностями региона, что делает целесообразным продолжение локальных исследований об этой группе населения⁴.

В настоящей статье рассматриваются состав и положение различных категорий нетяглового населения в Ирбитской слободе Верхотурского уезда. Проведенное исследование позволяет дополнить и уточнить выводы о «гулящих» и «промышленных» людях Западной Сибири в XVII в., сделанные их наиболее видным исследователем – А.А. Преображенским. В его важной монографии на богатом документальном материале доказывался тезис о том, что на протяжении всего XVII в. многочисленные «гуляки» составляли значительный контингент наемных рабочих в сельском хозяйстве. Тем самым подчеркивался товарный характер последнего⁵. Однако систематическое изучение сведений, относящихся к одной местности, позволяет поставить под сомнение этот вывод ученого.

Гулящие люди

Согласно аргументированному мнению А.А. Преображенского, «гулящими людьми» в Зауралье назывались выбывшие из тягла или не

несущие его крестьянские и посадские дети, не привязанные к определенной общине. Чаще всего они кормились наемным трудом, но могли иметь и небольшую пашню, заниматься ремеслом и приторговывать. С них взимался небольшой денежный оброк, чаще всего 25 коп., и «явчая головщина» 3 коп. При этом их могли привлечь к общественным работам. Близкой категорией были промышленные люди, платившие более высокий, как правило удвоенный, денежный оброк. Их занятия в большей степени были связаны с разнообразными промыслами (пушным, «кречатым», ремесленным) и торговлей. Часто статус гулящего был лишь переходным: оторвавшись от первоначального социального окружения, человек «верстался» в более стабильный «чин» в другом месте. Однако имелись прецеденты, когда представители этой социальной группы сохраняли свой статус в течение длительного времени, нередко ведя при этом оседлый образ жизни⁶.

Ирбитские источники фиксируют «гулящих людей», по крайней мере, с октября 1641 г.⁷ Документов их систематического учета пока не выявлено, но из частых упоминаний в судебных делах 1640-х гг.⁸ можно сделать заключение об их многочисленности. Если предположить, что из 68,35 р. таможенных пошлин, собранных в 1645 г.⁹, хотя бы 20 р. пришлось на сборы с гулящих (другие статьи – пошлины с продаж и обменов), то их было около 80 человек. Если предположить, что оброки составили 35 р. (чуть больше половины), то расчетная численность увеличится примерно до 140 человек. В других слободах количество гулящих на раннем этапе освоения также было велико. Так, в 1623 г. в Невьянской слободе были собраны оброки со 128 промышленных людей и 585 гулящих ярыжек¹⁰.

В росписи гулящих, составленной 23 ноября 1654 г. в связи с распоряжением верхотурского воеводы о привлечении гулящих зауральских слобод к работам по выплавке пробных образцов медной руды, в Арамашевской слободе значатся 35 человек¹¹. Из них 12 записано под заголовком «Роспись гулящим людям, кои объявились к записке...», остальные под записью: «Да строшных ярыжек сыскано, кои живут в строках в Ирбитцкой слободе по записям у детей боярских у Василя Муравьева и у Андрея Бернатцкова и у ирбитцких крестьян и всяких людей». То есть большинство (23 человека) работало «в строках» (вероятно, годовых), что говорит об их стесненном положении. Наиболее привлекателен был найм в «делавую пору», когда цена рабочих рук была высока. Найм же на работу осенью, когда потребность крестьянина в рабочих руках была гораздо меньше, обычно был невыгоден гулящему, и он шел на это, когда иного выбора не было¹².

В переписи 1659 г.* по крестьянским дворам значится 20 гулящих¹³. По-видимому, ее данные (а также переписи 1666 г.) в этом отношении неполны. Во всяком случае, таможенные книги за близкие годы перечисляют большее количество гулящих.

* Автор благодарит Ю.В. Коновалова (Уральское историко-родословное общество) за предоставленную возможность использовать копии переписей Верхотурского уезда 1659 и 1666 гг.

В 1661/62 гг. на таможене были взяты оброки с 47 человек¹⁴, причем среди них было 5 человек, значившихся в росписи 1654 г., но отсутствующих в переписи 1659 г. (Иван Самойлов, Иван Тимофеев, Петр Федоров, Спиридон Федосеев, Федор Арсенов). В 1663/64 г. число гулящих было заметно меньше (33 человека)¹⁵, что, видимо, объясняется последствиями Башкирского восстания (1662 – 1664 гг.). В последующие годы количество гулящих, плативших в таможене оброки, так и не вышло на уровень, который был до восстания. Перепись 1666 г. фиксирует одного бобыля и 27 гулящих людей во дворах у крестьян¹⁶. В 1674/75 г. вновь через таможену прошло 45 человек¹⁷. О том, что оброки, как правило, брались по месту жительства, говорит тот факт, что в ходе упомянутых выше переписей гулящих по слободам в 1654 г. тагильский приказчик писал, что составил роспись «с таможенных переписных книг, хто имянем гулящие люди и у кого живут»¹⁸. О том же свидетельствует единичность записей в таможенных книгах, что «явчая головщина» взята в одном месте, а оброк – в другом. Если бы практика выплаты оброка в одном месте с последующим переходом в другое место была распространена, таких записей было бы гораздо больше.

В крестоприводной книге 1682 г. значатся лишь 12 ирбитских гулящих¹⁹. Списков за 1690-е гг. выявить не удалось: в делопроизводстве представители рассматриваемой категории упоминаются нечасто²⁰.

Данные судебных дел подтверждают представление о том, что большинство гулящих людей работали батраками в крестьянских хозяйствах. Лишь некоторые из них выступали скорее как ремесленники. Например, в одном из судебных дел речь шла о недоделке избы гулящим Сидором Васильевым Плотником, за что крестьянин Андрей Анофреев требовал вернуть ему 1,5 р. платы. Истец утверждал, что плотник жил у него *вместе с учеником*, а в числе свидетелей указывал на другого плотника из гулящих. Сидор отвел его на том основании, что у него с указанным человеком «для плотнишново вопчево дела ропот и недружба». В том же деле упоминается *швец* Григорий Стук²¹. Еще один плотник – Микифор Кудря – стал героем разбирательства в 1681 г., заявив, что знает убийцу крестьянина Григория Мордяного²².

Сведения о доходах гулящих, к сожалению, носят отрывочный характер. Единственным исключением являются книги сбора пошлин с наемных ярыжек города Верхотурья, Тагильской и Невьянской слобод за 1624–1625 гг., обработанные А.А. Преображенским²³. Они показывают, что в этот период гулящие в слободах Зауралья имели очень внушительную численность. В тех случаях, когда сохранность книг полная, речь идет о количестве ярыжек от 142 до 281, то есть их было гораздо больше, чем крестьян. По переписи 1624 г., в Тагильской слободе было 65 крестьянских дворов, в Невьянской – 66²⁴. В основном речь шла о летнем найме. Уровень оплаты колебался от 2 до 10 р., но чаще всего плата составляла от 3 до 5 р. Любопытно, что в 1625 г. найм работника стоил ощутимо дешевле (чем в предыдущем год): средняя цена упала с 4,68 р. до 4 р.²⁵

Для Ирбитской слободы приходится довольствоваться случайными упоминаниями.

Данные судебных дел о доходах гулящих людей в Ирбитской слободе

Имя гулящего	Дата иска	Срок	Плата	Данные об имуществе	Источник
Иван Лукин	1642 г., январь	–	–	4 р. с пояса, шуба за 0,7 руб., шапка 0,3 руб., серебряный крест 0,2 руб.	Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 335. Стр. 1.
Владимир Афонасьев	1643 г., июль	Пасха – Филиппов пост	4,90 руб.	–	Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 300.
Сидор Васильев Плотник	1644 г., декабрь	–	?, недоделка оценена в 1,5 руб.	–	Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 386.
Воин	1645 г., апрель	–	–	после смерти осталось 10 руб.	Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Д. 403.
Василий Агафонов	1649 г., июль	?	0,65 руб.	1 руб., 4 рубахи четвертые, штаны ровдужные, да кожан, да коты поноженные, да рукавицы поношенные перстянки, да огни	Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 302
Кирилл Дмитриев	1651 г., ноябрь	–	?, недодача 0,9 руб.	–	Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Д. 504.
Василий Семенов	1665 г., июль	?	недодача 0,42 руб.	8 р. с пояса, холсты, «трои преды красные телятинные»	Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь... С. 301.

В трех случаях из четырех, когда есть данные обо всем имуществе или, по крайней мере, значительной ее части, речь идет об одежде и 4–10 руб. денег. Единственная полностью известная наемная плата (4,9 руб.)

находится у верхней границы диапазона наиболее частых выплат в 1624–1625 гг. Представляется, что условия жизни гулящих в Ирбитской слободе в 1640–1650-е гг., в целом, были близки условиям в Тагильской и Невьянской слободах в 1620-х гг.

Юридический статус гулящих (если считать его показателем величины штрафа за бесчестье) соответствовал крестьянскому. Соборное уложение 1649 г. для обеих категорий предусматривало 1 руб. штрафа за оскорбление, для крестьян также были отдельно прописаны случаи сильных побоев (штраф 2 руб.) и побоев, повлекших перелома (штраф 5 руб.)²⁶. Судебная практика демонстрирует, что указанный принцип действовал и в отношении гулящих. Как следует из дела о бесчестье Ивана Лукина, жаловавшегося на сильные побои и ограбление, его честь оценили именно в 2 руб.²⁷. Материалы тех же судебных дел показывают, что как крестьяне, так и гулящие люди принимали совместное участие в застольях, что также предполагает примерную социальную близость.

Так, в январе 1642 г. уже упомянутый гулящий Иван Лукин жаловался на то, что был избит крестьянами Минеем и Алексеем Марковыми (Мартемьяновыми), гулящим Григорием Васильевым и Павлом Фоминым Вологжанами, когда Василий *пришел к живущему у Мартемьяновых крестьянину Ивану Козьмину Бутаку пить пиво*. В подтверждение своих слов истец «слался извиноватых» в повальный обыск всех крестьян, их жен и детей Кокшаровой заимки. Ответчики согласились принять результаты «повального обыска» «опр(ич) (Ива)шковых хлебоетцов и роду и пле(мени)... А хлебоде(ц) и род и племя ево, Ивашо(ковы) ирбитцкие крестьяне Менши(чко) ...нов – ему, Ивашку, названой отец; Меншичкова де жена ему, Ивашку (наз)ванная мат да Суморочко де В(ику)лов да брат ево, Суморочков, Петр(ушка) те де ему братя <нрзб> и дети ево – Ивашковы хлебоетцы»²⁸. Идентифицировать названного отца Меньшого, к сожалению, не удалось, но в судебном деле он назван крестьянином, в том же качестве он упоминается в другом судебном разбирательстве, имевшем место год спустя²⁹. В отношении же названного брата, Суморока Викулова, достоверно известно, что он был «поверстан» в ирбитские крестьяне в 1639/40 г.³⁰ на четверть десятины государевой пашни. Таким образом, у одного из ирбитских гулящих были среди крестьян названные отец, мать и братья.

Фигурирующий в другом судебном деле (1642–1643 гг.) Алексей Бортников, зять Ивана Подкорытова, как следует из отписки 1644 г., также был гулящим человеком³¹. Наличие же или отсутствие смешанных браков является одним из наиболее надежных показателей наличия или отсутствия межгрупповых перегородок.

Крестьянин Гурий Возников как на свидетелей, видевших, как его на «пиру» в октябре 1648 г. у Первого Бороды бил Еремей Подкорытов, ссылался на других бывших там же гулящих Терентия Аркопова, Петра Носова и Матвея Иванова³².

В 1640-е гг. социальной близости гулящих с крестьянами должно было способствовать еще и то, что крестьяне и беломестные казаки сами только что были в положении гулящих людей, а те, в свою очередь, тоже в любой момент могли стать крестьянами или служилыми по прибору.

Впрочем, свидетельства о совместных застольях известны и в более позднее время. Так, среди свидетелей того, что на супрядке (посиделках) у ирбитского крестьянина Ивана Степанова били и грабили детей белослудской крестьянки Федотьи Васильевой последняя назвала гулящих людей Елфима и Филиппа Архиповых³³. В феврале 1680 г. по извету попа Елисея Захарова в произнесении монастырским закладчиком Дмитрием Овдокимовым «государева проговоренного слова» в доме кузнеца Ивана Затыкина на Верхотурье были высланы свидетели: два крестьянина и гулящий человек³⁴. Обстоятельства произнесения в документе не указаны, но наиболее частой обстановкой для возникновения таких дел являлись именно «пиры».

Итак, по крайней мере, на начальном этапе существования слободы у представителей гулящих имелись возможности довольно высокого заработка, и их социальный статус не был явным образом принижен.

Тем не менее, ряд факторов подталкивал гулящих к дальнейшим миграциям или переходу в другие социально-статусные группы: во-первых, гулящий вынужден был постоянно переходить со двора на двор, нередко хозяева проявляли грубость или отказывались от выполнения своих обязательств³⁵; во-вторых, гулящие и сами не отличались безупречным поведением³⁶, и вряд ли будет преувеличением утверждать, что большое количество одиноких мужчин заметно усиливало напряжение в социуме. Примечательно, что количество сборов с судебных дел стало падать практически одновременно с резким снижением таможенных пошлин, которое не могло обойтись без уменьшения количества прошедших через таможенно гулящих людей. Пошлины с судебных дел были следующими: 1644 г. – 7,2 руб., 1645 г. – 11,37 руб., 1648 г. – 7,63 руб., 1649 г. – 4,6 руб. Таможенные сборы: 1644 г. – 55,765 руб., 1645 г. – 68,375 руб., 1648 г. – 5,85 руб., 1649 г. – 26,2 руб.³⁷. А случай, когда драка между крестьянами и гулящими была принята за набег калмыков на Арамашевскую слободу³⁸, говорит о том, что дело могло доходить и до значительных форм межгрупповой враждебности.

В дальнейшем крестьянские семьи становились более крепкими и могли выполнять больше работ, в результате спрос на стороннюю рабочую силу постепенно сокращался. Одновременно у некоторых гулящих возникало желание обзавестись семьей. Поэтому постоянная группа ярыжек в слободе не складывалась: они, как правило, уходили в другие места или, реже, женились, обзаводились собственным хозяйством и переходили в одну из более стабильных статусных групп.

Для периода 1650–1680 гг. данные о материальной обеспеченности гулящих практически отсутствуют, зато источники позволяют сделать

некоторые выводы о степени устойчивости состава и социальной мобильности гулящих. Ниже будут без дополнительных ссылок использоваться данные из росписи гулящих 1654 г.³⁹ и таможенных книг 1661/62 г.⁴⁰, 1664/65 г.⁴¹, 1674/75 г.⁴² (Поскольку списки гулящих из этих источников невелики по объему, точные ссылки на номера листов, на которых значатся те или иные упоминаемые люди, даваться не будут. Такие ссылки будут делаться лишь при использовании данных переписей 1659 и 1666 гг., в которых поиск упоминаемых людей без указания номера листа был бы действительно проблематичен).

Из 35 гулящих, значащихся в росписи 1654 г., 7 платили оброки и в первом полугодии 1661/62 г., при этом только двое из них (Микита Тимофеев Телятник, Богдан Семенов) отмечены в переписи 1659 г.⁴³, что, как указывалось выше, служит свидетельством неполноты данных о гулящих в этом источнике. Еще 1 человек (Исак Прокопьев) зафиксирован в переписи 1659 г.⁴⁴, но не встречается в более поздних записях. Наконец, двоих гулящих удалось обнаружить среди крестьян: одного (Малафея Васильева) – в переписи 1659 г.⁴⁵, а другого (Самойла Ильина) – в переписи 1666 г., хотя упоминаний о нем между 1654 и 1666 гг. не обнаружено⁴⁶. Наконец, имя еще одного человека (Евдокима Никитина) находим в переписи 1666 г. среди беломестных казаков с указанием, что он «верстан» в 1654/55 г.⁴⁷. Таким образом, по далеко не полному подсчету, почти треть гулящих людей, зафиксированных в 1654 г., встречается в слободе не менее чем через 5 лет после первого упоминания. Однако лишь небольшая их доля (8 %) перешла в другие категории населения.

Из 20 гулящих, указанных в переписи 1659 г., 3 человека обнаруживаются в таможенной книге 1664/65 г., 1 (Михаил Деев) – в переписи 1666 г.⁴⁸; 3 не прослеживаются в таможенных книгах, но к 1666 г. «поверстались» в крестьяне. Роман Фотеев, Герасим Фотеев отмечены как новоприборные крестьяне, жили на подворье Афонасия Буланова⁴⁹, Алексей Ульянов – подрядчик у Ивана Алябыша, на которого работал и в 1659 г.⁵⁰ Один гулящий (Богдан Семенов) был зафиксирован таможенной книгой 1661/62 г., а позднее не упоминается. Таким образом, в данном случае даже несколько более трети гулящих (8 человек из 20) фиксируется на Ирбите через 6 лет, но лишь 15% (3 человека) от общего числа известных в 1659 г. гулящих перешли в другие социальные группы.

Из 44 гулящих, заплативших оброки в 1661/62 г., 6 значатся в таможенной книге 1664/65 г. и в переписи 1666 г.⁵¹ Из них 1 (Яков Самойлов) к 1666 г. поверстался в крестьяне⁵², еще 1 человек (Евдоким Иванов) из списка 1661/62 г. не упоминается среди гулящих, но в 1666 г. значится среди крестьян⁵³. Таким образом, через 3–4 года в источниках удается обнаружить лишь 10 из 44 человек (22,7 %), а в другие группы перешли только 2 человека (4,5 %).

Отдельно следует указать, что практически в каждом из перечисленных выше случаев встречаются люди, имена которых зафиксированы в

двух «крайних» для данного отрезка времени источниках, но не значатся в промежуточных. Например, Ларион Самойлов отмечен в таможенной книге 1661/62 г. и в переписи 1666 г., но его нет в таможенной книге 1664/65 г.; Михаил Деев известен по переписям в 1659 и 1666 гг., но не указан ни в одной из приходящихся на этот промежуток таможенных книг; Василий Гаврилов есть в переписи 1659 г. и в таможенной книге 1661/62 г., но его имени нет в таможенной книге 1664/65 г. и переписи 1666 г. Такого рода случаи свидетельствуют, что гулящие могли «кочевать» между слободами, периодически возвращаясь в одно и то же место.

Пересечений между гулящими, значащимися в переписи 1666 г. и таможенной книге 1674 г., выявить и вовсе не удалось. Лишь один гулящий из 44, отмеченных в 1674 г., идентифицируется в переписи 1680 г., еще один – в крестоприводной книге 1682 г.

Приведенные данные, с одной стороны, подтверждают вывод А.А. Преображенского о формировании в слободах устойчивых контингентов гулящих людей⁵⁴, с другой – заставляют сделать существенные оговорки. Во-первых, эти группы были немногочисленны и составляли меньшую часть всех гулящих, находящихся в слободе в каждый отдельно взятый момент. Во-вторых, и эти «местные» гулящие отлучались, так что полностью оседлый образ жизни (примеры которого приводит А.А. Преображенский⁵⁵) для гулящих был сравнительно редок.

Социальная мобильность представителей рассматриваемой группы, напротив, была весьма невысокой. Переход из гулящих в иные социальные группы после периода первоначального освоения территории происходил сравнительно редко. Это в целом подтверждает утверждение о том, что «далеко не все гулящие люди оседают на пашню в западносибирских уездах»⁵⁶, и ставит вопрос о продолжении специального изучения жизни рассматриваемой группы населения за Уралом и ее места в структуре общества на колонизируемом пространстве.

В частности, целесообразным представляется изучение биографий гулящих, что может стать сюжетом для отдельного (и чрезвычайно трудоемкого) исследования. Здесь же приедем лишь некоторые данные, которые удалось получить о биографиях отдельных гулящих людей, все-таки осевших на Ирбите.

Микита Тимофеев Телятник провел на Ирбите больше 10 лет: он значится во всех имеющихся списках с 1654 по 1666 гг. (других сведений на данный момент о нем выявить не удалось).

Евдоким Никифоров (Евдоким Микифоров), если верить его собственным показаниям, полученным во время переписи 1680 г., был сыном промышленного человека. Он пришел в Сибирь в 1653/54 г. и поселился на Ирбите⁵⁷. Если так, то к моменту попадания в роспись гулящих (ноябрь 1654 г.) он прожил здесь не более года. Уже в 1655 г., как следует из переписи 1666 г., он перешел в беломестные казаки⁵⁸. Этому событию способствовало два обстоятельства: во-первых, к тому времени для бело-

местных служилых уже были учреждены денежное и соляное жалованье, что для Евдокима, который и в переписи 1666 г. значился бездетным, наверняка было важно. Во-вторых, в 1652 г. среди беломестных казаков была проведена «чистка»: все, кто «поверстался» из крестьян, были возвращены в прежнее состояние⁵⁹. В переписи 1666 г. даже указан человек, чей оклад получил Евдоким, – Иван Тимофеев. К 1680 г. Евдокиму удаётся обзавестись семьей и пашней: с ним во дворе жили сыновья Иван (20 лет) и Алексей (16 лет), а размер запашки составлял 3 дес. в поле⁶⁰. Данные о возрасте сыновей противоречат утверждению переписи 1666 г. «а детей у него нет» (видимо, он предпочел скрыть их от переписи).

О Евдокиме известно и то, что 4 октября 1664 г. он продал ирбитскому крестьянину Афонасию Григореву мерина за 3 рубля⁶¹. В марте 1673 г. на Евдокима жаловался беломестный казак Михаил Емельянов, обвинявший его в том, что он бил жену Михаила в доме у попа Елисея Захарова и выбил у нее из рук ребенка, который мог умереть от падения. Евдоким утверждал, что Овдотья сама на него накинулась и стала бить по щекам. Он лишь отпихнул ее, «а робенка де с рук она уронила сама»⁶². Чем закончилось разбирательство, к сожалению, не известно. В июне 1681 г. Евдоким Никифоров участвовал в коллективных челобитных на ирбитского затинщика Афанасия Чермного (нападение с ножом, угрозы поджога)⁶³. В 1682 г. он приносил присягу царю Федору Алексеевичу⁶⁴, но после 1682 г. сведения о нем обрываются. Трудно сказать, что произошло потом. Так или иначе, попавший в поле нашего зрения более чем 25-летний период жизни Евдокима Никифорова можно признать успешным. Ему, как и его отцу, удалось избежать тягла, создать семью и, по крайней мере, к зрелому возрасту достигнуть определенного благосостояния.

По-видимому, менее удачно сложилась судьба Романа и Герасима Фотеевых («прозвище Голко»). Впервые их имена отмечены в переписи 1659 г. у крестьянина Матвея Пурегова⁶⁵. В таможенной книге 1661/62 г. значится только Роман Фотеев (с пометой «верхотурец»). А в переписи 1666 г. «Ромашка да Гераско Фотеевы дети Пинежаня» записаны среди крестьян, призванных на льготу. Своего двора у них еще не было – жили у Афонасия Буланова⁶⁶. Некоторые сомнения в тождестве перечисленных людей, связанные с различием географических характеристик (верхотурец – пинежаня), следует отвергнуть, во-первых, из-за крайней маловероятности случайного появления другой пары братьев, у каждого из которых достаточно редкое сочетание имени и отчества, а во-вторых, в связи с данными переписи 1680 г., о которых будет сказано ниже. Итак, братья поверстались в крестьяне. В именной книге 1674 г. их по каким-то причинам обнаружить не удалось, но, скорее всего, их тяглый жеребей был небольшим. Сколь-нибудь заметного их участия в мирском самоуправлении не замечено: они ни разу не упомянуты в ирбитских выборах 1666–1670 гг.⁶⁷, не обнаружено и упоминаний о них в числе «выборных» и позднее. Тем не менее, их имена («Гераско Фотеев, Ромашка Голко»)

идут рядом в «сыскных речах» ирбитских крестьян о том, занимался ли поп Елисей Захаров винным курением (сентябрь 1672 г.)⁶⁸.

В переписи 1680 г. братья записаны отдельно. Герасим Фотеев жил в *Буланове* деревне (то есть в той же деревне, где Афонасий Буланов, у которого он жил в 1666 г.). Местом своего рождения он назвал *Верхотурье*. У него было 3 малолетних (7, 6 и 2 года) сына, чуть более 4 дес. пашни в поле и на 200 копен покосов. Исходный оброк составлял 5,5 четв. ржи, 6,5 четв. овса. Доверстка составила 1 четверть ржи и овса (хотя по самым скромным нормативам должна была быть не менее полутора)⁶⁹. Роман жил в деревне Фоминой. По его утверждению, он родился в Тагильской слободе (это новая нестыковка, но количество совпадений по другим параметрам таково, что и она не дает оснований усомниться в том, что Роман и Герасим Фотеев в переписях 1659, 1666 и 1680 гг. – одни и те же лица). Сыновей у Романа не было. Пашня составляла 2 дес. в поле, что, по мнению переписчиков, соответствовало выплачиваемому оброку – 3,75 четв. ржи, 4,6875 четв. овса. Покосов было на 195 копен⁷⁰. По хозяйственным характеристикам Герасима можно было бы назвать зажиточным, а Романа середняком, однако без взрослых сыновей эти успехи были весьма зыбкими.

В 1698 г. в связи с челобитной, поданной Дементием Ваганом в Сибирский приказ, в Ирбитской слободе производился сыск о том, насколько «изгони» приказчиков становятся причинами крестьянских побегов. В ходе этого сыска выяснилось: «А Ирбитской де оброчной крестьянин деревни Булановской жител Герасимко Фотеев умре во 190-м году при сидении прикащика Василья Протопопова. А оброчного де хлеба платил он, Герасимко, чет без малого четверика ржи, чет с четвериком и полпол четверика овса. А пашенными землями и санными покосы и двором владеет брат его Ромашка Фотиев з 205 году по подписной челобитной прикащика Ильи Ярцова. А с тех пашенных земель и санных покосов платит он, Ромашка, в казну великого государя по десяти денег на год»⁷¹.

Таким образом, благополучие Герасима Фотеева оборвалось уже через 2 года после переписи, причем названная крестьянами величина выплачиваемого им оброка была в 4 раза меньше той, которая была указана в 1680 г. То ли смерти предшествовала длительная болезнь, и Герасим успел передать кому-то большую часть тягла, то ли данные переписи 1680 г. по каким-то причинам были сильно завышены.

О том, что произошло с хозяйством Романа, судить трудно. Вероятно, он забрал к себе детей брата. Через 15 лет, когда он взял в оброк его земли, пасынки уже должны были стать полноценными работниками, следовательно, жизнь могла наладиться. Однако чрезвычайно низкая величина оброка (всего 5 коп.) дает основание сомневаться в хозяйственных успехах Романа, которому к тому времени должно было быть около 70 лет.

Бобыли (промышленные люди)

С 1680 г. в Ирбитской слободе в заметном количестве стали фиксироваться бобыли (промышленные люди). Люди, записанные в эти категории (которые были практически синонимичными), отличались своим образом жизни от обычных гулящих людей. Они дольше оставались в слободе, большее их число вело самостоятельное хозяйство, они имели семьи и даже некоторое подобие общинной организации. Кроме того, значительная их часть состояла не из мигрантов со стороны, а из местных жителей.

В переписи 1680 г. значится: «Бобыли, живут своими дворами, промышленяют всякими промыслами. И с нынешнего со 188-го года велено им платить денежной оброк». Таковых было 8 дворов, хозяин одного из которых назван захребетником. Трое, если верить их сказкам, проживали в слободе уже достаточно долго – один с 1672/73 г., двое – с 1674/75 г. Двое бобылей сказались уроженцами Ирбитской слободы, двое назвались выходцами из Устюжского и Важского уездов, по одному – из Сургута и Соликамского уезда⁷².

Как и в Поморье XVII в.⁷³, под бобылями подразумевались, в первую очередь, люди неземледельческих занятий («промышленяют всякими промыслами»), в том же значении в Сибири был распространен термин «промышленные люди». В крестоприводной книге 1682 г. отмечено 8 промышленных людей, 7 из которых идентичны прежним бобылям, и 8 человек «жилецких людей» (включая троих сыновей)⁷⁴. В денежной книге за 1689 г. записано 7 промышленных людей, 1 бобыль, 1 захребетник и 2 человека без указания статуса. В «рописи оброков» за 1695 г. в рубрике «с промышленных оброку» значилась 21 оброчная статья, причем в 3 случаях на один оброк приходилось 2 брата⁷⁵. В 1699 г. в аналогичном документе было записано уже 37 оброчных статей, которые выплачивал в общей сложности 41 человек⁷⁶.

Как уже упоминалось, в списке 1682 г. только 2 бобыля (Томила Васильев (устюжанин) и Иван Евсеев идентифицируются среди 44 гулящих, значащихся в таможенной книге 1674 г.⁷⁷ Столь слабое пересечение списков является первым аргументом в пользу того, что гулящие и бобыли (промышленные люди) были разными социальными категориями. Группа гулящих была лишь одним из источников появления промышленных людей.

Другим источником было местное нетяглое население. Один из двух бобылей, назвавших Ирбит своей родиной, был Меркурий Захаров – брат местного священника Елисея Захарова⁷⁸, рукоположенного не позднее августа 1663 г., когда он подписал мирской приговор⁷⁹. Вторым был захребетник Василий Григорьев Плеханов – отставной беломестный казак, поверставшийся из гулящих весной 1661 г. и ушедший в отставку в 1672 г. в связи со старостью и слабым зрением⁸⁰. В дальнейшем Василий Плеханов в качестве промышленного человека упоминается в таможенной книге 1674 г., и в качестве захребетника Василий Григорьев

фиксируется в документах 1680-х. В 1690-х гг. имя Василия Плеханова встречается среди бобылей, давших показания по делу о злоупотреблениях ирбитских приказчиков (1698 г.) и в числе плательщиков оброков с мельниц (1699 г.)⁸¹.

Еще одним отличием промышленных людей (бобылей) от гулящих является значительная устойчивость их состава. Из 8 бобылей, записанных в 1680 г., 6 – уже в качестве промышленных людей – продолжали платить оброк в 1689 г.⁸² Из 11 человек, записанных в денежной книге 1689 г., в 1699 г. семеро идентифицируются надежно, и еще один – предположительно⁸³.

Устойчивость рассматриваемой группы демонстрирует также то обстоятельство, что в ходе сыска 1698 г. о злоупотреблениях ирбитских приказчиков перечень представителей данной группы (названной на этот раз бобылями) начинался с имени десятника Данилы Филиппова⁸⁴. То есть, по крайней мере, формально у бобылей уже существовала общинная организация.

Увеличение количества промышленных людей, «на ком имяны на ирбитских всяких чинов людех всяких оброчных денег на нынешней на 208-й год взять», в росписи 1699 г. до 41 человека⁸⁵ во многом связано с активизацией в 1690-е гг. сдачи на оброк земель беглых крестьян. Все, кто арендовал эти земли, попадали в раздел «С промышленных оброку» на том, видимо, основании, что они тоже платили денежную ренту. Об этом говорит сопоставление с «рописью ирбитским крестьяном, хто живут на денежном оброке», посланной с Ирбита 7 июня 1698 г. и содержащей 17 оброчных статей⁸⁶. Вопрос о том, сколько среди таких «промышленных людей» было крестьян, сохранявших и обычные тяглые участки на хлебном оброке, остается открытым. Однако в любом случае они продолжали считаться крестьянами: после каждой записи о тех или иных отданных в оброк землях следует указание: «А с Ирбитскими крестьяны всякие поборы платит, изделия и поделки делает».

Вполне возможно, далеко не все «промышленные люди» являлись профессиональными торговцами или ремесленниками. Для кого-то занятия «промыслом» могли быть временными или сочетаться с работой по найму. Однако то, что в рамках этой категории на Ирбите стала формироваться группа профессиональных ремесленников и торговцев, вряд ли подлежит сомнению. Среди промышленных людей двое имели «говорящие» прозвища: Иван Красильник и Федор Яковлев Портняжка. Оба (наряду с другими промышленными людьми, значащимися в переписи 1680 г., – Меркурием Захаровым, Григорием Капьярносом и, возможно, Микифором Логиновым) прочно осели на Ирбите и значились среди промышленных людей, плативших оброк в 1699 г.⁸⁷

Материалы выявленного и описанного Е.В. Вершининым судебного дела⁸⁸, связанного с ограблением в ноябре 1684 г. Мартына Власова Пасынка (он вез также товары Сидора Красильникова, сына Ивана Красильника), подтверждают, что Иван Красильник занимался ремеслом

(покраской тканей), и показывают, что его семья вела также довольно внушительные торговые операции. В коробе и мешке, принадлежавших Сидору, было «десять зенденей, три фунта шолку всяких розных цветов, восм колцов китайские (четыре колца, темно-лазоревои четыре колца, темно-вишневои), три колца пестрой китайки, шест платов синих, шесть кушаков (три красно-пестрые, три пестрые), пятнатцат аршин китайки белые, два колца бязи по четырнатцат аршин конец, выбойки пятнатцат аршин, да ровдуга остоятцкое дело, двое рукавицы волит[м?]ные, шитые, цевка золота на дошечке, сломана, двенатцат портищ пуговиц белых каменных, десят портищ синих каменных на оловяных спенках, две бумажки игол да мыла очного на пят алтын, фунт давески. Да тут же в коробе было пят рублей денег. И на тот товар тут же в коробе была и выпись»⁸⁹. По горячим следам удалось задержать одного из грабителей. Ими оказались жившие недалеко от слободы туринские ямщики братья Косареви. Оставшиеся на свободе братья обещали вернуть награбленное. Однако обещание сдержали не в полной мере: возвращенных товаров было гораздо меньше, чем украденных. Василий Косарев, впрочем, это отрицал и просил обыскать пострадавших (якобы, они свои товары утаили дома)⁹⁰. Досмотр, однако, выявил лишь короб, в котором было «накладено холстов льняных и конопляных льняных да крашенин. И отец ево, Сидорков, Ивашка Красилник сказал, что де те холсты чужие, принесены красит. А крашенины чужие, еще хозяевам не розданы»⁹¹.

Согласно уже упоминавшейся выше росписи оброков с промышленных людей 1699 г., численность этой категории на Ирбите значительно выросла и достигла 37 ответственных плательщиков⁹². И вновь не обошлось без профессиональных прозвищ, хотя и редких: Красильников, Кузнецов, Свешников.

«Жилецкие люди»

Отдельного рассмотрения заслуживают и «жилецкие люди», упомянутые в крестоприводной книге 1682 г. В своем наиболее известном значении – «неслужилые люди» – это выражение встречается часто, в том числе и в преамбуле к той же крестоприводной книге: «... Приводил к вере по чиновной книге... вкладчиков, и крестьян, и захребетников, и *всяких жилецких людей*»⁹³. Однако, когда он использовался для обозначения одной из категорий людей (наряду с детьми боярскими, посадскими, крестьянами и т.д.), присягавших в 1646 г. Алексею Михайловичу и в 1682 г. Ивану и Петру Алексеевичам⁹⁴, его значение явно было иным.

Список жителей слободы, названных в крестоприводной книге 1682 г. «жилецкими людьми», не совпадает со списком промышленных людей, с которых был взят оброк в 1689 г. С гулящими людьми, отмеченными в 1674 г., «жилецкие» тоже не пересекаются (а среди приносивших присягу в 1682 г. гулящие люди уже выделены в самостоятельную категорию).

Как и гулящие люди, «жилецкие» не несли крестьянского тягла и не состояли на службе, однако пришлых среди них было меньше. Анализ персонального состава «жилецких людей» из списка 1682 г. показывает: из 8 человек 3, вероятно, были выходцами из ирбитских крестьян. Микита Долгушин, вероятно, идентичен Миките Васильеву Долгушину, который в 1666 г. жил с братом Иваном на отцовом дворе, но в отдельном подворье⁹⁵. Иван Васильев Кряжев (у которого был сын Парфений) может быть отождествлен с сыном Василия Борисова Кряжева, сменившего отца вместе с братом Насоном к 1674 г.⁹⁶ Еще двое – Иван и Алексей Альковы – носили фамилию, распространенную в расположенном неподалеку от Ирбита селе Покровском⁹⁷.

О том, что многие «жилецкие люди» были местными, говорят как более ранние, так и более поздние упоминания в источниках.

Первым известным упоминанием на Ирбите категории «жилецких» является словесная явка «жилецкого человека» Абрама Фадеева о краже у него из клетки шубы и кафтана (9 октября 1671 г.)⁹⁸. В переписи 1666 г. записано: «Двор. А в нем живет ирбитцкой же мелничной прежней кузнец Обращка Фадеев, стар и увечен. За увечье из кузнецов отставлен во 167-м [1659]...»⁹⁹. Под 21 июня 1665 г. в таможенной книге записано: «з бобылка с Обращки Фадеева рубль»¹⁰⁰. Скорее всего, речь идет об одном и том же человеке.

«Жилецкий человек» Дмитрий Захаров Попов, бывший в 1698 г. челом на свойственника¹⁰¹, был сыном местного священника Елисея Захарова, а до того служил в беломестных казаках. Около 1695 г. он бежал¹⁰², но, как можно видеть из челобитной, все-таки на Ирбит вернулся.

Осенью 1694 г. приказчик Иван Томилов должен был «положить» денежный оброк на Алексея Агапитова с братом, которые до того тягла не несли. Оба брата, видимо, не были женаты и жили вместе со своей матерью Ксенией и сестрой. Приказчик стал вымогать у Ксении быка, обещая уменьшить величину оброка, но та не соглашалась. В споре Иван Томилов сильно толкнул Ксению с крыльца, та упала и расшиблась насмерть. Люди, привлеченные к допросу по этому делу, характеризовали сыновей убитой как «ирбитцкой слободы жителей» или «ирбитцких жителей»¹⁰³. Сами истцы в своей челобитной назвали себя «Ирбитцкой слободы увечные нищие жители Алешка Агапитов з братом»¹⁰⁴, добавив «увечные нищие», видимо, для того чтобы объяснить свой нетяглый статус. Скорее всего, «житель» и «жилецкий человек» в данном контексте синонимичны, и материалы дела позволяют поближе познакомиться с этой социальной категорией.

Во-первых, как и в приведенных выше случаях, у попавших в поле нашего зрения «жителей» можно видеть местные корни: согласно ряду показаний, погибшая Ксения была родной сестрой беломестного казака Микиты Малюгина, служившего в Ирбитской слободе, по крайней мере, с ноября 1684 г.¹⁰⁵ Во-вторых, Агапитовы явно не были нищими: у них

был свой двор, покосы, скот и, нужно полагать, пашня. Семейство в целом было обеспечено рабочими руками: два взрослых (или почти взрослых) брата, мать и сестра¹⁰⁶.

В то же время «жилецкими людьми» названы в челобитной ответчика Василия Косарева (ноябрь 1684 г.) пострадавшие Мартын Власов и Сидор Иванов Красильник, «ирбитским жителем» назван Сидор Красильник в челобитной казака Микиты Малюгина¹⁰⁷, хотя социальное положение последних можно было указать точнее: Мартын в том же деле назван крестьянским сыном¹⁰⁸, а Сидор сыном «промышленного человека» Ивана Красильника, который значился бобылем уже в крестоприводной книге 1682 г.¹⁰⁹

Судя по рассмотренным случаям, «жилецкими людьми» иногда называли «жителей» слободы вообще, хотя чаще всего так именовали людей с неустойчивым статусом, особенно тех, кто, проживая в слободе, так или иначе выпадали из своей прежней социальной группы и не были зачислены в какую-либо другую.

Что было общего и особенного у «жилецких людей» Ирбитской слободы и Верхотурского уезда и у «жилецких» из других местностей¹¹⁰, еще предстоит выяснить.

* * *

Итак, исследование трех маргинальных категорий населения Ирбита – гулящих, промышленных и «жилецких» людей – позволяет сделать следующие выводы. В первые десятилетия развития Ирбитской слободы (1632–1640-е гг.) через нее проходило большое количество гулящих людей. Они работали по найму, занимались промыслами. Их статус не был ощутимо ниже крестьянского и, по крайней мере, часть из них имела довольно высокий заработок. В то же время положение гулящих было нестабильным, и в их взаимоотношениях с постоянным земледельческим населением существовала напряженность. В 1650–1670-е гг. численность гулящих колебалась от 20 до 50 человек, при этом лишь небольшая часть гулящих оседала в слободе надолго. Зато к 1680 г. оформилась небольшая группа постоянно проживающих в слободе промышленных людей, и стала набирать силу тенденция к пополнению группы «жилецких людей», по-видимому, близкой к «промышленным людям». В том же русле проходил процесс перехода крестьян на жеребьи беглых с выплатой небольшого (от 5 до 40, чаще всего – 15 коп.) денежного оброка.

Перечисленные процессы, по-видимому, оправдано связать с этапами хозяйственного развития Ирбитской слободы. Первое сокращение численности гулящих совпало с падением урожайности земледелия в 1650-х гг. Второе сокращение численности гулящих при параллельной стабилизации группы промышленных людей и увеличении числа маргинальных «жилецких людей» пришлось на время уменьшения сельскохозяйственной

привлекательности территории и одновременного развития Ирбитской ярмарки. На эволюцию экономики и социальной организации Ирбита не могло не оказывать влияния и освоение Южного Зауралья, куда держало путь большинство беглых ирбитских крестьян и, надо полагать, продолжавших приходить из Поморья «гулящих людей».

Таким образом, количество «отчужденного от средств производства» населения на протяжении исследованного периода находилось в зависимости не столько от (прото)капиталистических отношений, сколько от уровня сельскохозяйственной привлекательности земель и демографической ситуации.

Примечания

¹ *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 111–115.

Vodarsky Ya.E. Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII veka. Moscow, 1977. P. 111–115.

² *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. М., 2004. С. 348–352.

Kulisher I.M. Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva. Moscow, 2004. P. 348–352.

³ *Филатова В.Н.* Социальная структура сел Лысково и Павлово Нижегородского уезда по материалам писцового делопроизводства XVII века // Писцовые книги и другие массовые источники XVI – XX веков. М., 2008. С. 319–327.

Filatova V.N. Sotsialnaya struktura sel Lyskovo i Pavlovo Nizhegorodskogo uezda po materialam pistovogo deloproizvodstva XVII veka // Pistovye knigi i drugie massovye istochniki XVI–XX vekov. Moscow, 2008. P. 319–327.

⁴ *Кулишер И.М.* Указ соч. С. 348–352; *Голикова Н.Б.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. М., 1965. С. 3, 12.

Kulisher I.M. Op. cit. P. 348–352; *Golikova N.B.* Naemny trud v gorodah Povolzhya v pervoy chetverti XVIII veka. Moscow, 1965. P. 3, 12.

⁵ *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 100–120, 288–320.

Preobrazhensky A.A. Ural i Zapadnaya Sibir v kontse XVI – nachale XVIII v. Moscow, 1972. P. 100–120, 288–320.

⁶ Там же. С. 101–103.

Ibidem. P. 101–103.

⁷ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН). Ф. 28. Оп. 1. Д. 295.

Archive of St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences (ASPBII RAN). F. 28. Op. 1. D. 295.

⁸ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 300–302; *Борисов В.Е.* Судное дело между крестьянами Ирбитской слободы Верхотурского уезда, 1642 – 1643 гг. // Исторический архив. 2009. № 5. С. 179–187; Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 335, 386, 403. Сставы (Сст.) 1–4; Д. 504. Сст. 7; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 736. Л. 1–27; Д. 747 Л. 7–13.

Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 300–302; *Borisov V.E.* Sudnoe delo mezhdru krestyanami Irbitskoy slobody Verkhoturkskogo uezda, 1642 – 1643 gg. // Istorichesky arkhiv. 2009. No. 5. P. 179–187; ASPBII RAN. F. 28. Op. 1. D. 335, 386, 403. Sstav (Sst.) 1–4; D. 504. Sst. 7; Russian State Archive of Early Acts (RGADA) F. 1111. Op. 2. D. 736. L. 1–27. D. 747. L. 7–13.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 178. Л. 18об.–19.

- RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 178. L. 18v.–19.
- ¹⁰ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 109.
Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 109.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 79. Л. 35–36;
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 79. L. 35–36.
- ¹² Преображенский А.А. Указ. соч. С. 311.
Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 311.
- ¹³ РГАДА. Оп. 3. Д. 40. Л. 185–215.
RGADA. Op. 3. D. 40. L. 185–215.
- ¹⁴ РГАДА Ф. 1111. Оп. 4 Д. 52. Л. 83–87.
RGADA F. 1111. Op. 4 D. 52. L. 83–87.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 13. Л. 122–123, 141–143об.
RGADA. F. 1111. Op. 3. D. 13. L. 122–123, 141–143v.
- ¹⁶ Тобольский государственный историко-архитектурный музей заповедник (ТГИАМЗ).
Контрольная папка (КП). 12692. Л. 221об.–245об.
Tobolsk State Historical Architecture Museum (TGIAMZ). Kontrolnaya papka (KP).
12692. L. 221v.–245v.
- ¹⁷ РГАДА Ф. 1111 Оп. 4. Д. 84. Л. 142–143, 156–157об.
RGADA F. 1111 Op. 4. D. 84. L. 142–143, 156–157v.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 79. Л. 40.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 79. L. 40.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 748. Л. 30об.–31.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 748. L. 30v.–31.
- ²⁰ РГАДА Ф. 1111. Оп. 1. Д. 78/2. Л. 111 (1694 г.); Д. 26. Л. 153 (1698 г.).
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 78/2. L. 111 (1694 g.); D. 26. L. 153 (1698 g.).
- ²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 386.
ASPBII RAN. F. 28. Op. 1. D. 386.
- ²² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 852. Л. 1–2.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 852. L. 1–2.
- ²³ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 292–296.
Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 292–296.
- ²⁴ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Собр. соч. Т. 1.
Тюмень, 1999. С. 44, 47–48.
Butinsky P.N. Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov // *Sobr. soch.* Vol. 1. Tyumen,
1999. P. 44, 47–48.
- ²⁵ Там же. С. 295, 298.
Ibidem. P. 295, 298.
- ²⁶ Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 108–109.
Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Moscow, 1961. P. 108–109.
- ²⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 335. Стр. 1–2, 9.
ASPBII RAN. F. 28. Op. 1. D. 335. Sst. 1–2, 9.
- ²⁸ Там же. Стр. 4–5.
Ibidem. Sst. 4–5.
- ²⁹ Борисов В.Е. Указ. соч. С. 184.
Borisov V.E. Op. cit. P. 184.
- ³⁰ Коновалов Ю.В. Из крестыанской именной книги Верхотурского уезда 1640/41 года // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 41.
Konovalev Yu. V. Iz krestyanskoj imennoy knigi Verhoturskogo uezda 1640/41 goda // *Irbit i Irbitskiy kraj: Ocherki istorii i kultury.* Ekaterinburg, 2006. P. 41
- ³¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 739. Л. 34.
- RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 739. L. 34.
- ³² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 747. Л. 9.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 747. L. 9.
- ³³ РГАДА Ф. 1111. Оп. 2. Д. 281. Л. 32–33.
RGADA F. 1111. Op. 2. D. 281. L. 32–33.
- ³⁴ РГАДА Ф. 1111. Оп. 2. Д. 815. Л. 1–2.
RGADA F. 1111. Op. 2. D. 815. L. 1–2.
- ³⁵ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 301–302; Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1.
Д. 403. Стр. 1–4, Д. 504.
Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 301–302; ASPbII RAN. F. 28. Op. 1. D. 403. Sst. 1–4;
D. 504.
- ³⁶ Преображенский А.А. Указ соч. С. 300–301; Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1.
Д. 295, 386.
Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 300–301; ASPbII RAN. F. 28. Op. 1. D. 295; 386.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 178. Л. 18об.–25 (1644/45 г.); Кн. 244. Л. 21об.–30об.
(1648/49 г.).
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 178. L. 18ob.–25 (1644/45 g.); Kn. 244. L. 21v.–30v. (1648/49 g.).
- ³⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2001. С. 594.
Miller G.F. Istoriya Sibiri. T. II. Moscow, 2001. P. 594.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 79. Л. 35–36.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 79. L. 35–36.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 52. Л. 83–87.
RGADA. F. 1111. Op. 4. D. 52. L. 83–87.
- ⁴¹ РГАДА. Оп. 3. Д. 13. Л. 123–123, 141–143об.
RGADA. Op. 3. D. 13. L. 123–123, 141–143v.
- ⁴² РГАДА. Оп. 4. Д. 84. Л. 142–143, 156–157об.
RGADA. Op. 4. D. 84. L. 142–143, 156–157v.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 40. Л. 197, 212.
RGADA. F. 1111. Op. 4. D. 40. L. 197, 212.
- ⁴⁴ Там же. Л. 203.
Ibidem. L. 203.
- ⁴⁵ Там же. Л. 210.
Ibidem. L. 210.
- ⁴⁶ ТГИАМЗ. КП. 12692. Л. 235об.
TGIAMZ. KP. 12692. L. 235v.
- ⁴⁷ Там же. Л. 213об.–214.
Ibidem. L. 213v.–214.
- ⁴⁸ Там же. 224.
Ibidem. L. 224.
- ⁴⁹ Там же. Л. 243об.
Ibidem. L. 243v.
- ⁵⁰ Там же. Л. 227об.
Ibidem. L. 227v.
- ⁵¹ Там же. Л. 222, 226об., 227.
Ibidem. L. 222, 226v., 227.
- ⁵² Там же. Л. 244.
Ibidem. L. 244
- ⁵³ Там же. Л. 242об.–243.
Ibidem. L. 242v.–243.
- ⁵⁴ Преображенский А.А. Указ соч. С. 118.

Preobrazhensky A.A. Op. cit. P. 118.
⁵⁵ Там же. С. 102–103.
Ibidem. P. 102–103.
⁵⁶ Там же. С. 103.
Ibidem. P. 103.
⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 572об.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 572v.
⁵⁸ ТГИАМЗ. КП. 12692. Л. 213об.–214.
TGIAMZ. KP. 12692. L. 213v.–214.
⁵⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 119. Л. 114об., 118, 120, 131; Оп. 4. Д. 30. Л. 163–163об.
RGADA. F. 1111. Op. 3. D. 119. L. 114v., 118, 120, 131; Op. 4. D. 30. L. 163–163v.
⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 572об.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 572v.
⁶¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 13. Л. 127.
RGADA. F. 1111. Op. 3. D. 13. L. 127.
⁶² Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 21/1. Сст. 7–8.
ASPBII RAN. F. 28. Op. 1. D. 21/1. Sst. 7–8.
⁶³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 305. Л. 24–28.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 305. L. 24–28.
⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 748. Л. 24.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 748. L. 24.
⁶⁵ *Коновалов Ю.В.* Перепись Верхотурского уезда 1659 года // Ирбит и Ирбитский край: Очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 49.
Konovalev Yu. V. Perepis Verhoturskogo uezda 1659 goda // Irbit i Irbitsky kray: Ocherki istorii i kultury. Ekaterinburg, 2006. P. 49.
⁶⁶ ТГИАМЗ. КП. 12692. Л. 243об.
TGIAMZ. KP. 12692. L. 243v.
⁶⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Л. 141, 185–188, 205–206, 214, 232–233, 243, 247, 282–283, 306, 307, 320, 321, 374–375, 405, 415, 452.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 33. L. 141, 185–188, 205–206, 214, 232–233, 243, 247, 282–283, 306, 307, 320, 321, 374–375, 405, 415, 452.
⁶⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 5. L. 80.
⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 604об.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 604v.
⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 613об.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 613v.
⁷¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 68. Ч. 3. Л. 22.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 68. Ch. 3. L. 22.
⁷² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 659об.–661.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 659v.–661.
⁷³ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере. Т. I. М., 1909. С. 136–139.
Bogoslovsky M. M. Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe. Vol. I. Moscow, 1909. P. 136–139.
⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 659об.–661; Кн. 748. Л. 30об.–31, 32–33.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 659v.–661; Kn. 748. L. 30v.–31, 32–33.
⁷⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 26. Л. 33об.–35.

RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 26. L. 33v.–35.
⁷⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Сст. 139–141.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 87. Sst. 139–141.
⁷⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 84. Л. 142, 156–156об.
RGADA. F. 1111. Op. 4. D. 84. L. 142, 156–156v.
⁷⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 855. Л. 3.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 855. L. 3.
⁷⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Л. 105.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 33. L. 105.
⁸⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 925 (1661 г.); РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 49. Л. 100–102 (1674 г.).
ASPBII RAN. F. 28. Op. 1. D. 925 (1661 g.); RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 49. L. 100–102 (1674 g.).
⁸¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 4. Д. 84. Л. 157 (1674 г.); Оп. 1. Д. 68. Ч. 3. Л. 25 (1698 г.); Д. 87. Сст. 134 (1699 г.).
RGADA. F. 1111. Op. 4. D. 84. L. 157 (1674 g.); Op. 1. D. 68. Ch. 3. L. 25 (1698 g.); D. 87. Sst. 134 (1699 g.).
⁸² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 659об.–661; Кн. 981. Л. 165 об.–166об.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 697. L. 659v.–661; Kn. 981. L. 165v.–166v.
⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 981. Л. 165 об.–166об.; Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Сст. 139–141.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 981. L. 165v.–166v.; F. 1111. Op. 1. D. 87. Sst. 139–141.
⁸⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 68. Ч. 3. Л. 25.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 68. Ch. 3. L. 25.
⁸⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Сст. 139–141.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 87. Sst. 139–141.
⁸⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 852. Л. 29, 31, 74, 76.
RGADA. F. 1111. Op. 2. D. 852. L. 29, 31, 74, 76.
⁸⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Сст. 139.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 87. Sst. 139.
⁸⁸ *Вершинин Е.В.* Ирбитская слобода в XVII в. // Ирбитская ярмарка: Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII – XVIII веках. Екатеринбург, 2003. С. 29–30.
Vershinin E. V. Irbitskaya sloboda v XVII v. // Irbitskaya yarmarka: Irbitskaya sloboda i Irbitskaya yarmarka v XVII – XVIII vekakh. Ekaterinburg, 2003. P. 29–30.
⁸⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 61. Ч. 1. Л. 39.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 61. Ch. 1. L. 39.
⁹⁰ Там же. Л. 40–46.
Ibidem. L. 40–46.
⁹¹ Там же. Л. 47.
Ibidem. L. 47.
⁹² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Сст. 139–141.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 87. Sst. 139–141.
⁹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 748. Л. 1, 64.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 748. L. 1, 64.
⁹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 194. Л. 35, 74об., 76об.; Кн. 748. Л. 30об.–31, 32–33.
RGADA. F. 214. Op. 1. Kn. 194. L. 35, 74v., 76v.; Kn. 748. L. 30v.–31, 32–33.
⁹⁵ ТГИАМЗ. КП. 12692. Л. 232об.–233.
TGIAMZ. KP. 12692. L. 232v.–233.

- ⁹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 585. Л. 381об.
RGADA. F. 214. Op. 1. D. 585. L. 381v.
- ⁹⁷ Брылин А.И., Елькин М.Ю. Покровская волость: история, генеалогия, краеведение. Екатеринбург, 2008. С. 83–84.
Brylin A.I. Elkin M.Yu. Pokrovskaya volost: istoriya, genealogiya, kraevedenie. Ekaterinburg, 2008. P. 83–84.
- ⁹⁸ РГАДА Ф. 1111. Оп. 2. Д. 794. Л. 2.
RGADA F. 1111. Op. 2. D. 794. L. 2.
- ⁹⁹ ТГИАМЗ. КП. 12692. Л. 220об.
TGIAMZ. KP. 12692. L. 220v.
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 13. Л. 142об.
RGADA. F. 1111. Op. 3. D. 13. L. 142v.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 855. Л. 3.
RGADA F. 1111. Op. 2. D. 855. L. 3.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 312. Ч. 1. Л. 24–25.
RGADA. F. 1111 Op. 1. D. 312 Ch. 1. L. 24–25.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 78/2. Л. 57, 58, 61, 66.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 78/2. L. 57, 58, 61, 66.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 79.
Ibidem. L. 79.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 61/1. Л. 48, 51.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 61/1. L. 48, 51.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 78/2. Л. 57, 79.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 78/2. L. 57, 79.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 61/1. Л. 48, 51.
RGADA. F. 1111. Op. 1. D. 61/1. L. 48, 51.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 38.
Ibidem. L. 38.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 748. Л. 32.
RGADA. F. 214. Op. 1. D. 748. L. 32.
- ¹¹⁰ Королев Г.И. Имена и фамилии посадских людей Боровска в XVII веке // Вестник архивиста. 2007. № 1. С. 92–105; Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 3, 6.
Korolev G.I. Imena i familii posadskikh lyudey Borovska v XVII veke // Vestnik arkhivista. 2007. No. 1. P. 92–105; Pokrovskiy N.N. Tomsk, 1648–1649 gg.: Voevodskaya vlast i zemskie miry. Novosibirsk, 1989. P. 3, 6.

«ОТ ЭТОГО ЗАВИСИТ ВСЯ СУДЬБА РОССИИ»: К ИЗУЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ СМУТЫ

Из современной историографической ситуации со всей очевидностью вытекает: без изучения экономики и всего комплекса внутренних и внешних факторов, которые влияли на ее состояние, а также экономической политики многообразных правительств, существовавших на территории бывшей Российской империи, невозможно точно судить о причинах победы большевистской диктатуры в Гражданской войне, или Второй русской смуте. В частности, изучение экономического порядка и эффективности экономической политики, особенно финансовой и торговой, дает ключ к пониманию закономерностей как усугубления хозяйственного кризиса на белых, антибольшевистских, территориях, так и развала государственности Белого движения, а также истинной роли иностранных держав во Второй русской смуте.

Это ярко демонстрируют новейшие исследования как по югу России, военным диктатурам генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля¹, так и по востоку страны, военной диктатуре адмирала А.В. Колчака².

Очевидно и другое: наиболее перспективный и плодотворный путь – сравнительное изучение политики военного коммунизма и экономической политики антибольшевистских правительств в конкретном регионе, который попеременно находился под властью красных и белых.

При этом, однако, исключительно важным представляется следующее: не оставить вне поля зрения воздействие демографических процессов и факторов на усугубление хозяйственной разрухи в России, расколотой во время Второй русской смуты на несколько государственных образований. Не менее важно исследовать взаимозависимость между экономической политикой и мероприятиями в демографической области, которые проводились большевистскими и антибольшевистскими властями в пределах одного региона. Очевидно, что без всестороннего учета демографических факторов невозможно судить об экономических процессах и эффективности экономической политики любого правительства, существовавшего в то смутное время на территории бывшей Российской империи. Подчеркиваем: мы ведем речь о демографических и экономических факторах не только внутреннего происхождения, но и внешнего.

Особенно показательны в этом плане Сибирь и Дальний Восток России, участие соседствующих с ними Японии и Китая во Второй русской смуте³. Об этом свидетельствует и одна из работ безвременно ушедшей Валентины Дмитриевны Зиминой, ее интерес к историографическому аспекту экономической проблематики применительно именно к «белой» Сибири⁴.

Демографическую и экономическую экспансию Японии и Китая на российском Дальнем Востоке и в Сибири следует, по нашему убеждению, рассматривать во контексте, в тесной взаимосвязи с процессом переселения в эти регионы жителей центральных и западных губерний России.

Несколько столетий подряд Сибирь являлась для России одним из главных направлений переселенческой активности. В конце XIX – начале XX вв., особенно в годы столыпинской аграрной реформы, переселенческое движение в Сибирь из западных регионов страны резко возросло. В годы Первой мировой войны и последовавших затем революционных событий поток переселенцев продолжал набирать силу. Большое количество свободных плодородных земель, низкая плотность населения, правительственный протекционизм в области колонизационной политики привлекали в Сибирь все новые и новые массы мигрантов. Для большинства переселенцев обустройство в Сибири стало представляться едва ли не единственным способом выжить вследствие товарного и продовольственного голода, обрушившегося на западные и центральные губернии России.

Приток людских ресурсов в Сибирь, главным образом из сельскохозяйственных районов страны, долгие годы подряд воспринимался как благо. Особую роль тут играли геополитические соображения. Сезонные рабочие из Китая, разбалансировавшие рынок труда в Сибири, экономическое давление японского и китайского бизнеса на приграничные области России – все эти факторы заставляли российские власти заботиться об освоении малозаселенных областей Сибири и Дальнего Востока в целях обеспечения экономической и военной безопасности страны.

Гражданская война привнесла в миграционные процессы свои особенности. Переселенцев, пользовавшихся государственной поддержкой, ориентированных на создание в Сибири крепких крестьянских хозяйств и имевших для этого физические и материальные ресурсы, сменили потоки беженцев, принесшие в этот регион экономический и демографический кризис. Временное Сибирское правительство и Российское (Омское) правительство адмирала А.В. Колчака стремились преодолеть создавшийся кризис.

Одной из первых проблем, вставших перед Временным Сибирским правительством в вопросе управления миграционными потоками в Сибири, оказалась организационная. Помимо финансового кризиса, проблема эта была усугублена органами Советской власти.

Местные учреждения дореволюционного ведомства земледелия и землеустройства были ими распущены, их квалифицированный и опытный персонал остался не у дел. В первую очередь была прекращена деятельность статистических органов. Так, в феврале 1918 г. появилось указание Технического совета Восточного района заведующему Восточным районом о закрытии статистических отделений ведомства земледелия

и землеустройства. В указании говорилось: «Предлагается к 1 марта закрыть Куенгинский и Стретенский пункты, уволить обслуживающих их лиц и принять меры к охране зданий и имущества пунктов. К 1 же марта должно быть ликвидировано Статистическое отделение и регистратура на Иркутском пункте с увольнением служащих этих отделений от занимаемых должностей... Обработка статистического материала и регистратура впредь до улучшения финансового положения страны прекращается...»⁵

Это решение привело к полному прекращению работы по сбору и анализу статистических сведений о миграционных процессах в Сибири. В итоге процесс переселения, активизировавшийся в конце зимы 1917–1918 гг., вышел из-под контроля.

Из-за отсутствия статистики, при исследовании демографических процессов в Сибири этого периода приходится использовать другие источники: 1) финансовые отчеты переселенческих пунктов о суммах, истраченных на питание беженцев и переселенцев, 2) текущую документацию и отчеты Российского общества Красного Креста и других благотворительных организаций⁶, 3) документы управлений железных дорог, отражающие количество перевезенных пассажиров.

Все эти источники отличаются значительной долей фальсифицированных данных. К примеру, отчетность благотворительных организаций очень часто завывалась в целях получения дополнительных бюджетных ассигнований на помощь беженцам, и в итоге приписки «мертвых душ», якобы получивших помощь, были явлением обычным. Отчетность железных дорог о количестве перевезенных пассажиров также не могла быть сколько-нибудь достоверной, поскольку далеко не все пассажиры покупали билеты (гораздо чаще, как это хорошо известно, поезда брались с боем), особенно с весны 1918 г. Позднее ситуация только усугублялась. Скажем, в январе 1919 г. один из районных отделов колонизации констатировал в телеграмме в Омск, что «регистрация затрудняется противодействием военнопленных, прибывающих часто малыми партиями, спешащими даже на буферах и тормозах. Необходимы меры упорядочения...»⁷

С приближением весны 1918 г. резко возросло переселенческое движение за Урал. Крестьяне стремились прибыть к новому месту жительства к началу весенне-полевых работ. Голод, безработица и нужда малообеспеченных слоев населения, стремление к наживе и более выгодному использованию капитала для зажиточных слоев – все это явилось движущими силами переселенческого движения в первой половине 1918 г. Под видом переселенцев ехало также большое количество мешочников.

Главный поток переселенцев в Сибирь и Среднюю Азию направлялся из северо-западных и западных губерний (Тверской, Могилевской, Минской, Витебской), а также из Среднего Поволжья. Уездные и губернские Советы осаждала масса желающих переселиться. Типичными для того периода времени были телеграммы такого содержания: «Вследствие го-

лода в губернии настоятельно прошу разрешения переселения в Сибирь. Толпы голодных осаждают Совет, требуя пропуска»⁸.

Местные органы Советской власти за Уралом обычно занимали резко отрицательную позицию к приему новых переселенцев из Европейской России. Отчасти по той причине, что еще оставалось «неземлеустроенным» большое число ранее прибывших переселенцев и местных жителей, а отчасти из-за процветавших местнических настроений. Нередко переселенцы, которым удавалось занять пригодное для жилья помещение, становились самыми активными противниками обустройства вновь прибывших беженцев. Сохранилось письмо переселенцев в местный штаб Красной армии с жалобой на действия начальника переселенческого пункта, пытавшегося принять и обустроить прибывавших в Екатеринбург крестьян. Жалобщики обвиняли его во всех смертных грехах, добиваясь одной единственной цели – помешать размещению в том месте, где они жили, новых переселенцев⁹.

Мятеж Чехословацкого корпуса в мае 1918 г. и последовавшее свержение Советской власти от Волги до Дальнего Востока приостановило развернувшееся массовое переселенческое движение на восток страны.

Переселенческий вопрос сразу же был поставлен в повестку дня Временного Сибирского правительства. Затем его «по наследству» получило Временное Всероссийское правительство, и почти сразу же, после переворота в Омске, – Российское (Омское) правительство Колчака. Все они вынуждены были решать огромное количество задач, связанных с проблемой беженцев и переселенцев. Для их решения в июле 1918 г. Временное Сибирское правительство создало Министерство земледелия и колонизации, которому была подчинена более или менее восстановленная сеть местных учреждений бывшего ведомства земледелия и землеустройства. В их обязанности и входила задача приема, организации и обустройства переселенцев.

* * *

Проблема «желтой угрозы», «желтого труда», «желтых рабочих» заставляла российское правительство до 1917 г. неустанно заботиться о заселении и освоении азиатской части России, о создании демографического и хозяйственного противовеса агрессивной экономической политике ближайших восточных соседей. В 1918–1919 гг. Сибирь испытывала на себе сильное экономическое влияние двух азиатских соседей: Японии и Китая. Японский финансовый капитал стремился занять доминирующее положение на рынке банковских услуг Азиатской России. Сибирь и Дальний Восток периода Второй русской смуты представляли собой в этом смысле прекрасный объект для вложения денег: полуразрушенная банковская система, слабая национальная валюта, продолжающаяся стремительное падение на фоне острой нехватки денежных знаков.

Японские банки не преминули воспользоваться сложившейся ситуацией. Так, в декабре 1918 г. три банка с японским капиталом – Гонконг-Шанхайский, Индо-Китайский и Индустриальный – предприняли попытку осуществить эмиссию собственных денежных знаков и пустить их в обращение на территории Сибири и Дальнего Востока России. Такие попытки предпринимались и позднее, в 1919 г., когда Гонконг-Шанхайский банк, уже в одиночку, приступил к выпуску бон, курс которых был жестко «привязан» к курсу японской иены. Эти боны призваны были стать альтернативой стремительно обесценивавшемуся российскому рублю. Новый финансовый инструмент был с восторгом принят сибирскими спекулянтами, в результате чего курс российского рубля упал в очередной раз¹⁰.

Экономическое влияние Китая было иным. Его опасность состояла, главным образом, в огромном количестве китайских рабочих («ходя» – так местное население прозвало китайца-рабочего), мигрировавших по территории Сибири и Дальнего Востока в поисках заработка. За период с 1 января по 18 марта 1918 г. только через Екатеринбург проследовало на восток 17 902 «желтых» рабочих. За этот же период было зарегистрировано всего 256 российских переселенцев и 86 беженцев¹¹. Разумеется, приведенные цифры не отражают объективно существовавшую ситуацию в миграции населения Сибири и Дальнего Востока в 1918 г., ибо такая пропорция была порождена совершенно конкретными причинами: обострение экономического кризиса в России и возникшем в связи с этим оттоком иностранных рабочих на родину. В то же время эти цифры дают некоторое представление о тех масштабах, которых достигала трудовая миграция в Сибирь из Китая.

Трудовая миграция иностранных рабочих была сопряжена еще с одной проблемой. Хронический дефицит наличных денег в Сибири обострялся вывозом капитала за пределы России. Происходил этот процесс в самых различных формах, в том числе – наличными купюрами, что обуславливалось широким проникновением российского рубля на финансовые и товарные рынки Китая и Монголии. Так, в письме управляющего Шанхайским отделением Русско-Азиатского банка на имя Генерального консула России в Шанхае от 12 июля 1919 г. отмечалось, что «вероятное количество обращающихся в Китае рублей... никак не менее 500 млн.»¹² И масса русских денег в Китае продолжала увеличиваться. Рост ее происходил за счет не прекращавшегося вывоза дензнаков из России и за счет массовой подделки российских кредитных билетов.

Китайская предприимчивость на этом поле деятельности достигала поистине впечатляющих масштабов. В секретной телеграмме управляющего Генеральным консульством России в Харбине на имя российского посланника в Пекине от 21 июля 1919 г. говорилось: «...По имеющимся в генеральном консульстве доверительным сведениям, Русско-Азиатским банком несколько времени тому назад были получены образцы обязательств Государственного казначейства 1000 и 5000-рублевого достоин-

ства. По получении образцов дирекцией банка был предпринят осмотр кассы для выяснения – насколько ранее принятые обязательства соответствуют образцам. При этом оказалось, что в кассе имеются обязательства 1000 и 5000-рублевого достоинства семи видов и 14 разновидностей, из коих ни один не соответствует вполне присланным образцам»¹³.

Антибольшевистские правительства, существовавшие в Сибири, несмотря на краткий период нахождения у власти, осознавали эту угрозу и пытались искать пути ее предотвращения. В сентябре 1918 г. Колонизационным отделом Комитета экономической политики Временного Сибирского правительства была подготовлена программа мероприятий по ослаблению демографического и экономического давления со стороны соседних азиатских государств.

Вместо прежней практики обустройства возможно большего количества людей на первый план был выдвинут принцип устройства на сибирских землях «крепкого цветущего мелкого хозяйства». Особый акцент делался на «закреплении» окраин. Авторами подчеркивалось, что «здесь в особенности сильно проявляются обстоятельства, которые должны заставить колонизационное ведомство отступить от своих общих колонизационных идеалов. Именно здесь первенствующую роль начинают играть политические моменты. В особенности это имеет место в отношении Дальнего Востока»¹⁴.

В качестве мер по «закреплению» за Россией окраин предполагалось наладить их тесные связи с европейской частью страны путем «спешной» постройки новых железнодорожных линий, подготовки оборонительной системы, требующей увеличения численности населения на окраинах, освоения «русским элементом» земель и иных экономических ресурсов «во избежание стихийного захвата их иностранцами, особенно желтыми»¹⁵.

Авторами документа подразумевался вовсе не «физический» захват территории России войсками японских или китайских интервентов. Речь шла о захвате демографическом и экономическом, который уже представлял собой вполне оформившуюся тенденцию. Пограничные области Приморья, Читинский, Иркутский, Ново-Николаевский районы в полной мере испытывали на себе экономическую экспансию юго-восточных соседей. Предприятия торговли, обслуживания, меняльные конторы, банки, промышленные производства, принадлежавшие выходцам из Китая и Японии, уверенно завоевывали российский рынок¹⁶. Крупный японский и китайский бизнес, ориентированный на экспортно-импортные операции, также проявлял большую активность.

Внешнеторговый баланс российско-японской торговли в сентябре 1919 г. выражался следующими показателями: японский экспорт в Россию – 2 635 900 иен, импорт из России – 428 088 иен. Общий экспорт с января 1919 г. составил 58 879 643 иены. Вывезено из России товаров было всего на 3 651 271 иену. Особенно показательна структура экспорта

в Россию: помимо продукции текстильной промышленности, составлявшей основную долю экспорта, в Россию ввозились даже репчатый лук и кожа¹⁷.

Такая ситуация порождала опасность превращения Сибири и Дальнего Востока России не просто в сырьевой придаток азиатских соседей, но в недалекой перспективе грозила их отделением от России. Эта опасность, повторимся, в полной мере осознавалась Временным Сибирским и, позднее, Омским правительством Колчака. Поэтому вопросы геополитики занимали далеко не последнее место в их деятельности. В сентябре 1918 г. Колонизационным отделом отмечалось: «... Возможное перемещение мирового центра с берегов Тихого океана на берега Атлантического океана делает для нас особенно ценным обладание нашими дальневосточными областями. Потери здесь могут стать непоправимыми и ничем невознаградимыми; от этого, быть может, зависит вся судьба России». И далее: «При намечении соответствующих работ уже нельзя руководиться соображениями коммерческой и даже экономической их выгоды, как в общем случае земледельческой колонизации; во главу угла здесь должны лечь соображения политические»¹⁸.

Приоритет «политических соображений» предполагал фактический отказ от существовавшей до 1917 г. колонизационной практики, включавшей в себя разработку четких и продуманных планов освоения Сибири и Дальнего Востока, поиск, оценку и обустройство пригодных для заселения земель, создание на заселенных территориях крепких крестьянских хозяйств. Гражданская война, экономический кризис и «желтая угроза», наряду с «красной», вынуждали антибольшевистские сибирские власти разрабатывать планы создания «любой ценой» демографического и хозяйственного противовеса: «Для колонизационного ведомства здесь и ставятся две, отчасти смешивающиеся задачи – привлечение людей и освоение земель. Количественное задание здесь должно преимущественно перед качественным. От стремления к подбору наиболее желательного контингента переселенцев и насаждения крепких зажиточных хозяйств здесь приходится отказываться. Вместе с тем, именно на дело окраинной колонизации государственные средства должны быть брошены особенно щедро»¹⁹.

Колонизацию окраин предполагалось осуществлять по двум основным направлениям: земледельческому и промышленному. Для земледельческой колонизации должен был подготавливаться земельный фонд, который соответствовал бы по объему и качеству потребностям колонистов. Вместе с тем, авторы проекта сознавали, что демографическая ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке настолько сложна, что «придется насиловать естественный ход колонизации с Запада на Восток, заставляя волну переселенцев направляться в отдаленнейшие области, минуя промежуточные»²⁰.

Разработкой конкретного плана колонизационных мероприятий в Сибири и на Дальнем Востоке занялось Министерство земледелия и колонизации.

Им были намечены следующие основные пункты колонизационной программы: продолжение работ по колонизации Азиатской России в целях «надлежащего использования» ее производительных сил; планомерные мероприятия по колонизации Дальнего Востока и приграничных местностей; содействие сооружению сети железных дорог и водных путей, имеющее целью вовлечь в колонизационный оборот неиспользованные пространства; широкие мелиоративные работы; меры по колонизации Севера и Южно-Сибирских пустынных степей; меры по промышленной колонизации, имевшие своей целью распределение по территории колонистов-рабочих и их устройство, земельное устройство в промышленных районах, а также содействие возникновению промышленных предприятий и обеспечение их землей. Особое место в плане отводилось введению и развитию в Азиатской России института «мелкой», то есть крестьянской, частной земельной собственности²¹.

Этой же цели было призвано служить и постановление омского Совета министров от 14 марта 1919 г. «О предоставлении военнослужащим русской армии и флота, принимавшим участие в борьбе за возрождение России, преимуществ и льгот в отношении земельного и хозяйственного устройства». Постановление давало право преимущественного перед всеми остальными лицами, в течение десяти лет со дня издания закона, устройства на всех открытых для водворения переселенческих участках военнослужащим строевых частей, принимавшим «непосредственное участие в боевых действиях или отдельных вооруженных столкновениях при борьбе за возрождение России»²². Обещание правительства предоставить землю участникам военных действий против Красной армии и партизан, безусловно, преследовало военно-политические цели, создавая у призывников мотивацию для пополнения армий верховного главнокомандующего Колчака, точнее – у представителей средних и малообеспеченных слоев сибирского крестьянства. Другими словами, была сделана попытка вырвать из рук большевиков самый главный козырь – обещание бесплатной земли. Это постановление призвано было хотя бы отчасти компенсировать нерешительность Омского правительства в области земельной политики.

Вместе с тем, в этом постановлении четко просматривается стремление Омского правительства к проведению централизованной колонизационной и демографической политики. Неслучайно этот закон был обнародован всего лишь через два месяца после активного обсуждения в Министерстве земледелия и колонизации ситуации, складывавшейся в районе строительства Южно-Сибирской железной дороги. В письме ди-

ректора Отдела колонизации министерства Н. Федосеева в Управление по постройке Южно-Сибирской железной дороги от 15 января 1919 г. констатировалась опасность бессистемного заселения областей, прилегающих к полосе дороги, имевшей стратегическое для Сибири, и крайне важное для России в целом, значение. «Так как магистраль пересекает ряд степных областей, весьма слабо заселенных в районе этой дороги, – отмечалось в письме, – Отдел колонизации считает государственной необходимостью принять чрезвычайные меры по образованию разного рода участков, как по линии железной дороги, так и в прилегающей полосе. Намечаются участки для целей земледелия, скотоводства и торгово-промышленные центры. С образованием этих участков нельзя запоздать, так как в противном случае начнется бессистемное самовольное заселение полосы вдоль железной дороги, со всеми тяжелыми последствиями такового»²³.

Как показали дальнейшие события, подобному перспективному планированию миграционной политики не суждено было осуществиться. Поток беженцев, хлынувший в Сибирь в 1918–1919 гг., поставил перед Омским правительством целый ряд иных задач, связанных с питанием, лечением, обустройством разоренных войной людей, совершенно не способных к производительному труду ни на земле, ни в промышленности.

Вся территория, находившаяся под контролем Омского правительства, была поделена на восемь районов, или «полномочий», в пределах которых ответственность за признание беженцев была возложена на Российское общество Красного Креста и другие общественные благотворительные организации, объединенные под его флагом. 1-е Златоустовское полномочие, с центром в Златоусте, располагалось по линии станция Сулея–станция Уфа. 2-е передовое полномочие – по линии станция Сулея–станция Аксаково (после взятия белыми Уфы – станции Сулея–Аксаково–Уфа–Раевка); на него легла основная работа по приему раненых и больных. 3-е передовое полномочие располагалось по линии станций Сулея–Мясогутово–Тастуба–Бирск; в этот район направлялся главный поток бывших военнопленных из Германии, Австрии, Болгарии и Турции. Кроме них были созданы также районное полномочие при 3-м Уральском горных стрелков корпусе генерала В.В. Голицына и четыре тыловых полномочия: Челябинское, Курганское, Петропавловское, Куломзинское. Функции последнего должны были осуществляться вдоль берега Иртыша по железнодорожной магистрали Омск–Ново-Николаевск. В этом районе концентрировались потоки беженцев с Поволжья, Приуралья и Сибири. Площади районных полномочий строились с таким расчетом, чтобы каждая из дорог, по которой двигались войсковые части и беженцы, проходила целиком вдоль одного из них²⁴.

Был предпринят и ряд административных мер, цель которых заключалась в том, чтобы ограничить размещение беженцев и переселенцев в городах, задыхавшихся от перенаселенности, роста цен и безработицы. Так, 27 августа 1919 г. в Министерстве внутренних дел состоялось

совещание по вопросу о расселении беженцев под председательством главноуполномоченного МВД по оказанию помощи беженцам Н.В. Смирнова. Протокол заседания был направлен в Министерство земледелия и колонизации. Он содержал перечень основных мероприятий правительства по «разгрузке» городов от массы беженцев: «Ввиду переполнения городов и стремления беженской массы расселиться преимущественно в городских поселениях, принять меры к тому, чтобы в городах размещались, по возможности, только правительственные учреждения и такие жители городов, которые связаны с данным пунктом службой, работой на предприятиях или в силу своей профессии не могут быть размещаемы в сельских местностях». Для осуществления плана расселения в случае необходимости предполагалось принимать принудительные меры, «дабы избежать больших скоплений беженских масс в местностях, не обеспеченных жилищами и питанием». Планировалось проведение и агитационной работы для разъяснения беженцам, что «в силу создавшегося положения» возвращение их в ближайшее время на родину невозможно, и потому им надлежит селиться в указанных правительством местностях, где они «найдут заработок».

Для выполнения этого плана в узловых пунктах следования беженцев (Куломзино, Ново-Николаевск, Томск, Красноярск, Иркутск, Сретенск, Чита) создавались Бюро труда при уполномоченных МВД в составе представителей земского и городского самоуправлений, кооперативных организаций, Министерства торговли и промышленности и Министерства труда, в задачи которых входило создание рабочих мест для беженцев с целью их перевода на «самообеспечение». Для выполнения этой задачи Бюро труда должны были «озаботиться» снабжением рабочих теплой одеждой, обувью и орудиями труда через Министерство снабжения и продовольствия²⁵.

В целом предпринимавшиеся попытки взять под контроль миграционные процессы в Сибири имели некоторый положительный эффект. В частности, сильнейшие эпидемии сыпного тифа, спровоцированные массовым движением населения и охватившие в течение короткого времени значительные пространства, были предсказаны, и последствия их оказались существенно меньше возможных.

Первые сообщения об эпидемии появились 8 марта 1918 г.

В телеграмме заведующего Восточным районом сообщалось: «...Манчжурский пункт, где в настоящее время скопляются эшелоны с китайскими рабочими и стоят по несколько дней в ожидании отправки в Харбин и другие города, не может остаться без врача, тем более что имеются сведения о развитии эпидемии сыпного тифа»²⁶. Эпидемические больные попадали в Сибирь и из европейских стран, из которых шел процесс возвращения российских военнопленных²⁷.

В декабре 1918 г. и марте 1919 г. по Челябинску прокатились две волны сыпного тифа²⁸. В августе–сентябре 1919 г. сыпной тиф охватил

уже практически всю территорию Сибири²⁹. Поэтому особое внимание власти стали уделять организации беженских барачков, питательных и дезинфекционных пунктов. Отчетность питательных пунктов – один из немногих сохранившихся источников для изучения миграционных процессов в Сибири в период Гражданской войны. Ими производился учет всех выданных бесплатно или купленных беженцами и переселенцами за деньги порций пищи. На достоверности содержащихся в их отчетности сведений не могла не отразиться обычная практика российских учреждений производить массовые приписки «мертвых душ». Тем не менее, этот уникальный источник дает возможность представить масштабы происходивших миграций населения. Так, в телеграмме, направленной в Омск из иркутского переселенческого пункта 16 марта 1919 г. сообщались следующие сведения: «...Через пункт передвигаются беженцы, военнопленные, переселенцы. С июля по декабрь 1918 г. за плату выдано порций 46 999, бесплатно 18 542, детям молока 2 716. Кроме того, выдано бесплатно хлеба 9 854 порции...»³⁰

* * *

Огромные массы людей, сорванные с обжитых мест голодом, военными действиями, бесчинствами войск и страхом за свое будущее, порождали ситуацию, называемую на современном языке гуманитарной катастрофой. Вместе с тем, причины, по которым происходила такая массовая миграция, не столь очевидны. Многие современники отмечали характерный факт: практически во всех слоях «трудового» населения по обе стороны красно-белого фронта наблюдалось недовольство существовавшей властью и желание оказаться «по другую сторону»³¹.

Голод, нехватка промышленных продуктов и медикаментов на территории, находившейся «под Совдепами», порождали недовольство правлением большевиков и стремление людей в этой связи попасть в более благоприятные экономические условия, каковыми представлялись условия в «Колчакии»³². В то же время само Омское правительство постоянно сталкивалось с проявлением недовольства в среде промышленных и железнодорожных рабочих, с нетерпением ожидавших прихода большевиков³³. При этом часто беженцы, искавшие в Сибири убежища от наступавшей Красной армии, руководствовались лишь слухами и домыслами, поддавались эвакуационной панике. В итоге среди них оказывались не только представители имущих социальных групп, но и много трудящихся и мелких собственников, которым в силу их социального положения угрозы, во всяком случае физического уничтожения, со стороны большевиков не было³⁴.

Социальный состав беженцев и переселенцев, направлявшихся в Сибирь в 1918–1919 гг., имел свои особенности, решающим образом влиявшие на экономическую ситуацию в колчаковском тылу. В аналитическом

обзоре, подготовленном Министерством земледелия и колонизации в 1918 г., констатировалось, что «переселенческая кампания настоящего года обещает оказаться резко отличной и по формам труда катящейся переселенческой волны, и по ее численности. Помимо обычных земледельческих масс, появляются уже массы квалифицированных и неквалифицированных рабочих, представители кустарной промышленности и даже трудовой интеллигенции. Этот в высокой степени пестрый, по своему личному составу и формам труда, людской поток уже наводнил Западную Сибирь и направляется теперь в Иркутскую губернию с двух сторон – с западного и восточного направлений»³⁵.

Эта же особенность в социальном составе мигрантов, прибывавших в Сибирь, отмечалась и многими современниками. Так, В.П. Аничков, русский финансист, служивший в Министерстве финансов Омского правительства, вспоминал, как в ресторане «Россия», расположенном в центре Омска, к нему подошли «беженцы из Симбирска» и «потасили» его в отдельный кабинет, где и занялись обсуждением деловых вопросов об открытии совместного бизнеса³⁶.

На относительно короткий промежуток времени Сибирь стала своего рода убежищем для деловых людей России. Способствовала этому и политика сибирских властей в вопросах собственности. 28 июня 1918 г. было принято постановление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства «О денационализации предприятий», гласившее, что «национализированные советскими властями и захваченные предприятия... подлежат возвращению их прежним владельцам или их правопреемникам»³⁷. Восстановление прав частных собственников сразу стимулировало деловую активность. Поэтому даже в условиях экономического кризиса коммерческая деятельность продолжала приносить российским предпринимателям высокие доходы, хотя из-за инфляции – больше уже в товарно-денежной сфере, чем в промышленной.

* * *

«Белая» и «красная» экономики периода Гражданской войны, разделенные, на первый взгляд, линией фронта, на самом деле не были жестко разграничены. Их взаимовлияние проявлялось наиболее ярко в сфере денежного обращения. С.В. Карпенко, отметив, что занятие «совдеповской» территории белыми армиями и захват в качестве трофеев больших сумм советских и прочих дензнаков неизбежно «вело к быстрому росту объема и разнообразия денежной массы, ее засоренности суррогатами» в белом тылу, назвал это «фронтным» видом эмиссии³⁸.

Как и большевистский Совнарком, проблемы бюджетного дефицита и нехватки наличных денег, обострившиеся до чрезвычайности,

вынуждены были решать и белые правительства юга России³⁹ и Сибири. Нехватка наличных денег для оплаты военных расходов, содержания государственного аппарата и других неотложных нужд (среди которых не последнее место занимала помощь беженцам) заставляла их изыскивать возможности для печатания собственных денежных знаков. Материальных и технических условий для этого в Сибири в тот период не было. По этой причине Омское правительство было вынуждено добиваться от США и Японии согласия на выдачу денежных банкнот, заказ на изготовление которых был размещен еще Временным правительством. Длительные переговоры с американцами ни к чему не привели. Под разными предложениями отпечатанные в США дензнаки задерживались, и правительство Колчака так и не успело ими воспользоваться.

В этой ситуации правительству Колчака ничего не оставалось делать, как предпринимать попытки организовать собственное производство дензнаков. 19 марта 1919 г. из Вашингтона в Омск на имя министра иностранных дел была послана секретная телеграмма от поверенного в делах в Вашингтоне С. Угета, в которой шла речь об отправке из Нью-Йорка 15-ти печатных прессов, предназначавшихся для нужд Министерства финансов⁴⁰. Однако Омскому правительству так и не удалось решить проблему изготовления собственных денег в количествах, достаточных для удовлетворения потребностей как своих собственных, так и экономики Сибири. Неоспоримым преимуществом большевистского Совнаркома над властями Сибири в этом смысле являлось наличие «печатного станка» – оборудования и клише для изготовления «романовских» и «керенских» купюр, – который использовался не только для эмиссии, призванной покрыть дефицит бюджета Советского государства, но и в целях подрыва экономики белых диктатур.

В 1919 г. в Сибири циркулировали слухи о передвижных фабриках, печатавших керенки в вагонах поездов, входивших в состав красных войск. Их назначение заключалось в снабжении частей и агитаторов, переходивших линию фронта, наличными деньгами, на которые должна была осуществляться советская пропаганда⁴¹. О случаях массового вброса российских дензнаков советскими агентами приходили сведения и из Китая⁴². Достоверного подтверждения эти факты не имели, но ситуация на денежных рынках по разные стороны фронта складывалась таким образом, что описанные слухи вполне могли бы иметь под собой реальную основу. К 1919 г. количество наличных рублей на душу населения в Советской России в десять раз превышало аналогичный показатель по Сибири⁴³.

Такая ситуация повлекла за собой слияние трех факторов, имевших место на территориях, подконтрольных белым правительствам: голода на товарных рынках, массовой миграции населения и общего критического положения экономики Сибири и Дальнего Востока. Постоянно растущая

денежная масса Советского государства неизбежно «выдавливала» из РСФСР излишки денег. Самым подходящим для этого направлением являлось именно восточное, поскольку прозрачность границ между белым и красным фронтами позволяли беженцам с большой степенью свободы и суммами денег перемещаться в обоих направлениях, а поддерживаемые сибирскими правительствами рыночные отношения обеспечивали товарные рынки продуктами питания и промышленными товарами. С другой стороны, в 1919 г. продолжался и отток капиталов в российских денежных знаках через Сибирь за границу: русские предприниматели постоянно обращались в Министерство финансов с просьбами разрешить им вывоз наличных денег в Китай⁴⁴.

Результаты притока в Сибирь ничем не обеспеченной денежной массы не замедлили сказаться.

Еще 6 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство отменило введенную Временным правительством хлебную монополию и установило государственное регулирование торговли хлебом, мясом, маслом по «вольным ценам», но не выше установленных Продовольственным бюро предельных цен. А уже при Колчаке было вообще отменено государственное регулирование и допущена торговля этими товарами «свободно по вольным ценам».

Если для производящих районов эти шаги оказались благом, то на потребляющем Дальнем Востоке они отозвались болезненным повышением рыночных цен. В Маньчжурии, откуда поступало продовольствие, с января по май 1919 г. цены на зерновые выросли на 175–200 %, мясо – на 425–440 %, сахар – до 500 %, растительное масло – на 200–300 %, обувь и ситец – на 200–300%. После пересечения границы цены поднимались еще выше. При этом у частных торговцев они были в 1,5–2 раза выше, чем в казенных лавках. Цены еще больше возрастали по мере приближения к фронту, что отрицательно отзывалось на настроении не только гражданского населения, но и армии⁴⁵.

* * *

Таким образом, демографические и экономические процессы, происходившие в Сибири в 1918–1919 гг., несли на себе отпечаток целого комплекса проблем, как явившихся следствием Гражданской войны, так и доставшихся белым правительствам в наследство от императорской России. Взаимовлияние «белой» и «красной» экономик, существование на едином пространстве региона двух взаимоисключающих форм собственности и систем хозяйствования неизбежно создавали условия и побудительные причины для движения населения. Мотивы таких миграций были различны: начиная от желания неимущих найти элементарное пропитание в более благополучном – на их собственный взгляд, часто ошибочный, – регионе,

и заканчивая стремлением предпринимательских кругов к извлечению прибылей в условиях контрастов конъюнктуры.

Сибирь и Дальний Восток России на короткий промежуток времени стали своеобразным заповедником для российской буржуазии, сумевшей сохранить свои капиталы в условиях частой смены государственной власти и экономического порядка. Спекуляции на товарных и финансовых рынках, возможность вывезти капитал за пределы страны или приумножить его за счет военных поставок, – эти и целый ряд иных стимулов умножали приток в эти регионы предпринимателей самого различного масштаба. В этот «Клондайк» активно устремились и предпринимательские структуры из Китая и Японии: спекуляции на «умирающем» русском рубле и внешнеторговые операции в условиях полного расстройтва денежного обращения и острейшего товарного голода на территории распавшейся империи приносили им баснословные прибыли. При этом многие российские предприниматели, истинные «патриоты своего кармана», зачастую действовали заодно с ними, облегчая «желтой угрозе» экономическую экспансию в восточные регионы России.

Для другой, малообеспеченной, категории населения Сибирь представлялась спасительным убежищем, где можно было укрыться от голодного кошмара больших городов, находившихся под властью большевиков. Привоза с собой те немногие средства в российских рублях, которыми они располагали, беженцы оказывались в сравнительно благоприятных условиях, благодаря многократной разнице в ценах на запрещенном (фактически – «черном») советском и свободном «белом» рынках. Прозрачные границы между фронтами и постоянное их перемещение в ту или иную сторону создавали благоприятные условия для подобной «экономической» миграции населения.

В этом кризисном контексте действовали, обостряя его, и геополитические факторы. Большое количество иностранных рабочих, резко возросшая предпринимательская активность, зачастую криминальная, – явились, по сути, демографической и экономической экспансией соседних государств, главным образом Китая и Японии. Малая плотность населения на Дальнем Востоке России, слабая развитость промышленности и путей сообщения, а также коррупция местных властей, масштабы которой, как показывают новейшие исследования, резко возросли в условиях смутного времени⁴⁶, создавали условия для успеха этой экспансии. В будущем проступала реальная угроза потери Россией своих восточных регионов, обретение и освоение которых стоили колоссальных усилий и немалой крови. Временное сибирское и Омское правительства, надо отдать им должное, видели эту опасность и по мере своих сил, крайне ограниченных, предпринимали меры, чтобы отразить надвигающуюся угрозу. В основном эти меры были рассчитаны на реализацию «после Москвы», после ликвидации Советской власти и большевизма.

Тем не менее на сравнительно коротком отрезке времени колонизационная политика российской власти, продолженная белыми правительствами, оказалась совмещена с их попытками решить проблему беженцев в Сибири. Достичь этой двоякой цели предполагалось через направление беженских потоков в малонаселенные области Сибири и Дальнего Востока. Таким способом предполагалось создать демографический и хозяйственный противовес агрессивным демографическим и экономическим планам азиатских соседей России. Эту работу удалось только начать. И все же меры, принимавшиеся Омским правительством в деле обустройства и призерения беженцев, позволили существенно облегчить последствия гуманитарной катастрофы, постигшей Сибирь и Дальний Восток России в 1919–1920 гг.

Примечания

¹ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 35–76; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала А.И. Деникина (1919 – 1920 гг.) // Экономический журнал. 2011. № 1(21). С. 84–91; *Карпенко С.В.* Из истории государственной монополизации внешней торговли в России: Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля // Экономический журнал. 2011. № 2(22). С. 118–126; *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на юге России в 1919 – 1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4(24). С. 111–121.

Карпенко С.В. “Pokhod na Moskvu” VSYuR v 1919 g.: voyna i dengi // Ekonomicheskiy zhurnal. 2001. No. 1. P. 35–76; *Карпенко С.В.* Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney trgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala A.I. Denikina (1919 – 1920 gg.) // Ekonomicheskiy zhurnal. 2011. No. 1(21). P. 84–91; *Карпенко С.В.* Iz istorii gosudarstvennoy monopolizatsii vneshney trgovli v Rossii: Opyt pravitelstva generala P.N. Vrangelya // Ekonomicheskiy zhurnal. 2011. No. 2(22). P. 118–126; *Карпенко С.В.* Nalogovaya politika belykh pravitelstv na yuge Rossii v 1919 – 1920 gg. // Ekonomicheskiy zhurnal. 2011. No. 4(24). P. 111–121.

² *Рышков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 27–196; *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. С. 81–223; *Минаев В.В.* Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы Гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник. 2001. № 1(3). С. 6–22; *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция против России // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 22–38; *Коккоулин В.Г.* «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки в «белой» Сибири (1918 – 1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). С. 94–109.

Рышков В.М. Finansovaya politika antibolshevistskikh pravitelstv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.). Novosibirsk, 2006. P. 27–196; *Рышков В.М.* Sotsialnaya politika antibolshevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918 – 1919 g.). Novosibirsk, 2008. P. 81–223; *Минаев В.В.* Demograficheskie faktory obostreniya ekonomicheskogo krizisa v gody Grazhdanskoй voyny (na primere Sibiri i Dalnego Vostoka) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2001. No. 1(3). P. 6–22; *Ипполитов С.С.* Finansovaya interventsia protiv Rossii // Novyy istoricheskiy

vestnik. 2000. No. 1. P. 22–38; *Коккоулин В.Г.* “Ot mala do velika spekuliruyut na chem tolko vozmozhno”: gorodskie rynki v “belay” Sibiri (1918 – 1919 gg.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2012. No. 3(33). P. 94–109.

³ *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России: История и современность. М., 2009. С. 19–101; *Кулинич Н.Г.* Тревожащая близость границы: прошлое, настоящее и будущее китайской диаспоры в России // Новый исторический вестник. 2010. № 2(24). С. 141–147; *Исповедников Д.Ю.* Участие Китая в Гражданской войне в Сибири // Новый исторический вестник. 2011. № 3(29). С. 74–81; *Молчанов Л.А.* Урянхайский край под протекторатом антибольшевистских властей Сибири (1918 – 1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3(33). С. 94–109.

Larin A.G. Kitayskie migranty v Rossii: Istoriya i sovremennost. Moscow, 2009. P. 19–101; *Kulinich N.G.* Trevozhashchaya blizost granitsy: proshloe, nastoyashchee i budushchee kitayskoy diasporы v Rossii // Novyy istoricheskiy vestnik. 2010. No. 2(24). P. 141–147; *Ispovednikov D.Yu.* Uchastie Kitaya v Grazhdanskoй voyne v Sibiri // Novyy istoricheskiy vestnik. 2011. No. 3(29). P. 74–81; *Molchanov L.A.* Uryankhayskiy kray pod protektoratom antibolshevistskikh vlastey Sibiri (1918 – 1919 gg.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2012. No. 3(33). P. 94–109.

⁴ *Зимина В.Д.* Экономика и власть белых политиков Сибири: историографические традиции и инновации // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Вып. 15. Екатеринбург, 2006. С. 5–18.

Zimina V.D. Ekonomika i vlast belykh politikov Sibiri: istoriograficheskie traditsii i innovatsii // Belaya armiya. Beloe delo: Istoricheskiy nauchno-populyarnyy almanakh. Vyp. 15. Ekaterinburg, 2006. P. 5–18.

⁵ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149. Л. 68.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 159. Op. 1. D. 149. L. 68.

⁶ *Голотик С.И., Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста (1917 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 2(4). С. 237–249; *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919 – 1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1(35). С. 56–68.

Golotik S.I., Ippolitov S.S. Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta (1917 – 30-e gg.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2001. No. 2(4). P. 237–249; *Ippolitov S.S.* Rossiyskoe obshchestvo Krasnogo Kresta v Sibiri i na Dalnem Vostoке: organizatsiya i pomoshch armii i naseleniyu (1919 – 1920 gg.) // Novyy istoricheskiy vestnik. 2013. No. 1(35). P. 56–68.

⁷ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 155. Л. 2.

GA RF. F. 159. Op. 1. D. 155. L. 2.

⁸ *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 42.

Platunov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun 1941 gg.). Tomsk, 1976. S. 42.

⁹ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 186. Л. 17.

GA RF. F. 159. Op. 1. D. 186. L. 17.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 187. Л. 52; *Ипполитов С.С.* Финансовая интервенция против России // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 22–38.

GA RF. F. 200. Op. 1. D. 187. L. 52; Ippolitov S.S. Finansovaya interventsia protiv Rossii // Novyy istoricheskiy vestnik. 2000. No. 1. P. 22–38.

¹¹ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149. Л. 94.

GA RF. F. 159. Op. 1. D. 149. L. 94.

- ¹² ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 202. Л. 269.
GA RF. F. 200. Op. 1. D. 202. L. 269.
- ¹³ Там же. Л. 251.
Ibidem. L. 251.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 50. Л. 19.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 50. L. 19.
- ¹⁵ Там же. Л. 20.
Ibidem. L. 20.
- ¹⁶ *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917 – 1922). М., 1998. С. 263–325.
Anichkov V.P. Ekaterinburg – Vladivostok (1917 – 1922). Moscow, 1998. P. 263–325.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 5905. Оп. 1. Д. 231. Л. 36–37.
GA RF. F. 5905. Op. 1. D. 231. L. 36–37.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 50. Л. 21.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 50. L. 21.
- ¹⁹ Там же. Л. 20.
Ibidem. L. 20.
- ²⁰ Там же.
Ibidem.
- ²¹ Там же. Л. 8об.
Ibidem. L. 8v.
- ²² ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 68. L. 5.
- ²³ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 339. Л. 2.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 339. L. 2.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
GA RF. F. 1845. Op. 1. D. 3. L. 3.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 155. Л. 153.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 155. L. 153.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149. Л. 96.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 149. L. 96.
- ²⁷ Там же. Л. 113.
Ibidem. L. 113.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149. Л. 6; Д. 77. Л. 2.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 149. L. 6; D. 77. L. 2.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 57. Л. 96; Д. 14. Л. 12.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 57. L. 96; D. 14. L. 12.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 155. Л. 16.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 155. L. 16.
- ³¹ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 224.
Anichkov V.P. Op. cit. P. 224.
- ³² Там же. С. 225.
Ibidem. P. 225.
- ³³ *Будберг А.* Дневник, 1918 – 1919 годы. М., 1990. С. 220.
Budberg A. Dnevnik, 1918 – 1919 gody. Moscow, 1990. P. 220.
- ³⁴ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 241.
Anichkov V.P. Op. cit. P. 241.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149. Л. 205.
GA RF. F. 159. Op. 1. D. 149. L. 205.
- ³⁶ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 192.
Anichkov V.P. Op. cit. P. 192.
- ³⁷ Законодательная деятельность белых правительств Сибири. Вып. 1. Томск, 1998. С. 34.
Zakonodatel'naya deyatelnost' belykh pravitelstv Sibiri. Vyp. 1. Tomsk, 1998. P. 34.
- ³⁸ *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 239.
Karpenko S.V. Belye generaly i krasnaya smuta. Moscow, 2009. P. 239.
- ³⁹ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 54, 67–69; *Карпенко С.В.* Налоговая политика белых правительств на юге России в 1919 – 1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4(24). С. 111–121.
Karpenko S.V. "Pokhod na Moskvu" VSYuR v 1919 g.: voyna i dengi // Ekonomicheskiy zhurnal. 2001. No. 1. P. 35–76; *Karpenko S.V.* Nalogovaya politika belykh pravitelstv na yuge Rossii v 1919 – 1920 gg. // Ekonomicheskiy zhurnal. 2011. No. 4(24). P. 111–121.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 133. Л. 127.
GA RF. F. 200. Op. 1. D. 133. L. 127.
- ⁴¹ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 199.
Anichkov V.P. Op. cit. P. 199.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 202. Л. 250.
GA RF. F. 200. Op. 1. D. 202. L. 250.
- ⁴³ *Аничков В.П.* Указ. соч. С. 200.
Anichkov V.P. Op. cit. P. 200.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 105. Л. 18.
GA RF. F. 200. Op. 1. D. 105. L. 18.
- ⁴⁵ *Долгов Л.Н.* Проблема регулирования потребительского рынка в деятельности «белой» администрации Дальнего Востока (1918 – 1919 гг.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 76; *Правительственный вестник (Омск).* 1918. 14 дек.
Dolgov L.N. Problema regulirovaniya potrebitel'skogo rynka v deyatelnosti "beloy" administratsii Dalnego Vostoka (1918 – 1919 gg.) // Istoriya "beloy" Sibiri. Kemerovo, 1997. P. 76; *Pravitelstvennyy vestnik (Omsk).* 1918. Dec. 14.
- ⁴⁶ *Карпенко С.В.* Диктаторская власть белых генералов и коррупция (Юг России, 1918 – 1920 гг.) // Власть. 2013. № 7. С. 163–167.
Karpenko S.V. Diktatorskaya vlast belykh generalov i korruptsiya (Yug Rossii, 1918 – 1920 gg.) // Vlast. 2013. No. 7. P. 163–167.

**«К ПОЛЯКАМ В ПЛЕН ПОПАСТЬ
ОЧЕНЬ БЫЛО НЕЖЕЛАТЕЛЬНО»:
«ПОХОД ЗА ВИСЛУ» И ГЕРМАНСКИЕ ЛАГЕРЯ
В ПАМЯТИ БОЙЦОВ, ПОЛИТРАБОТНИКОВ
И КОМАНДИРОВ КРАСНОЙ АРМИИ***

Воспоминания участников Гражданской войны, хранящиеся в фондах бывших партархивов, позволяют заглянуть в те страницы истории первых послеоктябрьских лет, которые по тем или иным причинам были забыты или наглухо «закрыты». В Отделе документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области, в фонде воспоминаний, хранятся несколько десятков текстов, написанных участниками «похода за Вислу» 1920 г.

Авторы их – бывшие красноармейцы, политработники и младшие командиры частей Красной армии, сформированных из жителей северных губерний. Боевые действия на Северном фронте закончились, и в мае эти части были переброшены в состав Западного фронта для борьбы с «белополяками». Переброска шла под лозунгом «Даешь Варшаву, дай Берлин!»¹ Волей большевистских вождей войска фронта должны были «помочь польским рабочим массам опрокинуть правительство Пилсудского и захватить власть», а заодно «прощупать красноармейским штыком революционную ситуацию в Европе» (Л.Д. Троцкий). Иначе говоря, на штыках принести социалистическую революцию в Польшу, а там – и в Германию. Командиры и комиссары посылали красноармейцев в бой против частей Войска Польского под лозунгом «Даешь Варшаву, и поскорее!»²

Вместо Варшавы и Берлина они оказались в германских лагерях для интернированных.

Написанные в разные годы (самые ранние – в 1922 г., самые поздние – в 1960-е гг.), их полные яркими фактами и эмоциями воспоминания о поражении войск Западного фронта в Польше, отступлении на территорию Германии, интернировании и пребывании в германских лагерях дали уникальный материал для этой статьи.

Один из авторов воспоминаний – Михаил Иванович Коротких, житель деревни Пянтино. В 1920 г. – политический руководитель (политрук) 5-й роты 156-го стрелкового полка. Писал он о детстве и юности, об участии в Гражданской войне на севере России и «походе за Вислу», о временах нэпа и «наступления социализма по всему фронту» в Архангельской области, о своих земляках. Первый вариант его воспоминаний,

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ, «Фронт и плен: судьба комбатантов в чужом регионе (Советско-польская война, польский плен, интернирование в Германии по воспоминаниям северян)» (проект № 12-11-29000а/С).

рукописный, попал в бывший партархив (ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 253). В 1960-е гг. он дополнил их, насытил яркими подробностями и образами людей, довел до 1950-х гг. Писал правдиво. Получилось не только правдиво, но и художественно – целая повесть. Перед тем как поставить последнюю точку, отстукал на пишущей машинке: «На этом я и закончу мои воспоминания, вот только не знаю, сослужат ли кому какую-либо пользу». Этот второй вариант «опубликован» на сайте «Онега on line», посвященном прошлому Поонежья, его селениям и жителям (<http://www.onegaonline.ru/html/dz2/seeText.asp?kod=251>; он и был использован в статье).

* * *

В обстановке успешного наступления поляков на правобережной Украине, начатого 25 апреля 1920 г., и скорого занятия ими Киева большевистская «Правда» опубликовала воззвание, подписанное А.А. Брусиловым и другими известными генералами бывшей императорской армии, «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» с призывом добровольно вступать в Красную армию, чтобы «отстоять Россию». В северных лагерях содержавшимся там бывшим офицерам белых армий, попавшим в плен и заключенным в лагерь «до окончания гражданской войны», стали предлагать вступить в Красную армию, чтобы защитить страну от польской интервенции. Многие отказались. Начались массовые расстрелы заключенных офицеров. Другой причиной расстрелов, видимо, стали опасения восстания, поскольку местное население летом 1920 г. «ждало англичан», а охранявшие лагерь красноармейские части были ослаблены постоянными отправками пополнений на польский фронт³.

От мобилизации на польский фронт любыми способами пытались уйти и некоторые архангельские «партийцы». Один из таких даже предпочел отправиться в лагерь принудительных работ, согласившись на опубликование своего имени в газете как «труса», лишь бы не подвергать свою жизнь опасности на войне за «победу мировой революции»⁴.

Не горели желанием умирать за «мировую революцию» далеко от своих домов и рядовые красноармейцы, жители Архангельской губернии. В основном из них состояли части, которые перебрасывали с Северного фронта на Западный. Передвигаясь по губерниям, где мужчины, напротив, возвращались домой с Восточного и Южного фронтов, они открыто выражали недовольство. Многие спешили дезертировать. По свидетельству бывшего поручика Г.А. Мухина, «из 250 человек, отправленных из Архангельска на Польский фронт, до Вологды дошли человек 35 – остальные разбежались»⁵.

Уже на фронте напряжение в частях, недовольство красноармейцев усиливались тем, что им пришлось воевать плечом к плечу со вчерашними врагами: полки в немалой мере были укомплектованы бывшими бойцами

белых войск Северной области. В феврале 1920 г., после «ликвидации» Северного фронта, их отпустили по домам. А потом мобилизовали «на польский фронт». И получилось, что красноармейцы одного полка совсем недавно воевали друг против друга, вдобавок многие были «хорошо знакомы» друг с другом, ибо красные и белые части были созданы на основе партизанских отрядов, сформированных в одной местности. Более того, командирами нередко становились бывшие офицеры белых армий (в том числе деникинских) и бывшие офицеры из числа тех, кто до сих пор уклонялся от участия в Гражданской войне. Молодые красные командиры – как правило, плохо обученные – косились на бывших кадровых офицеров российской императорской армии, хорошо образованных и опытных⁶.

Вместе с тем оказавшиеся на советско-польском фронте «красноармейцы были преисполнены энтузиазма. Всюду слышалось слово “Варшава”»⁷.

* * *

В ходе успешного июльского наступления по литовской и белорусской территории, а с конца июля – по этнической польской, частям Западного фронта М.Н. Тухачевского «достались богатые трофеи и пленные». В воспоминаниях о победных июльских и августовских днях упоминается «привольная жизнь фронта»: «там мы ели свининку, гусятинку да фрукты»⁸, «отдыхали в садах, ели хлеб с медом»⁹. После первых успехов «товарищи красноармейцы еще больше воодушевились и рвались дальше»¹⁰.

Стремительное продвижение вперед без закрепления тыла и в большом отрыве от системы снабжения создало сложности в обеспечении войск боеприпасами, продовольствием, фуражом и прочим. Но войска победного боевого духа не теряли. Когда стрелковые дивизии попадали в трудное положение, и наступление приостанавливалось, тогда выручала конница – 3-й конный корпус Г.Д. Гая.

Конники Гая неизменно вызывали у пехоты восхищение и зависть. «Это были какие-то сказочные богатыри, – восторженно писал в своих воспоминаниях бывший телефонист полкового штаба А.Д. Алексеев, – их выправка и ухарство были неопишуты, бурки, папахи и у некоторых национальной формы оружие чернявым усачам придавали какую-то особую привлекательность. На открытых местах их колонны внушали ужас: все на конях, тут и медчасть, на выюках облегченные пулеметы, у некоторых длинные пики и у каждого острая шашка дополняли и красоту этих воинов. Вне боя они нередко становились добрыми барашками, но в бою становились лютыми зверями»¹¹. Поэтому в самых сложных боевых обстоятельствах стрелковые полки надеялись на конницу. «Мы держались около суток, – вспоминал тот же Алексеев. – Продовольствия не было, патроны кончились, но из штаба полка нам передают – держитесь, вам

на помощь идет корпус Гая». И вот – «впереди и справа мы слышали шум, крики и рев, среди поляков паника. Там с поляками расправлялись кавалеристы Гая. Перед нами поляки исчезли»¹².

Однако прекращение снабжения из тыла ударило не только по наступающим войскам, но и по местному населению: начались неизбежные самочинные реквизиции – «самоснабжение». Занимались им не только полковые хозяйственники, кому это было положено, но и рядовые бойцы. Грань между «самоснабжением» и грабежом, как и на «внутренних» фронтах Гражданской войны¹³, быстро стиралась.

«Солдаты нашего полка стали рыть молодой картофель и в имениях у помещиков забирать поросят... – без лукавства писал бывший телефонист Алексеев. – Богатые поместья были брошены, самих панов в роскошных поместьях не было, ценности охраняли их прислужники. Заходили в имения не с целью грабить, а чтобы купить что-либо из съестного. Нам обычно попадал польский сыр домашнего приготовления в мешочках и копченые окороки, что в условиях войны не казалось нам большим преступлением». Неоднократными приказами командования подобное «самоснабжение» строжайшим образом запрещалось красноармейцам, однако, как говаривал русский народ, «голод проймет – станешь есть, что Бог дает». «Мы, телефонисты, знали, что в штабе полка едят свинину польских панов, глядя на них, и мы тяпнули солидного поросенка в каком-то имении». Командир полка, узнав, сказал им на это: «Съели поросеночка, дак помалкивайте». Алексеев не стал скрывать, что «поросеночком» дело не ограничивалось: «Фактически дело касалось не одного поросеночка... В огромных садах помещиков – изобилие различных фруктов и огромные пасеки пчелиных ульев, не говоря уже о бытовой роскоши...»¹⁴

Немцы, жители территорий, переданных по результатам Парижского мира Польше, и еврейское население, испытывавшее террор со стороны поляков, первоначально встретили наступающие на Варшаву части Красной армии доброжелательно, даже с радостью.

Бывший комендант штаба 156-го стрелкового полка И.М. Бураков вспоминал: «Население относилось к нам хорошо. Познанцы зверски к ним относились, вырезали целые еврейские семьи, издевались, отрезая уши, ломая руки и ноги, насилая женщин»¹⁵. «По расстрелянным мирных жителей трупам, валяющихся по улицам города [Белостока] и вне его, оставшихся после эвакуации белополяков, можно было судить, что здесь “пилсудчики” действительно хозяйничали и, как видно, более всего пострадали евреи, ибо большинство трупов оказались этой нации», – написал в своих воспоминаниях бывший помощник командира полка по административной части Ф.А. Прялухин¹⁶.

Попавший в плен к полякам политрук Г.И. Сокольников рассказывал об отношении поляков к евреям, с которыми они сидели в пересыльной тюрьме в городе Ружаны, который, по его словам, «был сочувствующий красноармейцам, приносили обед, наваренный из свинины

с картофелем, и собрав хлеба кусками»: «Поляки ночами расстреливали евреев по 80 человек. Проходя, часто издевались, брили бороды тупыми штыками, поджигали, стегали плетями, рев, стон...»¹⁷ О расправах, творимых польскими частями над еврейским населением, говорится и в трофейных документах Войска Польского. Так, в одном из приказов командование призывало офицеров не допускать грабежей и расправ с местными жителями: «Еврейский вопрос нельзя решить избиением евреев и обрезанием бород»¹⁸.

Однако при всех надеждах на избавление от польского террора «самоснабжение» частей Красной армии быстро изменило настроения немецкого и еврейского населения. Отношение же поляков, прежде всего состоятельных, стало резко враждебным.

Прялухин вспоминал о вступлении красных в Белосток: «По вступлении наших частей жители вначале относились сочувственно и радостно наш встречали, но когда по распоряжению командования необходимо было запастись... для фронта фуражом... и продовольствием, и когда начали проводить реквизицию скота, то части населения, преимущественно зажиточной, это не понравилось... со стороны зажиточных евреев заметно было сильное негодование, а некоторые даже оказывали вооруженное сопротивление и, конечно, за это некоторые поплатились своей жизнью»¹⁹.

Тем более не щадили захваченных в плен бойцов Войска Польского.

Бывший телефонист Алексеев вспоминал: «От пленных поляков узнали, что они думают о нас: что... железные полки северян – отменные храбрецы, что деремса ожесточенно и в плен поляков не берем. Это мнение вскоре подкрепилось на деле крайне неприятным и отрицательным фактом. У местечка Глубокое в большой группе пленных поляков один офицер спрятал свой револьвер, и когда их строили и повели в тыл, он как-то ухитрился и в упор выстрелил в командира сотни наших казаков корпуса Гая. Взбешенные, они кинулись рубить беззащитных людей, и неимоверно озверев, войдя в азарт, почти всю группу пленных располосовали, а их было несколько сот... Картина такого зверства была потрясающая, но на войне, по-видимому, законы не писаны... Этот факт в дальнейшем поляки приписывали и другим нашим частям»²⁰.

Как это обычно бывает на войне, слухи быстро «опережали» факты. У каждого из противников росла уверенность в жестокости другого по отношению к захваченным в плен, что преумножало взаимные жестокие расправы с пленными на деле.

По мере приближения войск Западного фронта к Варшаве взаимное ожесточение нарастало. Бывший ротный политрук Коротких вспоминал: «Видим, валяются убитые поляки, валяются каски, сумки солдатские... за домом у стены лежат раненые поляки и слезно просят оставить их жить. Подошли ближе, выясняем, что произошло. Наши кавалеристы поясняют, что поляки раненые лежат и стреляют в кавалеристов еще и после боя. А раненые поляки отрицают стрельбу, просят, чтобы живыми

не закапывали в землю: “Лучше сначала убейте нас...” При чем могилы копают этого же города жители, их это делать заставили наши кавалеристы. В это дело мы вмешались, говорим кавалеристам: “Мы же Красная Армия, пришли в Польшу освободить рабочих и крестьян от польских панов и иностранной интервенции и это нам надо показать на деле, простых людей-тружеников не трогать, закапывать тех, кто настраивает армию и население против Красной Армии”. Обещали нам, что не будут закапывать, а направят в лазарет. Мы спешили и не знаем, как поступили казаки».

* * *

14 августа 1920 г. под Варшавой польские войска нанесли контрудар по растянувшейся передовой линии войск Западного фронта, прорвали ее и вышли им в тыл, вынудив их отступить.

По воспоминаниям красноармейца Я.А. Турыгина, «пришлось вперед пробиваться и сзади отбиваться... и тут сразу ударились все в панику»²¹.

Под городом Цеханов был разбит 160-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии, отличившийся в боях на Северном фронте против частей регулярных войск Северной области и белых партизан: «Несмотря на ряд принятых мер, положение восстановить не удалось, понеся громадные потери людьми, обратились в бегство». Под артиллерийским огнем тыловые части были «окончательно обращены в панику и покидали все обозы». Возницы из мобилизованных местных крестьян, «видя это, окончательно растерялись и, покидав своих лошадей, бросились кто куда»²².

Коротких вспоминал: «В 12 часов ночи нас разбудили, и построился весь наш 156-й полк и нам командир полка объяснил, что мы от Советского фронта отрезаны, так как наши все снабженческие обозы, как первый, так и второй, от нас отрезаны, что мы теперь должны пробиваться в Россию теми средствами, какие у нас имеются при себе. Сейчас мы должны пробиваться к городу Млава, что недалеко от границы с Германией. Нам к тому же необходимо строго следить и всегда быть готовыми на случай нападения слева, справа, спереди и сзади. Мы оказались в окружении со всех сторон. И сразу, пока темно, вышли по направлению к городу Млава.

Ждали победы, и вдруг такое сообщение на нас подействовало, как гром с ясного неба».

Как вспоминал Прялухин, «началось поистине паническое отступление... Оставшиеся в живых собрались вместе, нестроевые части... соединились с боевыми частями и продолжали отступление, но куда отступали и что ожидало впереди, никто не знал, не знало даже и наше командование, ибо всякий маршрут был нарушен, а враг все время преследовал и не давал покоя. Так продолжалось эти роковые день и ночь»²³.

Панику усиливал страх перед пленом. Были случаи, когда красноармейцы, не успевая за отступающими частями, прятались, пропуская

продвигающихся вперед поляков. Переждав день-два, пытались с оружием пробраться к своим. Судьба таких окруженцев зависела от находчивости командиров. Так, «командир полка тов. Сливин сказал: “Товарищи, держитесь за мной, будем живы!”». Он приказал облить бензином и поджечь трофейные автомобили, пустил их вперед, освещая таким образом дорогу красноармейцам, что позволило продвигаться ночью по болотистой местности и выйти на соединение с другими отступающими частями. «И так отступали до 25 августа»²⁴.

Поражение и отступление раскрыло подлинные «политические физиономии» тех, кого уже считали «проверенными в боях товарищами». Так, «взводный командир Курочкин сорвал с себя коммунистический значок и, выкрикнув «Кто, ребята, со мной?», отправился с немногочисленными последователями сдаваться в плен полякам»²⁵.

Отступая, красноармейские части отодвигались к польско-германской границе: была надежда выйти к границе с Литвой или Латвией и через их территорию направиться в Россию. Отступали с боями, под артиллерийским огнем и воздушными бомбардировками. Части были готовы сопротивляться и далее, однако закончились боеприпасы. «Идти уже было некуда, оставалось либо сдать полякам, либо перейти германскую границу»²⁶.

Отступающие остановились на отдых в городе Млава, готовясь к переходу польско-германской границы с Восточной Пруссией.

Во время отступления отрицательное отношение мирных жителей к красноармейцам сказалось особенно сильно, когда Ю. Пилсудский обратился к населению с призывом не дать уйти с польской земли ни одному оставшемуся в окружении красноармейцу. По воспоминаниям Прялухина, в городе Млава, где отступающие красные части «намерены были отдохнуть и привести себя в порядок для дальнейшего сопротивления неприятелю», они столкнулись с резко враждебным отношением жителей. Часто по ним стреляли из окон. Так, группа бойцов Кавказского конного отряда Хаджи-Мурата Дзарахохова (на Северном фронте, командуя этим отрядом, он прославился отвагой и жестокостью к врагу), возглавляемая командиром, «проезжая по городу для проверки наличия неприятеля в городе, в одной из улиц была обстреляна». Выстрелы раздавались из окон почти каждого дома. «Из одного чердака был даже замечен пулеметный огонь», которым был убит командир взвода. «Видя это, конница уже церемониться не стала... Хаджи-Мурат решил во что бы то ни стало отомстить. Дом, из которого раздался выстрел, окружили, и несколько товарищей-кавказцев, сойдя с лошадей, ворвались в дом, подвергли его повальному обыску и на чердаке обнаружили засаду с пулеметом». Возглавлявший засаду «старый еврей лет 50-ти... при задержании крепко держался за ручку пулемета. Но кавалеристы, оттянув его от пулемета, со

всей яростью выбросили его с пулеметом в слуховое окно на улицу. Еврей, упавши на замощенную камнем улицу, разбился насмерть. Так кавказцы расправились за смерть своего товарища»²⁷.

Отдохнуть в Млаве не получилось: полякам удалось внезапно ворваться в город по железной дороге и разрезать красные части. Одни были уничтожены или пленены, другим удалось вырваться из окруженного города. «Польские цепи несколько раз преграждали нашим войскам путь... – вспоминал Алексеев. – По скоплению наших войск в темноте несколько польских бронепоездов открыли огонь из орудий и пулеметов. Чего тут было, трудно представить... Казаки корпуса Гая, спасая наше положение, действовали удивительно самоотверженно и лихо – помогли нашим измученным усталым частям перебраться через границу»²⁸.

Конные части – единственные, которым удавалось сохранять организованность и боеспособность. 3-й конный корпус Гая отступал в относительном порядке; комкор держал свои части крепко. По свидетельству Турыгина, «командир Гай выехал на поле и сказал своим громким голосом: “Товарищи, кто куда желает? Кто желает здесь остаться – пожалуйста. Кто желает в Германию – тоже пожалуйста!”. Тут мы все захотели в Германию»²⁹.

Красноармейцы же стрелковых полков «разбегались» небольшими группами: надеялись, что так будет легче перейти к своим. Они нередко становились жертвами вооруженных групп местных жителей, которые нападали на отдельных красноармейцев, грабя и даже убивая их. Чтобы спастись, красноармейцы, потерявшие своих командиров или сбежавшие от них, также направлялись к германской границе.

«Оставшись в живых, к полудню вышли к границе... Сдаться полякам не хотелось, решили лучше перейти границу, чем живым попасть в плен к полякам. Для окончательного решения этого вопроса собрали совещание всех присутствующих, на котором ставился вопрос, как быть дальше. Много говорить было некогда, ибо время приближалось к вечеру, а вопрос было необходимо решить сейчас же». По воспоминаниям Прялухина, выбранные на этом «военном совете» делегаты были направлены к немецким пограничникам с просьбой связаться с находившимся в Берлине Бюро по делам русских военнопленных и ходатайствовать через него перед властями Германии «о принятии нас и разрешении перехода границы»³⁰.

Немцы поразили красноармейцев своей организованностью. У пограничников существовала прямая связь с командованием и столицей. Уже через три часа делегация вернулась с положительным ответом. «Имея разрешение о пропуске нас через границу, командование решило сделать проверку наличия людей и, подведя подсчет, двинулись к границе». Через 2–3 часа остатки стрелковых полков дошли до ближайшего восточно-прусского городка. «К этому же времени прибыли фронтовики и других направлений фронта... оказавшиеся в таких же условиях. Сюда же немного позже прибыл конный корпус Гая и конница Хаджи-Мурата»³¹.

«Так наши боевые части Западного фронта кончили свою боевую славу», – подвел Прялухин горький итог³².

* * *

Части Красной армии переходили границу с Восточной Пруссией и направлялись к указанным им лагерям, сохраняя военную организацию. «Для более регулярного перехода и сохранения полного порядка нас разбили на группы по родам оружия. В первую очередь были пропущены артиллерия и кавалерия, затем пехота и все прочие команды. Немецкие власти разоружили нас... оставляя исключительно в обмундировании и обуви»³³.

Первые группы интернированных оказались в незавидном положении: «Нас... загнали на участок близ железнодорожной станции, огражденной колючей проволокой. Ночь мы провели под открытым небом. Лил сильный дождь. Земля превратилась в месиво. Всю ночь мы провели на ногах, вымокли до последней нитки»³⁴.

При размещении неожиданно «обрушившихся» на них красноармейцев немцы показали свою организованность: «Пропустив всех нас через границу, а ведь нас было не много, не мало, около 20–30 тысяч человек», немецкие власти, как одобрительно отметил Алексеев, «чтобы не стоять на улице и не держать под открытым небом», направили интернированных «под строгим конвоем в товарных вагонах ... в ближайший от границы лагерь»³⁵.

Для размещения интернированных войск были спешно открыты лагерь, пустовавшие после окончания мировой войны. Бараки в них уже были непригодны для жизни. Прялухин вспоминал: «Екнуло наше сердце, когда мы вошли в барак. Крыши и стены были толевые, в некоторых местах рваные, и ветер ходил по баракам». Однако измученные тяжелым переходом люди, «полуголодные и озябшие, улеглись на полу барака спать. Сон был приятнее всего, ибо почти четыре дня не спали совершенно». Бараки находились на территории, обнесенной колючей проволокой в четыре ряда, по углам стояли вооруженные часовые. «Красноармейцев распределили партиями по 50–60 человек и разместили в бараках. Немцы, видимо, не возражали, чтобы люди сами выбирали себе соседей. Бараки заселялись по “земляческому” принципу»³⁶.

Несколько десятков тысяч человек (по разным данным от 50-ти до 70-ти тысяч) были направлены в лагерь «Арис» (около города Арис в Восточной Пруссии). «Здесь находились долго, порядок наводили тоже долго, не получая ниоткуда питания... Нас опять сформировали по ротам. Это долго не удавалось, люди перебегали из одной роты в другую, стараясь попасть со своими земляками»³⁷.

Первое время (пока шли переговоры между германскими и советскими властями) продовольственное обеспечение было возложено на самих

обитателей лагеря. Немцы ограничились разоружением красноармейцев, позволив им перейти границу со всем остальным имуществом, включая перевозочные средства. Но при поспешном отступлении были потеряны запасы продовольствия. Бывший телефонист Алексеев вспоминал: «У казаков корпуса Гая, перешедших границу на конях, положение было гораздо лучше, они резали коней и варили в котлах галушки, а мы глотали слюну... Помню, как я ходил добывать себе пищу, у лошадиных остовов перочинным ножом отрезал маленькие, уже позеленевшие кусочки мяса, их долго варили и все на варку, в котелке стояла желтая пена, но голод принудил есть и такое мясо. Помнешь это мясо в соли и с отвращением проглотить...»³⁸

По прибытии в лагерь интернированным был обещан горячий обед. Красноармейцы обрадовались, ибо при отступлении «питались колосьями, собранными с польских полей, пытались разварить эти зерна и получить кашу без соли и какого-либо жира»³⁹. «Обрадовались, думали покушать, давно горячей пищи не принимали. Но ожидания наши при виде обеда и хлебной порции разлетелись. Не обед, а какая-то бурда была подана, а хлеба по четверти фунта на день. Но делать было нечего, не своя воля. Хлебнув по несколько ложек поданной теплой водички с какой-то крупы... вместо супа, мы ложки опустили...» Утром звонком была объявлена утренняя поверка и «подан утренний кофе... из сушеных желудей»⁴⁰.

Коротких писал: «Когда мы перешли границу, у нас телег и лошадей не взяли, оставили при нас, так же как и все солдатское обмундирование и вещевые мешки. И даже давали чай с сахарином и приносили обед – мутная вода да ежедневно давали 200 грамм хлеба из древесины, нам правда говорили, что там была какая-то часть и муки. От всего этого правда мы едва носили свои ноги и то по очень большой нужде». Когда через месяц их отправляли в другой лагерь, на запад Германии, они построились на плацу и увидели: «от телег остались одни железные ободья, от колес да оси от телег, словом, все, что не подлежит горению. Лежат кучи лошадиных костей, скелетов, голов и т.д., то есть, то, что не мог переваривать желудок... Брать с собой было нечего, поехали с пустыми сумками и порожними желудками».

Кормили интернированных с немецкой пунктуальностью. «Порядок принятия пищи установлен по расписанию коменданта лагеря: в 8 утра чай, в 12 часов обед, в 2 часа полдник, состоящий из селедки или 1/8 хлеба с маргарином, в 6 вечера ужин, до 9 вечера свободное время». Чай, как и кофе, был желудевым: «неприятно было пить, т.к. русский человек к чаю привык, но пили». Кормили, по словам авторов воспоминаний, «хорошо и много раз в день». Пища казалась вкусной, однако была суррогатом и голода не утоляла. Красноармейцы были удивлены, «что хлеб печется из костяной и травяной муки, т.е. это кость и осинового опилки, размолотые мелко». Поверить в это, как писал Прялухин, было сложно; убедились только, высушив хлеб: «сухарь превратился в порошок, были хорошо

заметны опилки кости и дерева». Суррогатный хлеб и «немецкие обеды, состоящие из воды с крупой, не утоляли голода. Чтобы не замереть с голода окончательно, многие наши товарищи ходили по целым дням в поисках пищи... Некоторые додумались с этой целью проверять помойки, куда выливались все отбросы с кухни: сельдяные головы и мясные кости. Эти отбросы добывали почти с боем, а затем во время топки печи в бараке эти головы и кости вновь переваривали и готовили себе суп, который считался хорошим ужином. Кости варили, пока они окончательно не разварятся. Картофельную шелуху тоже в котелках варили и приготавливали отличное картофельное пюре. Все это тяжело отражалось на нашем желудке... некоторые получили и болезни...»⁴¹

«Сильнее всего томило недоедание, хуже всего было полуголодное состояние при таком безделье, оторванности и одиночестве... Мыла и табаку до декабря 1920 года не получали. Белье стирали холодной водой и где попало, так как прачечных не было. Значительная часть красноармейцев за отсутствием мыла вовсе не стирали, а у многих и стирать нечего было»⁴².

Кроме дурного питания, красноармейцы страдали от холода. Отступление происходило летом, и многие остались в одних обветшалых гимнастерках. Такие красноармейцы «вынуждены были часто оставаться целыми сутками, неделями под одеялами»⁴³. Поэтому обещание лагерного начальства обеспечить всем недостающим встретили с облегчением: «Наконец-то, думаем, и мы приоденемся». Однако вместо сданных русских гимнастерок, солдатского белья и сапог «выдали старые серые немецкие мундиры, шинели да фуражки без козырьков, а на ноги, у кого не было обуви, колодки деревянные»⁴⁴.

Немалое впечатление произвела на красноармейцев немецкая «баня». «При входе в баню нас сразу же встретил цирюльник и остриг волосы, брови и усы. Когда дошла наша очередь до стрижки, мы удивились: не машинками и бритвами, как у нас в России, а каким-то раствором бреют. Процедура стрижки и бритья проходила очень быстро. Подходим к цирюльнику, он намазывает раствором все те части, где имеются волосы, а потом сразу же смывает щеткой, и волосы сваливаются на пол. Получалось чище, чем под бритву». После стрижки и бритья, как вспоминал далее Прялухин, направлялись в баню, которая для русских, особенно северян, была особенно желанной. Однако баня оказалась «не русская парная, а истинно немецкая», то есть душ: «Постоявши под дождиком, который лился из особо устроенного под потолком решета, 2-3 минуты, получали приказ выходить, и тем баня кончалась»⁴⁵. Впрочем, и такая баня полагалась всего раз в месяц.

Бедственное положение, в котором пребывали люди в лагерях, подталкивало их к мелким преступлениям, прежде всего к воровству. Кроме голода, мучил холод. «От сырости и холода в бараках многие заболели, и той нормы топлива, которая выдавалась на сутки – 200 грамм торфа и

400 грамм каменного угля – для отопления громадного барака не хватало». Желание протопить свой барак заставило дежурного (Прялухина) украсть плохо приколоченную доску. Обнаружив пропажу, начальник лагеря «за невыдачу виновника наложил наказание на весь барак “не давать хлеба”, пока не выкажут виновника». «Сознавая товарищескую дисциплину, мне пришлось пойти и сознаться коменданту». Комендант долго его распекал; затем посадил на три дня в карцер на хлеб и воду»⁴⁶.

Антисанитарные условия, холод и недоедание, а также общее подавленное состояние способствовало распространению различных болезней. Сначала это были простудные и желудочные болезни, но вскоре стали появляться случаи тифа⁴⁷. Совместными усилиями немецкой администрации и русского медицинского персонала были проведены жесткие санитарно-гигиенические мероприятия, и эпидемий удалось избежать.

* * *

Пребывание интернированных красноармейцев в приграничных лагерях Восточной Пруссии длилось около месяца.

Близость границы многих тянула к побегам. Маленькими группами или в одиночку они надеялись пройти через польскую территорию и вернуться в Россию. Побег начался уже при конвоировании перешедших границу красноармейцев в лагерь: «Многие группами и поодиночке стали удирать в надежде добраться до границы». Бывший политработник (инструктор политотдела 18-й стрелковой дивизии) П. Рябов вспоминал: «Во время перехода значительная часть красноармейцев разбрелась по границе, желая перебраться в Россию. Конвой... удержать разбегавшихся не имел сил. В лагере... побег продолжались, и довольно часто, но они были сопряжены с большими опасностями. Были случаи, когда немецкая жандармерия убивала бегущих на месте... Ежедневно в лагерь приводили пойманных беглецов. Значительная часть их попала по переходе границы в тюрьмы Литвы и Латвии, и только немногим удалось попасть в Россию»⁴⁸.

Большинство же беглецов были задержаны на немецкой территории и препровождены обратно в лагерь. «Не понравилась такая жизнь некоторым из наших товарищей и некоторые надумали бежать. Но куда бежать, не знали и немецким языком не обладали. Несмотря на это, некоторые свое намерение выполнили. Особенно в этом свою отвагу показал тов. Воденников Федя, который... ночью пробрался через проволочную калитку и скрылся... Комендант лагеря усилил охрану и принял меры к поиску беглеца». Через 10 дней беглец на границе с Австрией был задержан, а затем возвращен в лагерь, где его ждало не слишком строгое наказание: 7 суток ареста⁴⁹.

Немцы боролись с побегами, поскольку могли возникнуть конфликты с местным населением: беглецы занимались мелкими кражами, чтобы

обеспечить себя питанием. Чтобы не искушать людей легкостью побега, а также успокоить волнуемое население, германские власти приняли решение вывезти интернированных красноармейцев из Восточной Пруссии вглубь Германии.

«Нам выдали на дорогу по полфунта хлеба и банке консервов. Разбили на партии для отправки по железной дороге, разные части направлялись в разные города». Прялухин, хорошо знавший тыловую работу, высоко оценил немецкую организацию перевозки личного состава: «Нас направили на ближайшую железнодорожную станцию для посадки в вагоны и дальнейшего направления. Ожидать вагоны долго не пришлось. Минут через 10 по прибытии на станцию поезд подошел и, рассчитав по 25–30 человек в вагон, посадку закончили через час»⁵⁰.

Неприятной частью «путешествия» был проезд через Польшу по Данцингскому коридору. Комкор Гай, опасаясь быть выданным полякам, настоял на перевозке своих бойцов морем. Остальных, как описывал бывший телефонист Алексеев, «везли в товарных вагонах под пломбами, и на остановках приказано было молчать, т.к. поляки могли заметить и высадить у себя. Нам к полякам в плен попасть очень было нежелательно, поэтому терпели... Везли в условиях крайне тяжелых, вагоны были забиты до отказа, духота была невероятная... естественные надобности проводить было почти невозможно: двое такого человека подсаживали к окну товарного вагона, у которого еще железная перекладина, вот в таких условиях и по большому управлялись...»⁵¹

«Путешествие» интернированных красноармейцев по Германии продолжалось 3–4 дня. Впервые они увидели страну, с которой Россия воевала почти четыре года. Их поразили города. Под Берлином «разглядывали с большим любопытством» локации мощной радиостанции⁵². И сами красноармейцы вызывали немалое любопытство у местного населения.

В лагерь «Байрейт», расположенный у городка Байрейт в Баварии, красноармейцев привезли поздней ночью. «Высадили из вагонов моментально и построили в ряды по четыре человека. Окруженные конвоем, следовали по городу в лагерь, который находился в 3–4 километрах от города». Жители города «с удивлением смотрели на нас... Да и как было не смотреть, ведь шли русские большевики, и шли кто в чем, кто в немецкой шинели, кто в русской, у кого на ногах русские сапоги, а у кого немецкие колодки. Малые дети гоняли вслед за нами и кричали “Рус, большевик”»⁵³.

Кроме удивления обывателей, интернированные запомнили и весьма доброжелательное отношение, которое они встретили со стороны немцев.

Возможно, часть жителей имела материальную заинтересованность в общении с русскими, у которых имелись еще и лошади, и немало разного «добра» из числа польских трофеев, а бедственное положение, в котором те оказались на чужбине, подталкивало все отдавать буквально за бесце-

нок. По словам комкора Гая, местные фермеры могли за буханку хлеба приобрести хорошего коня у его кавалеристов⁵⁴.

Однако среди немецких рабочих была и искренняя симпатия к «советским». Рябову и его товарищу, латышскому коммунисту Розе, владевшему немецким языком, удалось выйти за ограждение лагеря и «уговорить» двух немцев «принюхать нас на ночь. Они не сразу согласились, т.к. за это жандармы налагали штраф». Самого Рябова «взял рабочий-маляр, член партии “независимцев”». Объяснились мы с ним на ломаном немецком языке. Семья его оказалась на редкость гостеприимной. Его квартира была в подвальном помещении, состояла из комнатки в полторы квадратной сажени и такой же кухни. В этой квартире помещалась семья из четырех человек, пара гусей и три поросенка на кухне. Гостеприимная немка высушила всю мою одежду, основательно меня накормила и дала при уходе кусок хлеба, пожелав успешно добраться до России»⁵⁵.

Как-то эшелон с интернированными красноармейцами встретился с поездом, в котором ехали рабочие. Те, как вспоминал Рябов, «о нашем путешествии, очевидно, были осведомлены... При встрече поездов выглядывали из окон, махали нам лоскутками красной материи, выражая тем нам свои приветствия. В ответ, открыв окна вагона, мы прокричали “ура!” и запели “Интернационал”... Поезда быстро промелькнули. Настроение среди нас приподнялось. Чувствуем, что мы не одни, немецкие пролетарии с нами»⁵⁶.

Гостеприимность проявили и крестьяне. При этапировании в лагерь красноармейцы «свободно заходили в деревушки. Крестьяне-немцы оказались очень гостеприимны и при остановках подкармливали нас»⁵⁷.

При перевозке по железной дороге случались удачные побег. Так, удалось бежать заместителю начальника штаба 54-й стрелковой дивизии Иванову. Благодаря помощи немецких коммунистов и знанию немецкого языка он смог добраться до Советской России⁵⁸.

Тем интернированным, которые владели немецким языком, вообще приходилось легче. Они могли обратиться за помощью к немецким коммунистам. Им легче было совершить побег. Во время переезда по Германии, как написал Рябов, «в одну из остановок близ Берлина фельдфебель отпустил двоих из нас за покупками. Ушедшие оба в совершенстве владели немецким. Третий звонок – поезд отходит, а ушедших все нет. Они бежали. Фельдфебель, расплакавшись, долго причитал, что теперь его сгноят в тюрьме. Мы постарались уверить его, что более таких побегов не будет, и дали ему круговую поруку друг за друга. Это его несколько успокоило»⁵⁹.

* * *

«Покой» лагерной жизни для многих оказался невыносим.

«Жизнь в лагере была скучна и голодна... Ни шагу за проволоку... Скука и монотонность жизни начинала надоедать... Единственное

удовольствие было выходить по вечерам из барака... и петь хором под открытым небом революционные песни»⁶⁰. «Настроение массы было подавленное... Обвиняли поголовно всех. Люди, ненавидящие советский порядок, бросали обвинение исключительно на коммунистов». В результате, когда была объявлена регистрация партийных и культурных работников, «регистрировались более смелые работники. Значительная часть из политработников, считаясь с антисоветской пропагандой, часто скрывала свою партийность и на регистрации не являлась», – вспоминал бывший политработник Я. Реяк⁶¹.

Первое время лагеря представляли собой стихийные рынки. «Желудочные интересы, а иногда и “охота покурить” не давали покоя и можно было видеть целые толпы людей на “толкучке”, где продавали все, что можно было снять с себя и продавать... В силу тяжелого материального или хозяйственного положения и нравственного одичания, оторванности от свободной жизни, общей физической усталости, истощения и других причин люди прониклись мелкими и шкурными стремлениями. Развилась спекуляция уже не из-за куска хлеба или 50 грамм табаку, а с целью наживы. Развилась также картежная игра, “орлянка” и другие азартные игры. Нередки были случаи пьянства. Каждый день были преступления и производились аресты»⁶².

Чтобы прекратить это, требовалась жесткая дисциплина. В лагерях была фактически восстановлена существовавшая в Красной армии система управления. Оказалась под запретом, как это было в Советской России, и «свободная торговля».

В тех лагерях, где было велико влияние политкомиссаров, красноармейцами принимались решения о «справедливом устройстве» лагерной жизни. Они потребовали, чтобы их не разделяли «на буржуазный манер» на рядовой и командный состав, а расселили по баракам и обеспечивали деньгами и продовольствием «по-товарищески». И действительно, содержание комсоставу и красноармейцам выдавалось поровну, по 10 марок в месяц⁶³. Впрочем, занимавшим в лагерях различные должности полагались и дополнительные деньги, но красноармейцы, возможно, об этом не знали.

Лагерь управлялись по гарнизонному уставу. Красноармейцы были объединены в «сводные» роты и полки. Бараки избирали членов «комитета лагеря», который занимался обсуждением и решением насущных вопросов. Представители от лагерей направлялись на специальные съезды, которые устраивались в Берлине.

Контроль за жизнью интернированных осуществляло посольство РСФСР в Берлине, его Консульский отдел, уполномоченные которого находились в лагерях. На каждого красноармейца советское правительство выделяло по 4 марки в день, которые шли на содержание лагерей, питание и обмундирование интернированных.

Контролем и оказанием помощи занималось и Бюро по делам русских военнопленных, при котором был создан Отдел интернированных войск

Красной армии. Отдел разработал инструкции по организации внутренней жизни лагерей. В частности, предлагалось восстановить работу партийных ячеек, воссоздать товарищеские суды, избрать контрольно-хозяйственные советы лагерей (для контроля за расходом продовольствия и других материальных средств), а также организовать отделы культпросветработы, школьную, театральную-музыкальную, клубно-библиотечную и спортивную секции.

В лагере «Зольтау» (у города Зольтау в Нижней Саксонии) жизнь «первое время протекала грустно, неорганизованно», но затем «стала интересной, веселой». В лагерном театре «сцена была хорошо украшена лагерным художником, имелись оркестры – духовой с 18 инструментами, струнный с 9-тью инструментами и хороших балалаечников». Школа помещалась в здании церкви, устроенной «старовоеннопленными» (попавшими в плен в ходе мировой войны). Красноармейцы из нее «иконы выбросили и понемногу сожгли». Кроме общеобразовательных и политических занятий, в школе были организованы сельскохозяйственные курсы⁶⁴.

В лагерях издавались рукописные журналы и газеты, в которых авторами повестей, рассказов, стихов были сами красноармейцы. Все их творчество было пронизано тоской по родине, стремлением вернуться и включиться в преобразующую деятельность, которая, как им казалось, развернулась в Советской России. Интернированные отмечали у себя «горячее желание возвратиться скорее в Россию. Хотелось отдать еще сохранившиеся силы на закрепление завоеваний Октября»⁶⁵.

Особенно сильно, как вспоминал Рябов, «тосковали» политработники, оторванные от «живой работы». Первые недели пребывания в лагерях их держали отдельно от красноармейцев. «Принялись было заниматься учебой: кто взялся за общественно-политические науки, кто за изучение немецкого языка... Пробовали дискуссировать о причинах нашего поражения под Варшавой. Но все чего-то не хватало, не было увязки в работе, все ходят с понуренными головами...». После вмешательства советских дипломатов и Бюро по делам русских военнопленных комсостав поселили в общих бараках с красноармейцами. Не всем представителям комсостава это понравилось. Но политработники воодушевились, вернувшись к привычной для них «работе с массами». Они постарались разместиться по два-три человека «в каждый барак с таким расчетом, чтобы связаться со всей массой красноармейцев и повести хотя какую-либо культурную работу... Вели беседы с красноармейцами на политические темы, читали газеты и толковали о прочитанном»⁶⁶.

Как это было принято в Советской России, культурно-массовая работа в лагере организовывалась в форме различных кампаний: устраивались «дни» и «недели» пролетарской культуры, просвещения и прочего. «Недели пролеткульта» проходили особенно оживленно: выходили рукописные журналы, за публикацию в которых полагался гонорар. За «литературные произведения», даже не помещенные в журнал, обещались премии⁶⁷.

В лагерных театрах силами самих красноармейцев, а также представителей пролетарских организаций Германии ставились спектакли, давались концерты, устраивались постановки «живых картин» и киносеансы. Материальная база отчасти досталась от бывших лагерей военнопленных (театральные помещения, декорации). Средства на приобретение костюмов, грима, а также на жалование актерам предоставлялось Бюро по делам русских военнопленных, а также за счет платных концертов и доходов от кооперативных лавок. В театре лагеря «Пархим» за шесть месяцев было поставлено 87 спектаклей и устроено 44 киносеанса; общее количество зрителей составило 54 360 человек, то есть каждый обитатель лагеря за полгода посетил театр 5–6 раз⁶⁸.

Лагерные культмассовые учреждения получали необходимый инвентарь от различных благотворительных организаций, в первую очередь от американского Союза христианской молодежи (УМСА), что позволило организовать клубы и библиотеки. Однако, что особо отметил бывший солдат белой армии А.Н. Порядин, «русские общественные организации, представители “красных крестов”, революционеры буржуазные – они нас, десятки тысяч, не заметили в Германии, нас на чужбине не обогрели...»⁶⁹

Особенно радовало интернированных приобретение граммофонов, что позволило устраивать «танцевальные вечера». В лагеря, особенно перед отправкой интернированных на родину, любимыми правдами и неправдами стремились проникнуть женщины, стремившиеся заключить брак с красноармейцем и выехать в Россию за казенный счет. Это были русские, оказавшиеся за границей, а также немки, желавшие путем фиктивного брака выехать в Россию, чтобы воссоединиться с русскими военнопленными, с которыми они сожительствавали в годы мировой войны. «Женский вопрос» немало усложнял обстановку в лагерях. В конце концов, Бюро по делам русских военнопленных распорядилось «прекратить танцевальные вечера и заменить таковые публичными чтениями»⁷⁰.

Наконец, спортсмены устраивали состязания, а также показательные выступления. В состязаниях и выступлениях борцов участвовали и немцы-охранники. Широкое развитие получили массовые мероприятия: футбол, волейбол, лапта. Реяк вспоминал: «Футбол был одной из лучших игр для красноармейцев, и желающих учиться было очень много»⁷¹.

* * *

Судя по воспоминаниям интернированных, лагеря обладали некоторой «экстерриториальностью».

Так, при пении «Интернационала», гимна Советской России, охрана и служащие лагерей «на всякий случай» «отдавали честь».

В ноябре 1920 г. в лагере «Альтдамм» (возле городка Альтдамм в восточно-прусской провинции Померания) интернированные смогли торжественно отметить третью годовщину Октябрьской революции.

Лагерная администрация позволила устроить «манifestацию и парад войскам». О нем написал Прялухин: «В 12 часов дня 7 ноября командир полка Цветаев, проходя по рядам выстроившихся, поздравил с праздником. Ряд выступавших товарищей кратко обрисовали картину жизни в лагерях и условия, в которых волею судеб приходится этот великий день встречать на чужбине и не так торжественно, как это было бы в России. После выступления наших товарищей выступали некоторые из немцев. Они также сожалели, что здесь, в условиях пленения, мы не можем проводить этот великий день так, как бы следовало его проводить. А выступавший военнопленный сказал, что “недалек тот день, когда вся Германия будет охвачена революционным огнем, и тогда немецкий пролетариат свободно вздохнет и увидит яркое красное знамя труда”. Чтобы празднование еще больше ознаменовать, объявил, что сегодня силами военнопленных будет поставлен спектакль “Парижская коммуна”, на каковой и просил прийти всех»⁷².

Несмотря на призывы советских представителей к интернированным (прежде всего политработникам) не заниматься большевистской пропагандой среди немцев, те стремились нести «коммунистическую идею» в любую внимающую им среду. В конце концов разразился скандал. Немецкие газеты писали о проникновении большевистских эмиссаров в среду германских рабочих. В начале 1921 г. лагеря интернированных красноармейцев, из которых большинство политработников уже выехали в Советскую Россию, были переданы в ведение Министерства рейхсвера. Посещение лагерей сотрудниками Бюро по делам русских военнопленных было ограничено и допускалось при условии, что они будут общаться с обитателями лагерей только в присутствии немецких властей и переводчиков, не станут организовывать митингов, а будут призывать интернированных красноармейцев, оставшихся в лагерях, «к спокойствию и ожиданию возвращения на родину»⁷³.

Пребывание «интернированной Красной армии» в Германии большевистское руководство пыталось использовать в пропагандистских целях. Инструкции, за соблюдением которых должны были следить политработники, обязывали красноармейцев к соответствующему поведению. Так, в инструкции для увольняющихся в город говорилось: «Все увольняющиеся в город должны иметь опрятный вид. Явиться для осмотра к дежурному. Вести себя добропорядочно, как подобает красноармейцу. Не ходить большими группами, не останавливаться у магазинов и на перекрестках, не ходить на вокзал и ни в коем случае по деревням». Последние запреты были связаны с тем, что интернированные «недопустимо для воинов Красной армии» навязывали немцам свои услуги «за ничтожную плату»⁷⁴.

За административные правонарушения интернированные наказывались лагерной администрацией. Если преступление носило уголовный характер – предавались германскому суду. В лагерях действовали и товарищеские суды.

Интернированные красноармейцы и русские военнопленные мировой войны, формально обладая одинаковыми правами, испытывали различное отношение к себе со стороны Бюро по делам русских военнопленных. Так, интернированные лучше обеспечивались продовольственными пайками, что вызвало возмущение остальных, пленных мировой войны, заставив их обратиться с жалобами к правительству РСФСР и в Международный Красный крест⁷⁵. Даже наказания различались: если военнопленных «за пьянство наказывали лишением пайка, курева, отпусков», то на те же провинности красноармейцев «смотрели сквозь пальцы: “Пусть! Товарищи пострадали – заслуживают снисхождения”»⁷⁶.

* * *

В немецких лагерях для интернированных активно работали, по выражению авторов воспоминаний, «белогвардейские агенты», стремившиеся воспользоваться растерянностью и подавленностью красноармейцев. По свидетельству Гая, «несколько краскомов из бывших офицеров надели погоны»⁷⁷. Своими газетами интернированных бесплатно снабжали эмигрантские организации. Бывший политработник Реяк особо отметил в своих воспоминаниях: «Получение газет “Голос России” и “Воля России” с первых дней интернирования сильно содействовало антисоветской пропаганде, которая также началась с первых дней интернирования. Та наглая ложь, которую проповедовали эти газеты, ввела многих в заблуждение. В результате антисоветской пропаганды мы имели в лагере 100–150 человек определенных контрреволюционеров, со стороны которых не раз видели резкие выступления»⁷⁸.

По воспоминаниям Рябова, «определенная часть командного состава, главным образом из кавалерии, ушла от своих красноармейцев в особый барак. Они сагитировали малоразвитых красноармейцев и самостийно называли себя “Донским полком белых”. Этих “белых” насчитывалось около 400 человек. В числе их были и из нашей дивизии: комбат 156 полка Фурсов, комроты того же полка Михайловский и др. Вся эта “старорежимная” публика на утренней и вечерней поверке пела “Боже, царя храни”»⁷⁹. Такие «белые» официально числились как интернированные красноармейцы и получали содержание от правительства РСФСР.

Чтобы не раздражать основную красноармейскую массу, немцы изолировали их в других лагерях. Случались переходы в «белогвардейские» лагеря.

Когда встал вопрос о репатриации интернированных, то часть красноармейцев и командиров отказались возвращаться на родину, предпочитая остаться в Европе⁸⁰. Напротив, некоторые интернированные в «белогвар-

дейских» лагерях пожелали вступить в ряды Красной армии, сражаться в Польше или на Дальнем Востоке, только бы вернуться в Россию⁸¹.

* * *

Советское правительство стремилось оказать интернированным помощь в возвращении в Россию, в первую очередь – политработникам. Судя по воспоминаниям Рябова, их под различными предложениями вызывали в Берлин, в советское посольство, там обеспечивали фальшивыми документами и переправляли в Россию. Помощь в этом оказывали и местные организации «спартаковцев». Так, по документам «старого военнопленного с Украины Сидоренко» уже в октябре 1920 г. покинул Германию Рябов: «Получив возможность выбраться из лагеря по вызову из Берлина, мы с тов. Розе отказались от проводника и поехали в Берлин без опеки... Бюро снабдило нас временными документами, бельем и необходимой штатской одеждой, направило на ночевку в общежитие безработных. Обитатели общежития приняли нас дружелюбно. “Русланд, Большевик?” – был их первый вопрос. – “Да!” – “Гут, гут, мы тоже большевик!”... На наших документах уже стояла виза на выезд в Россию. [В Щетине] мы разыскали тов. Диккера и его секретаря Свешникова. Они выдали нам денег на прожитие, дали некоторые указания и направили на ночевку. Там мы встретили человек 30, находящихся в нашем положении... Нас выдавали за гражданских пленных. Немецкие жандармы внимательно осматривали наши аусвайсы, но придаться было нельзя»⁸².

Отъезд политработников плохо влиял на настроения интернированных. Наиболее ушлые, прослышав, что коммунистов будут первыми вывозить в Россию, стремились вступить в ряды партии. Более половины членов лагерных партийных ячеек вступили в них во время нахождения в лагере, и, видимо, с целью поскорее вернуться на родину. Основная масса красноармейцев видела в подобных привилегиях для коммунистов несправедливость. Отрицательно это сказывалось и на культурно-массовой работе в лагерях. Реяк, ведавший культработой в лагере «Пархим» (недалеко от городка Пархим в земле Мекленбург-Передняя Померания), писал, что за девять месяцев здесь сменилось три лагерных (гарнизонных) комиссара, четыре начальника политотделов, являвшихся одновременно начальниками лагерного культпросвета, и до десяти бригадных и полковых комиссаров⁸³.

* * *

12 октября в Риге было подписано соглашение о перемирии и прелиминарном мире между Польшей, с одной стороны, Советской Россией

и Советской Украиной – с другой. И с конца 1920 г. началось плановое возвращение интернированных красноармейцев на родину. Сначала вывозили людей гражданских профессий, затем, по специальным спискам, отдельными партиями одинаковое количество интернированных поляков и русских. Поскольку поляков на территории Германии было раз в 20 меньше, чем красноармейцев, массовое возвращение последних пришлось на май–июль 1921 г., в рамках дополнительного соглашения с Польшей, содержавшего договоренность о возвращении интернированных военнослужащих до ратификации мирного договора.

Известие о мире с Польшей, подписанном в Риге 18 марта 1921 г., «несколько облегчило нам душу, и мы ждали, что, если это только правда, то, может быть, в недалеком будущем нам удастся и выехать отсюда в свою родную Россию... Слухи с каждым днем распространялись упорнее, и наконец мы узнали от самого коменданта лагеря, что получено распоряжение о выявлении количества людей, на долю коих выпадает счастье ехать в Россию». В первую очередь возвращению подлежал медицинско-ветеринарный персонал, кавалерия, командный и административно-хозяйственный состав. Наконец вечером, как вспоминал Прялукhin, было объявлено об отъезде. «Накануне мы не спали всю ночь, а все мечтали о дороге, сердце радостно билось... Тяжело было расставаться с остающимися здесь товарищами. Ведь в боевые дни горе и радость мы делили пополам... Прощались по-братски. Лично у меня при прощании с товарищем, с которым я был почти неразлучно с 1918 по 1920 годы, т.е. с первых и до последних боевых дней, капали слезы»⁸⁴.

Готовясь к возвращению на родину, в лагерях создавали «ликвидационные комиссии». В специальной «Инструкции об отправке имущества лагерей в Советскую Россию» отмечалось, что «все ценное, накопленное за 8 месяцев [интернированными] и в течение шести лет военнопленными... в России позволит открыть 16 новых сельских библиотек, 16 клубов, 16 спортивных кружков»⁸⁵. Так, в лагере «Пархим» было «накоплено» «школьных пособий и учебников для школы первой ступени на 700–800 человек, для второй ступени на 100–150 человек; запасами имущества по театральной секции можно оборудовать и обеспечить театр какого-нибудь небольшого города или села, по крайней мере на год; библиотека числом 3.200 книг приведена в порядок и переплетена более тысячи книг старья, а также спортивного имущества вполне достаточно для клуба небольшого города»⁸⁶.

Редколлегия выходившего в лагере «Альтдамм» журнала «Последний перегон» обратилась к отъезжающим с призывом захватить на родину приобретенные в Германии топоры, пилы, напильники, иглы, вилы, лопаты и прочее: «Не с пустыми руками на трудовой фронт!»⁸⁷

Военнопленных чинов старой русской армии и интернированных красноармейцев из всех германских лагерей свозили в лагерь «Альтдамм»,

наиболее близко находящийся к порту Штеттин, откуда осуществлялась их эвакуация. «Здесь пришлось встретиться с русскими военнопленными империалистической войны. Радостно встречали они нас, не менее рады были этому и мы. Они оказали нам товарищеский прием. Узнав, что мы с дороги, достали горячий ужин и чай. Они прибыли сюда также из разных лагерей Германии и направляются в Россию. Помнится трогательная картина встречи родных братьев в одном из барачков: один из бывших военнопленных империалистической войны, а второй из интернированных гражданской войны. Какова же была радость, когда они встретились!»⁸⁸

В Петроград бывших интернированных доставляли морем или железной дорогой через Финляндию. Кратковременное пребывание в Польше и Финляндии отличалось от Германии отношением со стороны местных властей и населения. Перевозка через польскую территорию осуществлялась без немецкого конвоя, и возвращающимся порекомендовали снять красноармейские звездочки, чтобы дополнительно не раздражать провожавших их ругательствами и проклятиями местных польских националистов. Финны, «боясь заразы», плотно закрыли их в вагонах, из окошек которых они видели сидящих «на опушках леса военнопленных немцев»: те ждали отправки в Германию на пароходе, на котором из Германии прибыли русские⁸⁹.

В своих наивных стихах один из красноармейцев отразил чувства, охватившие бывших интернированных, возвращавшихся теперь в Россию:

Долго ждали мы миру с Польшей
Наконец все таки дождались
А теперь мы сидим ожидаем
Когда нас в милый край повезут
Туда где солнце восходит
Где сияет ясна заря
Туда где кипит коммунарна работа
Где взошла уже красна звезда⁹⁰.

Так закончился для них «поход за Вислу» и «лагерное сидение» в Германии.

Примечания

¹ Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГАО. ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3 Д. 211. Л. 11.

State Archive of Arkhangelsk oblast. Department of Documents of Social and Political history (GAAO. ODSPI). F. 8660. Op. 3. D. 211. L. 11.

- ² ГААО. ОДПСИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 4об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 4v.
- ³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 121.
ГААО. ODSPI. F. 1. Op. 1. D. 96. L. 121.
- ⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 2617. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.
State Archive of Arkhangelsk oblast (GAAO). F. 2617. Op. 2. D. 7. L. 4.
- ⁵ ГА РФ. Ф. 5867. Оп. 1 Д. 3. Л. 64.
State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 5867. Op. 1. D. 3. L. 64.
- ⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2438. Л. 93–98, 113.
Russian State Military Archive (RGVA). F. 104. Op. 4. D. 2438. L. 93–98, 113.
- ⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 33.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 513. L. 33.
- ⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7, 7об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7, 7v.
- ⁹ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 49. Л. 9–10.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 49. L. 9–10.
- ¹⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7v.
- ¹¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 29об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882. L. 29v.
- ¹² Там же. Л. 40.
Ibidem. L. 40.
- ¹³ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917 – 1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 297–305; *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 304–309.
- ¹⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 30, 39об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882. L. 30, 39v.
- ¹⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 59. Л. 5.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 59. L. 5.
- ¹⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 4.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 4.
- ¹⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 547. Л. 17.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 547. L. 17.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 2418. Л. 88
RGVA. F. 104. Op. 4. D. 2418. L. 88.
- ¹⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7v.
- ²⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 18–19.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882. L. 18–19.
- ²¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591. Л. 3об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 591. L. 3v.
- ²² Там же. Л. 5, 5об.
Ibidem. L. 5, 5v.
- ²³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 5.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 5.
- ²⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591. Л. 5.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 591. L. 5.
- ²⁵ Там же. Л. 4.

- Ibidem. L. 4.
- ²⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7.
- ²⁷ Там же. Л. 5об.
Ibidem. L. 5v.
- ²⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 50.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882 L. 50.
- ²⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 591. Л. 5.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 591. L. 5.
- ³⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7.
- ³¹ Там же. Л. 7, 7об.
Ibidem. L. 7, 7v.
- ³² Там же. Л. 7.
Ibidem. L. 7.
- ³³ Там же.
Ibidem.
- ³⁴ ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 35.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 513. L. 35.
- ³⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 51.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882. L. 51.
- ³⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7об., 8об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7v., 8v.
- ³⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 51.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 882. L. 51.
- ³⁸ Там же. Л. 52.
Ibidem. L. 52.
- ³⁹ Там же. Л. 7.
Ibidem. L. 7.
- ⁴⁰ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7v.
- ⁴¹ Там же. Л. 7об., 8об., 9, 9об.
Ibidem. L. 7v., 8v., 9, 9v.
- ⁴² ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 16.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 199. L. 16.
- ⁴³ Там же. Л. 15.
Ibidem. L. 15.
- ⁴⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 7об.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 492. L. 7v.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7об., 8.
Ibidem. L. 7v., 8
- ⁴⁶ Там же. Л. 9об., 10.
Ibidem. L. 9 v., 10.
- ⁴⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 14–25.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 199. L. 14–25.
- ⁴⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 34, 38–39.
ГААО. ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 513. L. 34, 38–39.
- ⁴⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 9.

ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 9.
⁵⁰ Там же. Л. 8.
Ibidem. Л. 8.
⁵¹ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 52.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 882. Л. 52.
⁵² ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 40.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 40.
⁵³ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 8об.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 8v.
⁵⁴ *Гай Г.* В германском лагере: Жизнь и быт интернированной Красной армии в Германии в 1920 – 1921 гг. М., 1932. С. 10.
Gay G. V germanskom lagere: Zhizn i byt internirovannoy Krasnoy armii v Germanii v 1920 – 1921 gg. Moscow, 1932. P. 10.
⁵⁵ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 34.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 34.
⁵⁶ Там же. Л. 39.
Ibidem. Л. 39.
⁵⁷ Там же. Л. 36.
Ibidem. Л. 36.
⁵⁸ Там же. Л. 39.
Ibidem. Л. 39.
⁵⁹ Там же.
Ibidem.
⁶⁰ Там же. Л. 35.
Ibidem. Л. 35.
⁶¹ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 20.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 20.
⁶² Там же. Л. 16.
Ibidem. Л. 16.
⁶³ ГАРФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–7.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 64. L. 3–7.
⁶⁴ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. Л. 7.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. Л. 7.
⁶⁵ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 41.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 41.
⁶⁶ Там же. Л. 41, 42.
Ibidem. Л. 41, 42.
⁶⁷ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 49. L. 2.
⁶⁸ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 21.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 21.
⁶⁹ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. Л. 7об.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 476. Л. 7v.
⁷⁰ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 10. Л. 32.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 10. L. 32.
⁷¹ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 43.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 43.
⁷² ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 11.

ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 11.
⁷³ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 15. Л. 113.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 15. L. 113.
⁷⁴ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 11. L. 41.
⁷⁵ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 22. Л. 129.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 22. L. 129.
⁷⁶ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 6. Л. 262.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 6. L. 262.
⁷⁷ *Гай Г.* Указ. соч. С. 11.
Gay G. Op. cit. P. 11.
⁷⁸ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 17.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 17.
⁷⁹ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 38–39.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 38–39.
⁸⁰ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 23. Л. 1; Д. 10. Л. 156.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 23. L. 1; D. 10. L. 156.
⁸¹ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 25. L. 1.
⁸² ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 46.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 513. Л. 46.
⁸³ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 20.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 20.
⁸⁴ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 10, 10об., 11.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 10, 10 v., 11.
⁸⁵ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 15. Л. 116.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 15. L. 116.
⁸⁶ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 24.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 199. Л. 24.
⁸⁷ *Гай Г.* Указ. соч. С. 102–103.
Gay G. Op. cit. P. 102–103.
⁸⁸ ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 11.
ГАОО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 492. Л. 11.
⁸⁹ Там же.
Ibidem.
⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9488. Оп. 1. Д. 49. Л. 16.
GA RF. F. 9488. Op. 1. D. 49. L. 16.

**ПЕТРОГРАДСКИЕ ЖИЛТОВАРИЩЕСТВА
В НАЧАЛЕ 1920-х гг.:
ОРГАНИЗАЦИЯ, СОСТАВ И
«КЛАССОВАЯ ЛИНИЯ» ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ**

Новая экономическая политика вызвала к жизни новую форму управления гражданами жилым фондом – жилищные товарищества.

Во многих домах жители были готовы взять на себя заботу о своем жилье, даже если оно находилось в руках государства, которое предоставляло его им в пользование. Для этого Советское государство должно было обеспечить жильцам некоторые права в отношении жилья: не выселять без суда, дать возможность распоряжаться квартирой и жилой площадью в рамках аренды. Равно как и обеспечить хотя бы относительную неизменность установленного порядка в жилищной сфере.

Тема домового самоуправления в Советской России – одна из самых «забытых» в современной исторической науке. Тем интереснее и важнее ее изучение, особенно «в свете» нынешних проблем ЖКХ, вытекающих из социально-экономических реалий страны и часто приводящих к всплескам социальной напряженности.

**Государственное управление жилым фондом Петрограда:
Откомхоз, жилотделы, домкомбеды...**

Товарищества жильцов в Петрограде, созданные с 1921 г., могли опереться на опыт домовых комитетов 1917 г., которые успешно занимались обеспечением жильцов нормированными продуктами питания. После Февральской революции домовым комитетам в ходе реформы муниципального управления отводилась роль низших органов городского самоуправления, подчиненных районным думам.

Это развитие было прервано большевиками, которые вместо прежних домовых комитетов с сентября 1918 г. пытались насадить домовые комитеты бедноты из пролетариев, переселенных в дома буржуазии. Однако домкомбеды (в январе 1919 г. они были переименованы в домовые комитеты труда, домкомтруда, но в просторечье их продолжали называть «домкомбедами») не смогли взять в свои руки управление большими домовыми хозяйствами. И дело, видимо, было не просто в неумении членов этих домовых комитетов наладить работу по дому, сколько в политических и экономических условиях в стране. Ибо те же самые люди, которые входили в состав домкомбедов (и в условиях военного коммунизма предпринимали попытки сохранить от разрушения свои дома, организовать починку водопровода и уборку мусора), продолжали управлять домами в годы нэпа, но в новых условиях их работа приносила немалые результаты¹.

Считать домкомбеды периода военного коммунизма органами самоуправления населения домов, на наш взгляд, нельзя: они хоть и выбирались пролетарским населением, но находились в подчинении Отдела управления исполкома Петросовета, откуда получали указания. Главной целью их создания являлось не ведение хозяйства, а контроль за выполнением распоряжений Советской власти и наблюдение за жильцами с целью недопущения контрреволюционных собраний, укрывательства «белогвардейцев» и «шпионов», а также недопущение доставки мешочниками продовольствия².

Члены домовых комитетов, существовавших до прихода к власти большевиков, не были владельцами жилья: жители больших доходных домов, в которых и создавались домкомы, проживали в съемных квартирах. Члены жилтовариществ 1920-х гг. тем более не являлись владельцами жилья: крупная недвижимость в городах (стоимостью или доходностью выше предела, установленного местными Советами) была национализирована по декрету ВЦИК от 20 августа 1918 г.³ Тем показательнее их готовность и способность взять в свои руки хлопотные обязанности по содержанию недвижимости, не являющейся их собственностью и находящейся в сильно запущенном состоянии после семи лет бесхозной эксплуатации.

* * *

Жилой фонд городов РСФСР находился в собственности городских Советов, в структуре исполкомов которых существовал Коммунальный отдел. В состав каждого из них входил Подотдел недвижимых имуществ (его также называли Жилищным отделом, в просторечье – «жилотделом»).

В Петрограде действовал губернский Отдел коммунального хозяйства (Петрогуботкомхоз). Он являлся наследником Петроградской городской управы Петроградской городской думы, перенял большинство ее обязанностей. С января 1918 г. управа волилась в исполком Петросовета. После создания в марте Петроградской трудовой коммуны, а позже, в апреле, Союза коммун Северной области (СКСО), в городе вместо Петросовета был образован Совет комиссаров, в состав которого входил Комиссариат городского хозяйства (Комгорхоз). Возглавлял его М.И. Калинин. После упразднения комиссариатов в 1919 г. (при упразднении СКСО) и реорганизации их опять в отделы исполкома Петросовета Комгорхоз стал называться Советом коммунального хозяйства (Совкомхоз).

Коммунальные отделы, ведавшие коммунальным хозяйством, были созданы в структуре исполкомов Советов городов и губерний постановлением СНК от 8 апреля 1920 г. («Положение о Коммунальных отделах исполкомов»)⁴. В Петрограде Отдел коммунального хозяйства, называемый Советом, существовал до этого декрета. В октябре 1921 г. Совкомхоз был переименован в Отдел коммунального хозяйства – Петрогуботкомхоз (в делопроизводственных документах и в печати его часто называли, как и

в других городах, Коммунальным отделом), – но область его полномочий уже не менялась. С переходом к нэпу изменились принципы его работы, особенно в жилищной сфере.

Петрогуботкомхоз располагался в центре города, занимал половину квартала административных зданий: на площади Островского дом № 7 (за Александринским театром) и дальше по улице Зодчего Росси дом № 1/3. Эти два здания (по сути, одно) были построены архитектором Карлом Росси в 1830-х гг. для Министерства народного просвещения (ныне здесь располагаются Жилищный комитет, Комитет по инвестициям и стратегическим проектам, Комитет по градостроительству и архитектуре правительства Санкт-Петербурга). Кроме того, существовали пять районных Отделов коммунального хозяйства при исполкомах райсоветов (Василеостровский, Петроградский, Володарский, Выборгский, Московско-Нарвский) со своими жилотделами, подчиненные Откомхозу, жилотдел которого ведал недвижимостью и жилым фондом Центрального Городского района.

Подотделы недвижимых имуществ были созданы в структуре Коммунальных отделов в связи с национализацией жилого фонда городов и необходимостью управлять им. Таких обязанностей не было у городских дум. Подотдел недвижимых имуществ Петрогуботкомхоза был значительным по штатам: на август 1922 г. в нем состояло более 530 служащих⁵, но около половины из них приходилось на Арендную часть, которая сдавала в аренду торгово-промышленные и зрелищные помещения.

Поскольку решение жилищного вопроса играло большую роль в политике большевиков, Подотдел недвижимых имуществ занял важное место в системе городского управления.

Право на проживание в муниципальном жилом фонде регулировалось большевиками в соответствии с их теорией классовой борьбы и прочими идеями. С уничтожением частной собственности на жилую площадь исчезла возможность сдачи–найма по рыночным ценам. По крайней мере, официально исчезла. Но на практике такие отношения, вплоть до замаскированной продажи жилплощади, существовали все годы нэпа. С 1918 г. жилплощадь распределялась по ордерам Подотделов недвижимых имуществ (жилотделов) Коммунальных отделов, а также многочисленных чрезвычайных органов и междуведомственных комиссий при местных исполкомах. Нуждающимся в жилой площади признавались выходцы из эксплуатируемых неимущих классов и лица, состоящие на службе в партийных и советских органах.

Переселения пролетариата из «трущоб» в «барские квартиры» центра являлись основой жилищной политики большевиков. Эти переселения в Петрограде с 1918 г. затронули массу людей. По данным Откомхоза, для переселения в центр было выдано 15 тыс. ордеров, и к 1920 г. было переселено около 225 тыс. человек, то есть почти одна треть населения города на тот год⁶.

Подотдел недвижимых имуществ (жилотдел) был занят перераспределением жилой площади, а потому в полной мере выполнять обязанности по содержанию жилого фонда оказался не в состоянии. Дома ветшали без ремонтных работ, разрушались от небрежного отношения жильцов, деревянные постройки зимой разбирались на дрова.

Новая жилищная политика: от домкомбедов – к жилтовариществам

Декреты Совнаркома, изданные в 1921 г., были направлены на то, чтобы привлечь жителей домов к участию в восстановлении и ремонте своих домов, гарантируя им за это право проживания на занимаемой площади (к примеру, декрет от 23 мая «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ»⁷).

Декреты содержали лишь общие положения о новой экономической политике в сфере жилья. Исполкомы местных Советов должны были конкретизировать их, согласуясь с местными условиями и особенностями. Исполком Петроградского губернского Совета (Петрогубисполком) о преобразованиях в жилищной сфере издавал обязательные постановления.

21 декабря 1921 г. вышло обязательное постановление Петрогубисполкома «О реорганизации управления и порядка пользования недвижимыми имуществами в Петрограде»⁸. В нем говорилось, что ввиду снятия с госснабжения и перехода на принципы хозрасчета, Петрогуботкомхоз не имеет возможности содержать все дома и прочие здания Петрограда за свой счет. Поэтому «в домах с числом квартир более четырех, занятых частными жильцами, в двухнедельный срок с момента опубликования постановления, образуются жилищные товарищества, существующие на основе публикуемого нормального устава». Следующий пункт гласил: «Существующий аппарат домовых комитетов труда с момента образования жилтовариществ упраздняется»⁹. То есть жилтоварищества создавались взамен не оправдавших себя домкомтруда (домкомбедов).

Первый «нормальный» устав жилищных товариществ, подписанный за секретаря Петрогубисполкома С. Митрофановым и заведующим Откомхозом Н. Ивановым, был опубликован вскоре, 31 декабря 1921 г.¹⁰

Он предоставлял жилтовариществам такие права: принять дом в свое управление и хозяйственное заведование на основании договора с Петрогуботкомхозом; сдавать жилые помещения в аренду самостоятельно, получать с жильцов квартирную плату; заключать всякого рода имущественные договоры (ссуды, заемы); нанимать и увольнять служащих; заготавливать топливо; производить денежные раскладки между жильцами при отсутствии наличных средств на неотложные расходы (каждый раз для этого требовалось согласие общего собрания); выселять судебным порядком жильцов, нарушающих внутренний распорядок и наносящих ущерб дому; вступать в объединения с другими товариществами и возво-

дить новые постройки с разрешения органов коммунального хозяйства; самостоятельно устраивать ремонтные мастерские для своих нужд.

На жилтоварищества были возложены обязанности: выполнение ремонта дома и производство всего текущего ремонта; содержание дома в безупречном санитарном и гигиеническом состоянии; своевременное внесение всех государственных и коммунальных сборов и налогов; выполнение всех натуральных повинностей; соблюдение противопожарных мер. Товарищество также должно было иметь необходимый для обслуживания дома штат служащих и исполнять обязанности «заботливого и добросовестного домоуправления», в том числе обязанности, возлагаемые милицией. Товарищество пользовалось всеми правами юридического лица.

Итак, жилтоварищество имело довольно обширные права и обязанностью проводить какие-либо сделки купли–продажи с недвижимостью.

Дома передавались в хозяйственное пользование товариществам на началах безвозмездности, по особому договору с Петрогуботкомхозом, подписанному его представителем и одним членом товарищества по уполномочиванию общего собрания, что оговаривалось особо в пункте 5-м устава жилтовариществ. Вместо внесения арендной платы Откомхозу (около 20 % ее Откомхоз отчислял в бюджет города) члены жилтоварищества были обязаны проводить ремонт дома на свои средства.

Членом жилтоварищества мог стать каждый проживающий в доме, достигший 18-летнего возраста, не ограниченный по суду в своих гражданских и политических правах. Таким образом, «лишенцы» участвовать в управлении домами не могли. Классовый принцип членства в жилтовариществах был прописан уже в первом «нормальном» уставе, изданном Петрогубисполкомом.

Проживающим в доме в 1920-е гг. являлся каждый, записанный в домовую книгу, которая велась правлением жилтоварищества. Обычно этим занимался управдом. Домовая книга была важным документом по учету населения, на основании записей в ней подавались данные в органы внутренних дел (милицию). Сведения о всех прибывших и выбывших гражданах домоуправления должны были представить в «свое» отделение милиции в течении 24-х часов посредством «адресных листов». (Подобные обязанности по регистрации жильцов выполняли также домовладельцы до прихода к власти большевиков, включая обязанность сообщать о проживающих в полицейский участок). В домовую книгу вносилось немало сведений о жильце: возраст, профессия, место работы, социальное происхождение, членство в партии, состав его (ее) семьи, прежнее место жительства, но самое важное – с какого и по какое время он (она) проживал(а) в доме и, по возможности, куда выбыл(а) из дома.

Жилтовариществам одновременно с обязанностями по содержанию жилья было передано право распределения освобождающейся жилой площади в их домах (так было установлено в уставе). Результаты «жи-

лищного передела» 1918–1920 гг. при этом не подвергались пересмотру. В петроградских домах продолжала проживать большая часть их дореволюционных жильцов, «старожилов», которых не выселили большевики и которые не уехали сами.

Жилтоварищества создавались жильцами домов на общем собрании, регистрировались в Подотделе недвижимых имуществ (жилотделе) исполкома Совета своего района. После регистрации жилтовариществу по договору передавался в аренду дом на несколько лет, обычно – на 3 года.

Количество жилтовариществ в Петрограде росло очень быстро: на 1 января 1923 г. было зарегистрировано 5 526 жилтовариществ¹¹. В 1924 г. в городе насчитывалось 7 635 жилтовариществ, несших ответственность за три четверти жилого фонда¹². Так, на конец 1922 г. в Василеостровском районе существовали 566 жилтовариществ, а в Центральном Городском районе – 1 450¹³. Большая часть горожан проживала в домах жилтовариществ.

Дома, в которых не удалось создать жилтоварищества, оставались в ведении жилотделов и содержались за их счет, они назывались «коммунальными», то есть управляемые Отделом коммунального хозяйства (Коммунальным отделом). Для управления в такие дома жилотделами назначались коменданты. Число этих домов было невелико для масштабов Петрограда: в конце 1923 г. Откомхоз содержал 133 дома¹⁴. Их число постоянно менялось, так как дома сдавались в аренду, передавались от арендаторов обратно в жилотдел.

В первые годы нэпа в РСФСР проводилась также демунципализация жилых домов в городах, то есть возвращение их бывшим владельцам. Но она затрагивала небольшие строения: обычно это были деревянные дома, дворовые флигели. Списки домов для демунципализации составлялись Коммунальными отделами и утверждались исполкомами местных Советов (в Петрограде – Петрогубисполкомом). В Петрограде дома возвращались не в частную собственность, а отдавались в пожизненное владение. В 1923 г. вместо пожизненного владения (поскольку такой тип владения не был установлен Гражданским кодексом) дома стали сдавать в долгосрочную аренду, обычно на 12 лет¹⁵.

* * *

Документы некоторых жилтовариществ Петрограда (47 адресов) сохранились в фонде 7965 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). В основном это – протоколы заседаний правлений и общих собраний жильцов домов, а также некоторые акты (ревизий), договоры (об аренде домов, квартир), списки жильцов, разнообразные счета, ведомости квартирной платы. В фонде хранятся также домовые книги (3 290 единиц хранения), которые велись в годы нэпа в каждом доме. Нами были изучены документы, касающиеся семи жилтовариществ, рас-

положенных в разных частях города. Они были выбраны потому, что, на наш взгляд, положение дел в них отражает общую тенденцию в развитии самодеятельности граждан в управлении жильем, позволяет рассмотреть организацию и деятельность жилищной кооперации времен нэпа. Кроме того, возглавляемые группой инициативных и энергичных правленцев, они отличались наибольшей активностью в решении проблем «своего» дома.

Коллектив жильцов дома № 37 по 14-й линии Васильевского острова стал одним из первых, в котором заговорили о жилтовариществе. Произошло это на их общем собрании 21 декабря 1921 г.¹⁶ – в день публикации постановления Петрогубисполкома о жилтовариществах. Коллектив жильцов этого дома был также одним из самых активных: жильцы организовались в мае 1917 г., создав домовый комитет для отстаивания своих интересов перед домохозяином В.В. Кочешковым, а также для распределения нормированных продуктов и товаров среди жильцов, для охраны дома, что стало жизненно важным уже летом 1917 г.¹⁷

Первые выборы правлений жилтовариществ и «классовая линия» городских властей на их «орабочивание»

Жилтоварищества выбирали правления из трех человек и двух кандидатов, которые непосредственно руководили работой товарищества и были подотчетны общему собранию жильцов. Члены правления, занятые большую часть времени на предприятиях и в учреждениях, нанимали управляющего домом (управдома) – постоянного служащего, ответственного за содержание дома и выполнявшего указания правления. Одновременно с правлением жилтоварищества выбирали ревизионную комиссию из трех человек для проверки отчетности правления и наличных денежных средств товарищества.

По «нормальному» уставу, члены правления могли получать вознаграждение за свой труд, если так установит общее собрание. Но во всех жилтовариществах труд правления вознаграждался из домовых касс. Также и управдом как служащий жилтоварищества получал содержание по соглашению с правлением; обычно величина его соотносилась с профсоюзной ставкой дворника, которая с марта 1924 г. составляла 34 руб. 56 коп.¹⁸ Она была даже несколько выше средней зарплаты по городу: средняя зарплата в Ленинграде в апреле 1924 г. составляла 24 руб. 77 коп., а в сентябре – 32 руб. 57 коп.¹⁹

Правления жилтовариществ избирались на первом общем собрании жильцов дома, решивших организовать в жилтоварищество.

Жилтоварищество дома № 1/2 по Биржевому переулку (Василеостровский район) было образовано в августе 1922 г. на общем собрании, на котором присутствовала треть всех жильцов (в доме проживали более 200 человек). На первом общем собрании жильцов 7 августа были проведены выборы правления товарищества. Большинство голосов по-

лучила Л.Ф. Молчанова (52 голоса) – служащая, 39-ти лет, член РКП(б)²⁰. На первом заседании правления было решено постоянного управляющего не нанимать, а попросили Молчанову выполнять эти обязанности²¹. Такое совмещение не было редкостью в правлениях: оно позволяло экономить на зарплате управдома.

По уставу, правление жилтоварищества, а также ревизионная комиссия выбирались сроком на 1 год. По истечении срока полномочий они должны были отчитаться в своей деятельности перед общим собранием, которое выбирало новые составы правления и ревизионной комиссии.

Первоначально состав правлений не контролировался Откомхозом и районными жилотделами. Жилтоварищества организовывали наиболее активные жильцы, обычно это были более образованные граждане, проживавшие в доме уже давно, «старожилы», не желавшие мириться с творившейся в доме разрухой. В Откомхозе вынуждены были признать пассивность рабочего класса в этом новом важном деле: «К стыду рабочих надо отметить, что они и сами проявили полную индифферентность к своей судьбе, что особенно бросается в глаза не только при формировании первых ячеек жилищной кооперации, но и в том, как они отказывались от всякой кооперации, с легким сердцем вынося на общих собраниях постановление о своем согласии передать дом бывшему его собственнику в пожизненное владение, благодаря чему в первое же полугодие 1922 года рабочие посадили себе на шею до 2 100 таких хозяйчиков»²². Очевидно, большинству жильцов домов было безразлично, кому принадлежит их дом, о проведении «классовой линии» в жилищном хозяйстве они не заботились – лишь бы дом содержался в порядке. Брать на себя заботы по управлению домом рабочие желанием не горели.

Такую ситуацию большевики восприняли как угрозу: правления жилтовариществ оказались в руках «классовых врагов», «новых буржуев и бывших интеллигентов». Вопрос для партийно-советских властей города был принципиальный: фонд муниципального жилья должен обслуживать пролетарское население, а этого не добиться, раз домами управляют «непролетарские элементы». Их преобладание в правлениях могло уничтожить результаты предыдущих усилий властей по обеспечению жильем неимущего, трудящегося населения, ведь жилтоварищества имели право распределять жилплощадь в своих домах. Действительно, члены правления предпочитали селить в доме, во-первых, социально близких себе жильцов, а во-вторых – наиболее платежеспособных, поскольку квартплата в годы нэпа исчислялась по классовому принципу: рабочие платили меньше, а нэпманы, лица свободных профессий (врачи, адвокаты) платили по максимальным ставкам. Естественно, у первых правлений возникло стремление «вытеснить» из дома неплатежеспособных жильцов. По логике большевиков, взаимоотношения в жилтовариществах приобрели характер классовых противоречий (в реальной жизни отношения между жильцами были, разумеется, гораздо сложнее).

Руководство Откомхоза быстро осознало свою «недоработку»: дескать, утратили классовую бдительность, не уследили за составом правлений. Как признал в своем докладе, посвященном итогам работы в 1922 г., на сессии Петрогубисполкома заведующий Откомхозом Н.И. Иванов, в первые месяцы года «необходимость извлечь доход из арендных статей отодвинула на задний план руководство деятельностью жилищных товариществ». Только к концу года появилась «возможность к контролю над жилищными товариществами», когда обнаружилось «засилье буржуазных элементов» в правлениях²³.

Проводить «классовую линию» в жилтовариществах было совсем нелегко, ибо даже коммунисты не посещали общих собраний жильцов дома. Сетования по этому поводу звучали на заседании секции коммунального хозяйства Петросовета летом 1922 г.²⁴

Руководители коммунального хозяйства к середине 1922 г. осознали и другое: у них нет реальных рычагов для воздействия на состав правлений. В «нормальном» уставе было установлено только, что в районный жилотдел необходимо сообщить время и место общего собрания, а жилотдел мог командировать своего представителя для присутствия на нем. Чтобы решающим образом влиять на состав правлений – этого было недостаточно. Хотя в уставе и имелся запрет на участие в работе жилтовариществ «лишенцев», но у Советской власти оказалось гораздо больше врагов: теперь это были представители «новой» буржуазии и лица свободных профессий – обычно интеллигенция, особенно «вредный элемент». Подозрительными казались и лица без определенных занятий, которые официально нигде не работали. В общем, все эти элементы, по логике руководства Откомхоза, представляли опасность, и их необходимо было удалить из правлений.

Из Откомхоза тревога по поводу засилья непролетарских элементов в правлениях жилтовариществ и невозможности Sobлюсти «классовую линию» в жилищной сфере была передана выше, в руководящие органы партийной и советской власти города. Докладывая о положении в коммунальном хозяйстве на заседании Петросовета в июле 1922 г., заведующий Откомхозом Н.И. Иванов сказал, что в Подотделе недвижимых имуществ дела обстоят «не совсем ладно», поскольку «рабочие не принимают участия в выборах, в правлениях жилтовариществ заправляют интеллигенты и торговцы»²⁵.

Вопрос о реорганизации жилтовариществ поднимался, и не раз, на заседаниях бюро Петроградского губкома партии большевиков летом 1922 г. Выступавший на бюро губкома 24 августа 1922 г. Н.И. Иванов говорил о необходимости пересмотреть устав жилтовариществ с тем, чтобы усилить преимущества рабочих и уменьшить права буржуазии в правлениях. Было принято решение о создании комиссии в Откомхозе для пересмотра устава, проект его представить на утверждение бюро губкома²⁶.

* * *

Доработанный в Откомхозе и утвержденный бюро губкома партии, новый «нормальный» устав жилтоварищества был принят Петрогубисполкомом и опубликован 27 сентября 1922 г.²⁷ В устав было внесено важное дополнение: теперь жилищный отдел утверждал состав правлений и имел право, если состав правления его не устраивал или оно было выбрано общим собранием не в полном составе, ввести в правление до 1/3 состава по своему усмотрению из числа членов жилтоварищества. Чтобы в районном жилотделе знали о происходящем в жилтовариществах, они должны были посылать туда сообщения о созыве общих собраний (что было установлено и в первом «нормальном» уставе), а также отчеты о проведенных выборах с указанием состава правления. Отчеты о своей хозяйственной деятельности должны были посылать в жилотделы уже члены домовых комитетов бедноты (так было установлено инструкцией жилотдела домкомбедам, принятой в 1919 г.²⁸). Процедура предоставления отчета в жилотдел была хорошо знакома членам жилтовариществ, ибо многие из которых работали также в домкомбедах.

Итак, единственную возможность изменить ситуацию в сфере жилья партийное и советское руководство города видело в установлении бдительного надзора Откомхоза и жилотделов за жилтовариществами.

Одновременно на скорую руку был смонтирован и механизм воздействия на правления. При Откомхозе была создана Конфликтная комиссия, куда жильцы могли подавать жалобы на неправильно назначенную квартплату и другие притеснения. И она сразу же была завалена жалобами²⁹. Выселить жильца с жилплощади за злостную неуплату, за хищническое отношение к жилью возможно было только по решению суда. Народные суды, как и Конфликтная комиссия, стояли на страже интересов «рабочего человека» и принимали решения в его пользу.

Так с выходом нового «нормального» устава жилтоварищества Откомхоз и районные жилотделы получили возможность «прийти на помощь рабочему классу в борьбе с буржуазными правлениями домов»³⁰. Для ослабления их позиций в правлениях решено было приступить к планомерным перевыборам правлений.

Зимой 1922–1923 гг. была проведена кампания по «орабочиванию» правлений жилтовариществ: под руководством районных жилотделов переизбирали правления, чтобы ввести в их состав «трудящихся». Кампания по перевыборам правлений широко освещалась в городской прессе. «Красная газета» (орган Петроградского Совета) сообщала в конце 1922 г., что с 10 декабря начинаются перевыборы жилтовариществ, и в домах со смешанным населением предстоит борьба³¹.

Кампания по перевыборам была тщательно организована. План ее был разработан в Оргколлегии губкома партии совместно с ответственными руководителями Откомхоза. По этому плану, при Откомхозе была

создана Центральная «тройка» по перевыборам, которая руководила работой шести районных «троек». В состав каждой из районных «троек» входили представители от райисполкома, жилотдела и Губернского совета профсоюзов. Каждая «тройка» составляла план работы по району, очередность проведения выборов по жилтовариществам.

Для непосредственной работы на собраниях в жилтовариществах от райкомов РКП(б) были командированы 400 «партийных товарищей» – инструкторов³². Инструкторы от районов (уполномоченные) получали «наряды» на перевыборы, которые они должны были провести, и отправлялись по «своим» адресам. Протоколы о проведенных перевыборах инструкторы должны были послать в свою «тройку» по перевыборам, где они проверялись и утверждались. Только после этого правление считалось выбранным.

Инструкторов тщательно готовили. Прежде всего учили выступать на собраниях с речью о жилищной политике Советского государства, инструктируя по заранее разработанным тезисам. Однако инструкторов не хватало. Некоторые из них недобросовестно относились к своим обязанностям: не посещали назначенных общих собраний по перевыборам, уезжали в отпуск, не предоставляли в «тройку» протоколов о перевыборах, отказывались от новых «нарядов»³³.

Так или иначе, но первая общегородская кампания по перевыборам правлений жилтовариществ была проведена. Откомхоз мог отчитаться за кампанию 1922 г.: «В итоге пролетарские элементы при перевыборах оказались в количестве не менее 60–70 % общего количества переизбранных членов правлений»³⁴. Перевыборы правлений зимы 1922–1923 гг., таким образом, прошли, согласно официальным отчетам, успешно в смысле «орабочивания»³⁵.

И в 1924 г. партийно-советские власти Петрограда (Ленинграда) по-прежнему считали, что должны «прийти на помощь» рабочему классу в борьбе с буржуазными правлениями домов, и намеревались решительно удалять «нетрудовой элемент» из правлений³⁶. Постановлением Оргколлегии губкома от 25 января перевыборы правлений жилтовариществ были назначены с 15 февраля 1924 г.³⁷

Ежегодные перевыборы правлений жилтовариществ сопровождалась в Петрограде, равно как и по всей стране, громкой газетной кампанией. «Только рабочим и коммунарам место в домоуправлениях», – провозглашала «Красная газета» в феврале 1924 г.³⁸

В петроградской и центральной прессе раздавались постоянные обвинения «старых» правленцев жилтовариществ во всех грехах: в нерадивом отношении к дому, в непроведении ремонта, в притеснении «пролетарского элемента», в неправильных раскладках квартплаты, в стремлении вытеснить рабочих в худшие помещения (сырые подвалы, на задние темные дворы), а то и просто – в растратах и хищениях домовых средств³⁹. Часто печатались сообщения о тяжком положении рабочих в

домах с нэпмановским правлением, которое будто бы притесняло рабочих неправильными раскладками квартплаты, что представлялось читателям как «сплошной вопль о прижиге пролетарского элемента»⁴⁰. Тут же приводились противоположные положительные примеры: дескать, как хорошо правления из рабочих заботятся о домах, проводят ремонт и берут на себя дополнительные заботы и расходы, в частности устраивают на местах свалок скверы и детские площадки⁴¹. Такие сообщения должны были убедить самих рабочих, что они являются лучшими хозяевами своих домов.

Особенно активно в этой кампании выступал журнал «Жилищное дело», издававшийся в Петрограде (Ленинграде) с 1924 г. Он являлся органом Петроградского Жилищного союза (или Союза жилищных товариществ) – общественной организации, призванной объединить жилтоварищества и помогать им консультациями, денежными ссудами, продажей стройматериалов. Создан он был в 1922 г. группой членов правлений жилтовариществ с целью добровольного объединения жилтовариществ, то есть инициатива образования такого союза шла действительно снизу. Но в Откомхозе было решено, что объединение жильцов необходимо взять в свои руки, поставить Жилсоюз под контроль, сделать его проводником «классово-правильной» жилищной политики. Что и было сделано вскоре. Откомхоз отчитывался перед Петрогубисполкомом в июне 1922 г.: «В настоящее время Петроградский Союз жилищных товариществ сформирован, находится под наблюдением и руководством Откомхоза, который делегировал представителя в правление»⁴².

В дальнейшем Жилсоюз развил свою деятельность. В частности, он снабжал жилтоварищества строительными материалами и предоставлял им кредиты на строительство. Правда, дешевизна этих кредитов и материалов ставилась под вопрос в печати того времени. Вступление жилтовариществ в Жилсоюз и покупка ими здесь стройматериалов приветствовались также как победа над частным рынком строительных товаров. По данным на начало 1925 г., в членах Жилсоюза состояло 44 % всех жилтовариществ Ленинграда, причем, процент их в «буржуазном» Центральном Городском районе был наиболее высоким – 56 %, а в рабочем Володарском районе был низок – 33 %⁴³. Как видно, в Центральном районе члены жилтовариществ проявляли большую активность, чем в рабочих.

Отчетные данные о достигнутой «орабоченности» правлений успокаивали и городские советские власти, и стоящий над ними губком партии большевиков. В 1923 г. они сочли, что нет необходимости переизбирать все правления поголовно, ибо большинство из них уже было «орабочено».

Перед началом кампании по перевыборам в феврале 1924 г. районным «тройкам» по перевыборам была разослана инструкция от председателя Центральной «тройки» Зайцева. Она гласила: при перевыборах «разделить правления на 2 группы: I – показали себя не хозяйственными, II – показали себя хозяйственными. По I группе – необходимо посылать инспекторов на перевыборы. По II группе – посылать инспекторов, только если нужно на

предмет поднятия авторитетности рабочего населения дома. Направляемых на перевыборы товарищей строго инструктируйте»⁴⁴. Из этой инструкции можно заключить, что у руководителей перевыборов появилось понимание того, что важен не только «правильный» состав правлений, но необходимо также, чтобы эти правления были работоспособными, успешно вели домовое хозяйство. А этого добиться было гораздо труднее. Из инструкции следовало, что районные жилищные отделы должны были назначать и проводить перевыборы тех правлений, которые обратили на себя внимание своей бесхозяйственностью или отсутствием всякой деятельности.

Об этом же сообщалось в «Красной газете»: с 15 февраля 1924 г. начинаются перевыборы домоуправлений, но проводятся они не во всех жилтовариществах, а только там, где обнаружены бесхозяйственность и злоупотребления. Население призывалось подавать в районные «тройки» при жилотделах жалобы на непорядки в своих домах⁴⁵.

Перевыборы правлений жилтовариществ с целью их «орабочивания» продолжали оставаться важными для петроградских (ленинградских) властей весь период существования жилтовариществ, до 1925 г., когда жилтоварищества были переведены на «устав Жакта». 19 августа 1924 г. был издан декрет ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации», который содержал устав жилищно-арендных кооперативных товариществ (Жактов)⁴⁶. Устав предусматривал большие преимущества для Жактов: они провозглашались свободными от контроля со стороны жилотделов, больше не подчинялись им. Дома кооперативные товарищества получали теперь в аренду за плату, как и все арендаторы, при этом по-прежнему должны были проводить ремонт в своем доме и нести другие обязанности домовладельца. Жилтоварищества не спешили переходить на новый устав, поэтому городскими властями Ленинграда в 1925 г. была организована новая кампания – по переводу жилтовариществ на кооперативный устав. Переход на него всех жилтовариществ должен был совершиться до 15 декабря 1925 г.⁴⁷ Так жилтоварищества Ленинграда были директивно реорганизованы в Жакты.

**«Орабочивание» правлений:
«защитники пролетариата» против
«бывших царских жандармов»**

Наиболее полно запротоколировали свои перевыборы члены жилтоварищества дома № 66 по Невскому проспекту. В этом огромном пятиэтажном доме у Аничкова моста (4 флигеля, 40 больших квартир, имевших в среднем по 6 комнат) проживало в 1922 г. 222 человека. Из них – только 14 рабочих, а еще 57 служащих, 13 торговцев, 20 лиц свободных профессий, 9 кустарей, 37 безработных, 7 красноармейцев, 44 ребенка⁴⁸. Жилтоварищество существовало с августа 1922 г. Председа-

телем его правления был З.З. Махлин, 36-ти лет, заведующий магазином «Универсал»⁴⁹.

Жилтоварищество заключило с жилотделом Центрального района договор на аренду дома на 3 года, занималось решением вопросов о передаче квартир и дровяных сараев жильцам, а также ремонтом: откачали воду из подвала, аккуратно платили по счетам за электричество и воду, за страхование дома. Расходы дома не превышали доходы.

В декабре 1922 г. были проведены перевыборы правления, в его состав большинством голосов были выбраны Махлин, Соколов и Кадетов. Однако Кадетов был выведен из состава правления, поскольку его обвинили в том, что он имеет прислугу (то есть использовал наемный труд, поэтому, согласно «нормальному» уставу, не имел права быть членом правления жилтоварищества). Видимо, опять прошли перевыборы (документов об этом не найдено), председателем правления стал Колобов, который в декабре 1922 г. произвел с новым правлением осмотр дома и принял его от старого правления «в целом в удовлетворительном состоянии», требовавшем мелкого ремонта⁵⁰.

Но 3 марта 1923 г. состоялось общее собрание по перевыборам правления жилтоварищества в присутствии представителя Откомхоза Гитиной – инструктора из числа назначенных райкомом для проведения перевыборов «партийных товарищей»⁵¹. Эти перевыборы проводились по инициативе самих жильцов дома: в Откомхоз пришло заявление, подписанное 44-мя жильцами, с протестом против избрания некоторых членов правления. В прениях на общем собрании жильцов (присутствовало 65 человек) выяснилось, что инициатором протеста был Бертановский. В своем выступлении он заявил: «Среди партийных работников нет места таким членам правления, как тт. Соколову и Федотову, которые сеют национальную рознь и не дают работать партийному тов. Колобову». Обвиненные стали защищаться, утверждая, что антисемитской агитации не вели, являются честными тружениками, относятся ко всему беспристрастно. Федотов в свое оправдание говорил, что он прибыл в дом недавно, жильцов по национальностям не знает, а сам он «выносил все трудности дома как бывший председатель домкомбеда». Но Бертановский не уступал: «Есть подтверждения от граждан дома, что Соколов и Федотов проявляли деятельность против лиц иудейского вероисповедания». По ходу прений от участников собрания поступило предложение передать вопрос об антисемитизме в «специальные органы ГПУ». Собравшиеся стали обвинять также председателя Колобова в том, что он прикрывает остальных членов правления – Соколова и Федотова. Теперь Колобов сам должен был оправдываться: «Во время исполнения служебных обязанностей я не замечал антисемитских выступлений, а что касается их частной жизни, то я не знаю»⁵².

Представлявшая Откомхоз инструктор Гитина повела речь о присланном в Откомхоз заявлении жителей дома: дескать, в нем сообщалось о

том, что на прошлом собрании неправильно были проведены перевыборы, об «умышленном подсчете голосов т. Соколовым», а также об участии в собрании лиц духовного сана, «ведущих антисемитскую пропаганду до начала собрания». Стали зачитывать подписи под заявлением и проверять их. При этом выяснилось, что заявление протеста подписали лица, «не имеющие права голоса в виду прежней службы городскими при старом режиме». Этим воспользовался Кадетов, выведенный ранее из правления жилотделом: он выразил протест против неправильного удаления его «в виду указания на меня, будто бы я имею прислугу». Слово взял Ревзин (в конце 1924 г. он станет председателем правления). Он обрушился с гневной речью на авторов заявления: «Недопустимо писать красивые фразы и громкие слова. Заявление подписали бывшие царские жандармы. Разве они являются защитниками пролетариата?» Соколов, почувствовав поддержку, стал оправдываться, что подсчет голосов после него проверял и подтвердил другой член правления. Далее Соколов сообщил: «Я не царский чиновник, как высказался т. Бертановский, а был произведен в чиновники военного времени в августе 1917 г., и как сочувствующий большевистскому течению разжалован, после чего я с фронта бежал»⁵³.

Инструктор Гитина была, видимо, не готова к дискуссии насчет «антисемитской пропаганды» и чинопроизводства при «старом режиме». Однако на инструктаже твердо усвоила, что конфликты в жилтовариществах происходят от классовых противоречий. Заявив, что на собрании было мало сказано для освещения действительного положения дел в правлении, она произнесла речь о классовой жилищной политике. Ее речь старательно запротоколировал секретарь собрания: «За пять лет буржуазия хочет войти, куда только может, она входит в жилтоварищества и другие учреждения. Рабочие и служащие восстанавливают дома от разрушения, а нэпманы только разрушают. И это только потому, что в жилтоварищества проникла рука контрреволюции». Далее она говорила, что нэпманы должны быть «изъяты» трудящимися и следственными органами, которые и выявят всех недостойных. Закончила она свое выступление так: «Хочу видеть и выяснить, с кем идут граждане дома, прошу договориться окончательно: оставить старое правление или избрать новое, куда предлагаю ввести авангард трудящихся и РКП(б)? Объявляю, что при желании можно оставить и старое правление, надо проголосовать»⁵⁴.

Речь ее представляла набор общих фраз – «политически грамотных», но не имеющих прямого отношения к происходящему в жилтовариществе. Ее не интересовали реальные проблемы жильцов этого дома (похоже, она просто не разбиралась в этих проблемах), суть их конфликта. В меру своих способностей и «проинструктированности», она решала порученную ей задачу: провести партийную, «классовую линию».

Слово опять взял Ревзин, который предложил назначить перевыборы ввиду неправильного ведения прошлого собрания представителем жилотдела, а настоящее собрание, дескать, ведется спокойно и деловито. Далее

он сказал: «Считаю действия гр. Бертановского контрреволюционными. Приходил ко мне на квартиру перед собранием, вел агитацию, имел при себе готовый список в правление, указывал, что Кадетова избирать нельзя, так как картежник и мошенник»⁵⁵.

Наконец представлявшая Откомхоза инструктор Гитина поставила на голосование вопрос: переизбрать правление или нет? За старое правление был подан 21 голос, за переизбрание – 26 голосов. Было избрано новое правление: А.Г. Колобов (председатель правления; член партии, смотритель железнодорожной станции); Мелькер (заместитель председателя; безработный, беспартийный); Рейнгольд (член партии). В ревизионную комиссию избрали Ревзина, члена партии, и двух беспартийных⁵⁶. Так, после бурной дискуссии и резких взаимных обвинений (ставших, судя по всему, продолжением давних конфликтов на бытовой почве), участники собрания смогли прийти к общему решению.

* * *

В январе 1924 г. на общем собрании жильцов этого же дома – № 66 по Невскому проспекту – правление отчиталось о своей работе, а ревизионная комиссия доложила, что суммы отчетов правления сходятся. Отчет был одобрен, членам правления вынесена благодарность. На этом собрании от ревизионной комиссии прозвучала критика в адрес председателя Колобова: «часто отсутствует, не посещает собрания, недавно отсутствовал 2,5 месяца, не известив товарищей, хозяйственности не проявляет»⁵⁷. Вскоре пришлось провести довыборы в правление, так как Колобов выбыл из дома, уехал в Москву (предположительно, по работе). Довыбраны в правление были Махлин и Городецкий⁵⁸.

В начале апреля 1924 г. опять состоялось общее собрание жильцов (66 человек присутствующих) при участии инструктора-представителя Откомхоза, который заявил, что дом их считается «бесхозяйственным», поэтому должны быть проведены перевыборы. Как оказалось, старое правление не передавало протоколы в Откомхоз, и там не знали, что делается в их доме. Инструктор опять зачитал доклад о «классовой линии», о жилищной политике Советской власти, о защите интересов рабочего класса. В прениях председатель Рейнгольд пытался выяснить у него, на каких основаниях назначены перевыборы, имеет ли право Откомхоз назначать перевыборы без общего собрания, просил показать необходимые документы. На это представлявший Откомхоз инструктор уверенно заявил, что перевыборы назначены Откомхозом, поэтому являются законными⁵⁹.

В ходе кампаний по перевыборам Откомхоз взял себе право назначать перевыборы правлений, а с 1924 г., согласно инструкции, разработанной в секретариате Центральной «тройки» по перевыборам, особое внимание стали обращать на те правления, которые не докладывали о своей хозяй-

ственной деятельности и ее результатах. В категорию таких «бесхозяйственных» и попало жилтоварищество дома 66 по Невскому проспекту.

Перевыборы были проведены, большинством голосов были опять выбраны Городецкий, Махлин и Рейнгольд⁶⁰. То есть на состав правления присутствие представителя Откомхоза не повлияло.

Столь пристальное внимание жилотдела к этому дому и активное участие его представителей в собраниях по перевыборам во многом, видимо, объясняется его расположением в центре города, на виду у руководства коммунального хозяйства. В Центральном Городском районе, который продолжал оставаться «районом буржуазии», и «трудовых элементов» в нем проживало немного, Откомхоз считал своим долгом более пристально наблюдать за составом правлений жилтовариществ. Перевыборы в этом жилтовариществе назначались Откомхозом, хотя большинство членов правления и являлось коммунистами. При этом, несмотря на расположение этого дома «в шаговой доступности», в Откомхозе не имели достоверной информации о состоянии дел в жилтовариществе.

Получалось, перевыборы в жилтовариществе проводились, но в плане проведения «классовой линии» проходили они формально: больших изменений в составе правления не происходило. А главное, перевыборы эти нисколько не способствовали решению хозяйственных проблем дома.

Итоги «орабочивания» правлений: отчеты Откомхоза и действительность

Бурные собрания по перевыборам имели место не во всех жилтовариществах. И положенное участие в них инструкторов, представлявших жилотделы, сохранившиеся протоколы часто не подтверждают.

Присутствие инструктора-представителя жилотдела Василеостровского района на общем собрании документально подтверждается по жилтовариществу дома № 37 по 14-й линии в апреле 1925 г. Но он не вмешивался в ход выборов. Позже жилотдел прислал жилтовариществу уведомление, что его правление утверждено⁶¹.

Похожим образом произошли изменения в составе правления в жилтовариществе дома № 4 по Тучковой набережной (Васильевский остров). Это жилтоварищество было образовано в августе 1922 г. После двух перевыборов председателем правления в марте 1923 г. стал В.А. Кауше, работавший техником на Волховстрое⁶². Финансовое положение жилтоварищества в 1923 г. было затрудненным, однако правление рачительно вело дело, не допускало излишних трат, и в домовой кассе всегда оставались небольшие средства.

На общем собрании жильцов 28 декабря 1923 г. Кауше сообщил, что им подано в правление заявление о сложении с себя полномочий с будущего года, а также направлено заявление в жилищный отдел о назначении в доме перевыборов правления⁶³. Перевыборы состоялись в мае 1924 г., на

общем собрании присутствовало 30 жильцов из 70-ти. В правление были выбраны Яковлев, Вьюсов, Кауше, Регистер и Евстрахин⁶⁴.

Но на следующем общем собрании Кауше сообщил членам жилтоварищества, что жилотдел «отвел» Яковлева, поэтому необходимо довыбрать одного человека в правление. Собрание единогласно выбрало в члены правления того же Яковлева, при одном воздержавшемся⁶⁵. Члены жилтоварищества не побоялись пойти наперекор решению жилотдела и настояли на своем мнении, поскольку считали его правильным.

Обязанности председателя правления жилтоварищества дома № 4 по Тучковой набережной продолжал выполнять В.А. Кауше. В ноябре 1924 г. он опять подал заявление об уходе с должности. И председателем правления на общем собрании выбрали именно Яковлева⁶⁶.

* * *

В мае 1923 г. руководившая правлением жилтоварищества дома 1/2 по Биржевому переулку Л.Ф. Молчанова подала заявление об освобождении ее от исполнения обязанностей управдома. Вместо нее на этой должности правлением был утвержден В.С. Иванов, прежде – член ревизионной комиссии⁶⁷. Но с обязанностями он не справился: уже в сентябре 1923 г. ревизия выявила недостачу денег в кассе, а также неоплаченные счета за воду. Иванов признал свои просчеты, обещал внести деньги, согласился сдать дела Молчановой и был смещен. Однако в 1924 г. Иванов опять был приглашен исполнять эти обязанности, был утвержден управдомом (в жилтовариществе по-прежнему совмещались обязанности председателя правления и управдома), а Молчановой правление решило выдать награду в 10 руб. за добросовестное исполнение ею обязанностей и по болезни⁶⁸.

* * *

Членами правлений жилтовариществ нередко становились те же самые жильцы, которые организовывали домовые комитеты в 1917 г., руководили домкомбедами с 1918 г.

Так, в доме № 37 по 14-й линии Васильевского острова (57 квартир, на конец 1917 г. в нем проживали 328 человек) первые выборы домового комитета состоялись на общем собрании 4 сентября 1917 г. Были выбраны в комитет семь человек, среди них от «комнатных» жильцов – Я. Лосиков, который уже 29 октября того же года стал председателем домового комитета. Лосиков работал конторщиком, ему было 29 лет, у него была жена и сын, в доме он проживал два с половиной года⁶⁹. В сентябре 1918 г. вместо домового комитета необходимо было избрать домовой комитет бедноты. И 11 сентября общее собрание жильцов постановило: «Председателя домового комитета Я. Лосикова как служащего и незаменимого работника

в комитете в должности утвердить»⁷⁰. Лосиков продолжал исполнять обязанности председателя, был снова перевыбран в марте 1919 г. На этом же собрании в члены комитета была выбрана Е.Г. Крадецкая, счетовод. Она участвовала в работе домового комитета уже в сентябре 1917 г., в члены комитета не выбиралась, но предложила свои услуги по перепечатке документов комитета на пишущей машинке, что было с благодарностью принято⁷¹.

В сентябре 1919 г. общее собрание в составе 19-ти человек (в доме тогда осталось около 200 жильцов) должно было переизбрать состав комитета, так как прежние члены его были мобилизованы в армию, а двое отказались от исполнения своих обязанностей. Е.Г. Крадецкую выбрали председателем домового комитета бедноты. Она долго возглавляла комитет, была переизбрана в сентябре 1920 г. (тогда она уже работала машинисткой)⁷².

Именно она на собрании жильцов дома (присутствовало 47 человек) 21 декабря 1921 г., в день выхода постановления Петрогубисполкома о жилтовариществах, сделала доклад о новой форме управления домом и тогда же была снова выбрана председателем правления. Весь 1922 г. Крадецкая работала в правлении, в декабре отчиталась о работе перед общим собранием, ее снова избрали председателем. В апреле 1923 г. она подала заявление о выходе из правления по состоянию здоровья. Его удовлетворили⁷³. Крадецкая стояла во главе дома более трех лет. Немногие председатели выдерживали так долго.

Состав правления, особенно лица, занимавшие должность его председателя, менялись чаще в связи с отказами членов выполнять эти функции, чем при перевыборах с участием инструктора-представителя жилотдела. Заявления об отказе от должности подавались часто во всех правлениях. За должность председателя не держались, несмотря на вознаграждение. Ведь председатель правления должен был тратить много времени и сил на решение проблем дома, работа его предполагала опыт ведения большого хозяйства или достаточный уровень образования, чтобы усвоить необходимые знания и навыки. При этом требовалось обладание крепкими нервами и тактом, чтобы общаться и с органами городской власти, и с жильцами, часто предъявлявшими свои претензии в резкой форме.

* * *

В городской печати, в отчетах Откомхоза при подведении итогов кампаний по перевыборам в жилтовариществах каждый год рапортовалось, что перевыборы прошли успешно в смысле «орабочивания» правлений. Но «в служебном пользовании» под «рабочими» подразумевались отнюдь не

труженики от станка. Вероятно, Откомхозу все же было хорошо известно, что обычно это были служащие.

Скажем, «орабоченное» правление жилтоварищества дома № 66 по Невскому проспекту в марте 1923 г. выглядело так: «Председатель – Колобов А.Г. – служащий, рабочий-техник до революции, в настоящее время – смотритель железнодорожной станции, член РКП(б); секретарь – Мельцер – безработный, беспартийный, до революции – рабочий; член правления Рейнгольд – рабочий, инспектор Откомхоза, член РКП(б). Ревизионная комиссия: Ревзин М.С. – рабочий, член РКП(б), Бортович – служащий, до революции – электромонтер, Кумович – безработный, беспартийный»⁷⁴. Уже в этом отчете, предназначенном для жилотдела, социальное положение указано не без «натяжки», а то и не без бюрократического лукавства: инспектора Откомхоза никак нельзя считать рабочим. Лукавство отчета становится еще очевиднее при сравнении его со сведениями, записанными о жильцах этого дома в домовой книге. Так, М.С. Ревзин в ней значится «начальником штаба снабжения частей особого назначения Петроградского военного округа»⁷⁵. Разумеется, снабженец такой «высокой полета» был для жилтоварищества куда важнее, а главное – полезнее, десятка потомственных рабочих.

Для Откомхоза, судя по всему, было вполне достаточно того, что избранные в правления жилтовариществ служили в государственных учреждениях: как «своих» их вполне можно было причислить к «трудо-вому элементу». Похоже, там намеренно смешивали социальное происхождение и положение, а членство в РКП(б) стало лучшей рекомендацией для выбранного в правление. Причины этого очевидны: и начальство, и простые служащие районных жилотделов и самого Откомхоза быстро осознали, что рабочие, по своему образованию и опыту, просто не готовы действительно управлять домами, особенно когда это касалось крупных домохозяйств центра города с их сложной инфраструктурой. Партийные директивы – директивами, а жизнь – жизнью.

И действительно: самые большие проблемы с ведением хозяйства возникали именно у успешно «орабоченного» правления дома № 66 по Невскому проспекту, находившегося под бдительным присмотром Откомхоза. Правление два раза брало кредит в банке для проведения ремонта, оба раза не смогло его вернуть. Кроме того, дом отключали от электричества и воды, поскольку правление не оплачивало счета⁷⁶.

В правлениях жилтовариществ, со своей стороны, поняли, какие требования к составу правлений предъявляет партийное начальство и руководство органов коммунального хозяйства, и старались предоставить в жилотдел «нужные» сведения, приукрашая свои отчеты, если было необходимо и возможно. Поэтому служащие становились рабочими – по

своему происхождению или членству в «рабочей» РКП(б). Члены жилтовариществ, стремясь избежать излишнего внимания и вмешательства в их дела со стороны жилотдела, быстро освоили правила советской бюрократической «игры», тогда еще относительно новые и быстро «дорабатывавшиеся».

Уже в ходе первой кампании по перевыборам правлений зимой 1922–1923 г. Откомхозу, как сообщалось в «Красной газете», почти не пришлось прибегать к крайней мере – назначению своих представителей в правления. Так, из 5 013-ти переизбранных правлений жилотделами не были утверждены только 136. Из них жилотделами были выведены 558 человек, а введены в них – 370 (из общего числа членов переизбранных правлений – 17 100⁷⁷). Эти цифры свидетельствуют: вмешательство жилотделов в ход выборов правлений жилтовариществ и пересмотр их результатов не носили массового характера, являлись скорее исключением, чем правилом.

По официальным отчетам и победным рапортам в печати, в результате кампании по перевыборам 1924 г. во всех 7 631-м жилом товариществе Ленинграда в правления были выбраны 56,6 % рабочих, 35,8 % служащих и 6,8 % лиц свободных профессий, учащихся, безработных⁷⁸. Но судя по выявленным нами документам, первые две цифры можно вполне поменять местами. И служащие районных жилотделов, как и служащие Откомхоза, если не знали наверняка, то догадывались о реальном положении дел. И с точки зрения состояния вверенного им коммунального хозяйства города такое положение дел не могло их не устраивать.

В такой ситуации под видом рабочих и служащих участвовать в управлении домом мог каждый, поступивший на работу. Порой и бывшие домовладельцы управляли «своими» домами, переквалифицировавшись в советского служащего. А жильцы, зная об этом, ничего не имели против: лишь бы все ремонтировалось вовремя, горел свет, из кранов лилась вода, а в подвале лежали закупленные на зиму дрова.

В феврале 1925 г. в Откомхозе стало точно известно, что председателем правления дома № 57 по Воронежской улице оказался бывший владелец дома Артамонов, ставший к тому времени служащим Северной железной дороги. Он также выполнял обязанности управдома и казначея, получал за это жалование 12 руб. и занимал в доме самую благоустроенную квартиру, в которой жил и до 1917 г. В доме проживали в основном кустари, только четыре семьи рабочих и один коммунист. Председатель правления добросовестно выполнял свои обязанности: ремонтные работы в доме велись, они обсуждались на заседаниях правления, но заключал договоры о ремонте, расплачивался – сам председатель, остальные члены правления не принимали в этом участия. Единственное, что можно было поставить в

вину бывшему домовладельцу – это то, что он слишком благожелательно относился к кустарям, снижая им плату за квартиры против установленной для них нормы. Понятно, что тем самым он старался привлечь кустарей в свой дом: платили они все же больше, чем рабочие. Потому и повышалась «доходность» дома. Но в Откомхозе не могли не посчитать гораздо более опасным то, что управление дома оказалось сосредоточено в руках бывшего домовладельца – человека, безусловно, грамотного, обладавшего влиянием на жильцов, взаимоотношения с которыми были похожи на те, что при «старом режиме» существовали между квартирантами доходного дома и его домовладельцем⁷⁹. Дальнейшая судьба бывшего домовладельца нами пока не выяснена, но мало приходится сомневаться в том, что Откомхоз удалил его из правления.

* * *

Таким образом, вынужденно допустив к управлению муниципальным жилым фондом жилищные товарищества, партийно-советская власть Петрограда (Ленинграда) не могла однозначно решить, с какой степенью строгости нужно осуществлять контроль над ними и какую свободу им можно предоставить. Откомхоз, исполняя партийные директивы, должен был проводить «классовую линию» в жилтовариществах, сделать сами жилтоварищества проводниками политики партии прежде всего путем регулирования социально-политического состава выборных правлений. Но вмешательство в процедуру выборов и три кампании по перевыборам правлений имели слабый результат с точки зрения «классовой линии»: перевыборы проходили формально, в правления выбирались те же самые люди, согласные на эту работу и имеющие опыт хозяйственной деятельности.

Так руководство коммунального хозяйства Петрограда (Ленинграда) натолкнулось на противоречие между идеологическими установками, поступавшими сверху, требовавшими участия в управлении домами преимущественно рабочих, и хозяйственной необходимостью, заставлявшей не мешать управленцам, способным вести домовое хозяйство, делать их крайне трудное, но очень нужное дело.

Правления жилтовариществ, со своей стороны, быстро осваивая советские правила и стиль общения с органами коммунального хозяйства, выстраивали свои взаимоотношения с жилищными отделами таким образом, чтобы не привлекать к себе особого их внимания и не навлечь на себя их недовольство, и тем самым избежать лишнего вмешательства в свою работу, и без того хлопотную.

Примечания

- ¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 4, 122; Д. 93. Л. 13, 48, 107.
Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb.). F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 4, 122; D. 93. L. 13, 48, 107.
- ² ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 103, 168.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 103, 168.
- ³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1918. № 62. Ст. 677.
Sobranie uzakoneniĭ i rasporyazheniy Rabocheho i Krestyanskogo pravitelstva (SU RSFSR). 1918. No. 62. Col. 677.
- ⁴ СУ РСФСР. 1920. № 26. Ст. 131.
SU RSFSR. 1920. No. 26. Col. 131.
- ⁵ ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 25. Л. 83.
TsGA SPb. F. 3183. Op. 1. D. 25. L. 83.
- ⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД). Ф. 16. Оп. 3. Д. 4622. Л. 5об., 6.
Central State Archive of Historical and Political Documents (TsGA IPD). F. 16. Op. 3. D. 4622. L. 5v., 6.
- ⁷ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 253.
SU RSFSR. 1921. No. 49. Col. 253.
- ⁸ Вестник Петросовета (Петроград). 1921. 21 дек.
Vestnik Petrosoveta (Petrograd). 1921. Dec. 21.
- ⁹ Там же.
Ibidem.
- ¹⁰ Вестник Петросовета. 1921. 31 дек.
Vestnik Petrosoveta. 1921. Dec. 31.
- ¹¹ Петрогуботкомхоз в 1922 г.: Отчетные данные. Пг., 1923. С. 81.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g.: Otchetnye dannye. Petrograd, 1923. P. 81.
- ¹² *Филитов Н.* Союз жилищных товариществ и его задачи // Жилищное дело (Петроград). 1924. № 1. С. 12.
Filippov N. Soyuz zhilishchnykh tovarishchestv i ego zadachi // Zhilishchnoe delo (Petrograd). 1924. No. 1. P. 12.
- ¹³ Петрогуботкомхоз в 1922 г. С. 344.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g. P. 344.
- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 3185. Оп. 1. Д. 2093. Л. 133.
TsGA SPb. F. 3185. Op. 1. D. 2093. L. 133.
- ¹⁵ Красная газета (Ленинград). 1924. 22 апр. (Вечерн. вып.)
Krasnaya gazeta (Leningrad). 1924. Apr. 22. (Vechern. vyp.)
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 93. Л. 19.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 93. L. 19.
- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 1, 2, 7, 11.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 1, 2, 7, 11.
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 3. L. 3.
- ¹⁹ *Евдокимов Е.* Работа Ленсовета (доклад на пленуме Ленсовета 15.12.24) // Хозяйство Северо-Западного края (Ленинград). 1924. № 9(3). С. 11.

- Евдокимов Е.* Rabota Lensoveta (doklad na plenumе Lensoveta 15.12.24) // Khozyaystvo Severo-Zapadnogo kraya (Leningrad). 1924. No. 9(3). P. 11.
- ²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 1. Л. 20.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 1. L. 20.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 92. Л. 123; Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 5, 119.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 1. D. 92. L. 123; Op. 3. D. 1. L. 1, 5, 119.
- ²² Ленинградский Губоткомхоз в 1923 г.: Отчетные данные. Л., 1926. С. 81.
Leningradskiy Gubotkomkhoz v 1923 g.: Otchetnye dannye. Leningrad, 1926. P. 81.
- ²³ ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.
TsGA SPb. F. 3183. Op. 1. D. 33. L. 8.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 31. Л. 7об.
TsGA SPb. F. 3183. Op. 1. D. 31. L. 7v.
- ²⁵ Красная газета (Петроград). 1922. 11 июля.
Krasnaya gazeta (Petrograd). 1922. July 11.
- ²⁶ ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 486. Л. 201.
TsGA IPD. F. 16. Op. 1. D. 486. L. 201.
- ²⁷ Вестник Петросовета. 1922. 27 сент.
Vestnik Petrosoveta. 1922. Sept. 27.
- ²⁸ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 116об.
TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 116v.
- ²⁹ Петрогуботкомхоз в 1922 г. С. 80; *Кузнецов Е.* Эволюция законодательства о квартирной плате // Вопросы коммунального хозяйства (Ленинград). 1924. № 1. С. 37.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g. P. 80; *Kuznetsov E.* Yevolyutsiya zakonodatelstva o kvartirnoy plate // Voprosy kommunalnogo khozyaystva (Leningrad). 1924. No. 1. P. 37.
- ³⁰ ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 31. Л. 7об.
TsGA SPb. F. 3183. Op. 1. D. 31. L. 7v.
- ³¹ Красная газета. 1922. 9 дек.
Krasnaya gazeta. 1922. Dec. 9.
- ³² Петрогуботкомхоз в 1922 г. С. 81–82.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g. P. 81–82.
- ³³ ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 336. Л. 2, 3, 4, 6.
TsGA SPb. F. 3201. Op. 1. D. 336. L. 2, 3, 4, 6.
- ³⁴ Петрогуботкомхоз в 1922 г. С. 82.
Petrogubotkomkhoz v 1922 g. P. 82.
- ³⁵ Красная газета. 1923. 21 янв.
Krasnaya gazeta. 1923. Jan. 21.
- ³⁶ Ко всем жилищным товариществам и нашим читателям // Жилищное дело. 1924. № 1. С. 2.
Ko vsem zhilishchnym tovarishchestvam i nashim chitatel'yam // Zhilishchnoe delo. 1924. No. 1. P. 2.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 6. Л. 67.
TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 6. L. 67.
- ³⁸ Красная газета. 1924. 20 февр.
Krasnaya gazeta. 1924. Febr. 20.
- ³⁹ Как работают бывшие домовладельцы // Жилищное дело. 1924. № 6-7. С. 52.
Kak rabotayut byvschie domovladel'tsy // Zhilishchnoe delo. 1924. No. 6-7. P. 52.
- ⁴⁰ *Шейнис Д.* К вопросу о жилищных товариществах // Коммунальный работник (Москва). 1923. № 1. С. 26.

Sheynis D. К вопросу о zhilishchnykh tovarishchestvakh // Kommunalnyy rabotnik (Moscow). 1923. No. 1. P. 26.

⁴¹ Создали свой сад // Жилищное дело. 1924. № 2. С. 26–27; Красная газета. 1924. 15 февр.

Sozdali svoy sad // Zhilishchnoe delo. 1924. No. 2. P. 26–27; Krasnaya gazeta. 1924. Febr. 15.

⁴² ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 31. Л. 4об, 5.

TsGA SPb. F. 3183. Op. 1. D. 31. L. 4v., 5.

⁴³ ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 565. Л. 86–87.

TsGA IPD. F. 16. Op. 1. D. 565. L. 86–87.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 31. Д. 6. Л. 67, 67об.

TsGA SPb. F. 3178. Op. 31. D. 6. L. 67, 67v.

⁴⁵ Красная газета. 1924. 7 февр. (Вечерн. вып.)

Krasnaya gazeta. 1924. Febr. 7. (Vechern. vup.)

⁴⁶ Собрание законов СССР (СЗ СССР). 1924. № 5. Ст. 60.

Sobranie zakonov SSSR (SZ SSSR). 1924. No. 5. Col. 60.

⁴⁷ Справочник коммунального работника: 1924. М., 1924. С. 71.

Spravochnik kommunalnogo rabotnika: 1924. Moscow, 1924. P. 71.

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 125. Л. 6.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 125. L. 6.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 124. Л. 1.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 124. L. 1.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 124. Л. 7об.; Д. 125. Л. 1, 3об.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 124. L. 7v.; D. 125. L. 1, 3v.

⁵¹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 125. Л. 3.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 125. L. 3.

⁵² Там же.

Ibidem.

⁵³ Там же. Л. 3–3об., 4.

Ibidem. L. 3–3v., 4.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

Ibidem. L. 4.

⁵⁵ Там же. Л. 4об.

Ibidem. L. 4v.

⁵⁶ Там же. Л. 5.

Ibidem. L. 5.

⁵⁷ Там же. Л. 31, 31об.

Ibidem. L. 31, 31v.

⁵⁸ Там же. Л. 32.

Ibidem. L. 32.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

Ibidem. L. 3.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 128. Л. 3.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 128. L. 3.

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 93. Л. 173, 178.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 93. L. 173, 178.

⁶² ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 204. Л. 13, 59.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 204. L. 13, 59.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 203. Л. 5об.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 203. L. 5v.

⁶⁴ Там же. Л. 9.

Ibidem. L. 9.

⁶⁵ Там же. Л. 9, 10.

Ibidem. L. 9, 10.

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 204. Л. 7.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 204. L. 7.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 1. Л. 41, 43.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 1. L. 41, 43.

⁶⁸ Там же. Л. 55, 62, 64.

Ibidem. L. 55, 62, 64.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 4, 40, 74.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 4, 40, 74.

⁷⁰ Там же. Л. 102.

Ibidem. L. 102.

⁷¹ Там же. Л. 12об., 122.

Ibidem. L. 12v., 122.

⁷² ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 135; Д. 93. Л. 13.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 92. L. 135; TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 93. L. 13.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 93. Л. 19, 20, 48, 80, 109.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 93. L. 19, 20, 48, 80, 109.

⁷⁴ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 125. Л. 6об.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 125. L. 6v.

⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 1. Д. 1937. Л. 167об.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 1. D. 1937. L. 167v.

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 127. Л. 43; ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 128. Л. 11.

TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 127. L. 43; TsGA SPb. F. 7965. Op. 3. D. 128. L. 11.

⁷⁷ Красная газета. 1923. 21 янв.; Петрогуботкомхоз в 1922 г. С. 344.

Krasnaya gazeta. 1923. Jan. 21; Petrogubotkomkhov v 1922 g. P. 344.

⁷⁸ Хроника мест: Жилищное дело: Ленинград // Коммунальное дело (Москва). 1924.

№ 6. С. 66.

Khronika mest: Zhilishchnoe delo: Leningrad // Kommunalnoe delo (Moscow). 1924.

No. 6. P. 66.

⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 40. Л. 182–182об.

TsGA SPb. F. 3201. Op. 2. D. 40. L. 182–182v.

НОВАЯ РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

16 апреля 2013 г. в рамках научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» в Москве, в Институте гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), состоялся Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Наряду с ИГУМОиИТ и проектом «Народ и власть» его организаторами выступили информационно-аналитический журнал «Союз», Российский государственный гуманитарный университет и журнал «Новый исторический вестник».

Круглый стол был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Сама эта ситуация рассматривалась в общем контексте евразийской и мировой истории. Для обсуждения его участникам были предложены восемь проблем:

Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;

Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;

Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;

«Русский мир» и постсоветские государства;

Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;

Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;

Китайский фактор на постсоветском пространстве

Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.

На круглом столе состоялась оживленная дискуссия. В ней приняли участие более 20-ти специалистов, представлявших научные журналы, научно-исследовательские организации, вузы и другие официальные учреждения России, Беларуси, США. Среди них были: доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Российской

академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ Ольга Дмитриевна Абрамова; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, главный редактор альманаха «Историческое обозрение» и журнала «Научные труды Московского гуманитарного университета» Сергей Викторович Алексеев; кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия ИГУМОиИТ Наталья Юрьевна Булешова; доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН Олег Григорьевич Буховец; кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИГУМОиИТ Сергей Павлович Гришаев; кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, заведующая Отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ Александра Викторовна Докучаева; кандидат исторических наук, профессор, руководитель Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ Наталья Викторовна Елисеева; кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Станислав Михайлович Иванов; кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Игорь Михайлович Кузнецов; доктор политических наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики Факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Ольга Георгиевна Леонова; кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского федерального университета Дмитрий Иванович Люкшин; кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ Павел Петрович Марченя; кандидат исторических наук, преподаватель кафедры москвоведения РГГУ Владислав Валерьевич Машко; доктор политических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности РАНХиГС Александр Николаевич Михайленко; доктор политических наук, действительный член Академии геополитических проблем, заместитель главного редактора журнала «Обозреватель—Observer» Владимир Борисович Павленко; кандидат исторических наук, профессор Всероссийской академии внешней торговли, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН Сергей Викторович Патрушев; кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра российско-американских отношений Института США и Канады РАН Павел Терентьевич Подлесный; кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН Николай Владимирович Работяжев; доцент кафедры общественных наук ИГУМОи-

ИТ Сергей Юрьевич Разин; эксперт по внешней политике Политического отдела посольства США в России Брайан Смит (Brian Smith); кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана Факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики Андрей Иванович Суздальцев; научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор философии Европейского университета в Ганновере Дмитрий Викторович Суржик; доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки МГУ Жибек Сапарбековна Сыздыкова; доктор исторических наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХиГС Сергей Викторович Фокин; доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН Владимир Георгиевич Хорос; доктор исторических наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России Андрей Владимирович Чертищев.

В настоящей публикации представлен сокращенный и отредактированный вариант дискуссии на заседании круглого стола.

* * *

С.Ю. Разин. Уважаемые участники Международного круглого стола, прежде всего позвольте пояснить, как и почему возникла идея его проведения.

Занимаясь в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» изучением системных кризисов русской истории, мы пришли к выводу: понять их, не переосмыслив феномен Империи, нельзя. Мы рассматриваем этот феномен в категориях цивилизации, культуры и геополитики. И исходим из того, что СССР был империей. Ее распад, явившийся этапом системного кризиса нашего общества, и привел к возникновению геополитического феномена, который именуется ныне «постсоветским пространством».

Ядром Советского Союза была Российская Федерация. Она же является ядром постсоветского пространства. Аналогичная ситуация имела место после того как в 1917 г. в результате свержения царизма произошел распад Российской империи. Своеобразным ядром постимперского пространства тогда являлась РСФСР. Судьба постимперского пространства зависела от исхода Гражданской войны и военной интервенции иностранных держав на территории РСФСР. Они, как известно, завершились утверждением у власти большевиков, взявших курс на создание СССР. За неполные два десятка лет в его состав вошли практически все территории бывшей Российской империи, за исключением Польши и Финляндии. По сути дела, произошло возрождение Империи в новой форме. СССР стал геополитическим и цивилизационным преемником Российской империи. И неслучайно некоторые исследователи называют российскую смуту начала XX в. «механизмом смерти–регенерации Империи».

На наш взгляд, существуют определенные общие черты протекания системных кризисов российской истории начала и конца XX в. Рассуждая таким образом, мы пришли к выводу о том, что вот в таком контексте был бы полезным и интересным разговор и о судьбе постсоветского пространства. Так родилась идея проведения круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

Актуальность этой темы обусловлена и кризисом Европейского Союза, и тем, что в последние годы в экспертном сообществе, в связи с кризисом национального государства, объективно усилился интерес к феномену Империи, и тем, что сейчас усилиями многих политиков, политологов, публицистов, в том числе и с подачи президента В.В. Путина, сформулировавшего в известной статье идею создания Евразийского Экономического Союза, предпринимается попытка вдохнуть новую жизнь в процесс интеграции на постсоветском пространстве.

Хотелось бы, чтобы в ходе нашей дискуссии мы сосредоточили внимание на следующих вопросах: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства? нужна ли современной российской политической элите реальная интеграция постсоветского пространства? нужна ли эта интеграция политическим элитам и народам бывших республик СССР? каковы цели и задачи наших геополитических оппонентов на постсоветском пространстве? как влияет глобальный кризис на интеграционные процессы на постсоветском пространстве?

С.В. Фокин. 29 мая 2009 г. наша кафедра совместно с Академией геополитических проблем и Фондом содействия обеспечению национальных интересов Отчизны провела научно-практическую конференцию «Проблемы, перспективы и пути обеспечения национальной безопасности России в условиях глобального кризиса». В моем выступлении на конференции, «Восстановление геополитического пространства страны в контексте стратегии национальной безопасности», были приведены примеры того, как, казалось бы, исчезнувшие раз и навсегда с политической карты мира империи могут через какое-то время быть восстановлены в обновленном, модифицированном виде. Один из приведенных мною примеров касался Священной Римской империи германской нации. На мой взгляд, в XX в. произошло трансформационное восстановление ее геополитического пространства в виде интеграционного сообщества европейских государств – ЕС.

Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в ходе наполеоновских войн начала XIX в. В 1806 г. император Франц II отрекся от престола. Но уже в 1808 г. философ И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» призвал немецкий народ к моральному возрождению и объединению. Его дело продолжил в 1812 г. поэт и историк Э.М. Арндт. Он назвал немецкий народ сердцем Европы. По мнению Арндта, историческое предназначение немецкого народа состоит в том, чтобы стать воспитателем всей Европы. Таким образом, не прошло и

семи лет после краха империи, как идея ее восстановления была востребована немецким социумом. Но только через 100 лет эта идея нашла свое воплощение в книгах Й. Парча («Срединная Европа»), Ф. Наумана («Срединная Европа») и К. Каутского («Средняя Европа»). Эти авторы считали, что в состав «Срединной Европы» должны войти не только территории бывшей империи, но и ряд прилегающих территорий. По сути, концепция «Срединной Европы» и была реализована в конце XX в. Маастрихтским договором о создании ЕС.

Если рассматривать отечественные геополитические проекты – такие как проект Петра Великого «Европа + Россия», «Греческий проект» Екатерины II и большевистский проект мировой революции, – то надо сказать, что неудача их была связана с тем, что в борьбе за место в Европе, в соревновании за роль в концерте великих держав Россия очень многое потеряла. Об этом убедительно писал в труде «Наше положение» А.Е. Вандам. По его мнению, в области геостратегии Российская империя допустила много ошибок. Ее участие в войнах за освобождение Европы и ошибочное понимание равновесия сил привели державу к нежелательным последствиям. Россия упустила время, и многое потеряла из-за несоответствия своей геостратегии национальным интересам страны.

В 1911 г. вышла книга «Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны», в которой А.Н. Куропаткин сформулировал геополитические задачи, стоявшие перед Россией в XX в.: выйти к Средиземному морю и Индийскому океану, а также укрепить позиции на Тихом океане. В 1915 г. вышла еще одна его книга «Военная мощь России. Предсказания генерал-адъютанта Куропаткина и критика их графом Витте». В ней он пришел к выводу, что вследствие высокой боевой готовности соседней соотношение сил России и ее вероятных противников складывается не в пользу первой, а потому будет очень трудно не только выполнить вышеуказанные геополитические задачи, но и удержать уже занимаемую территорию.

Опасения, высказанные тогда Куропаткиным, сбылись в конце XX в., когда в результате распада СССР население страны уменьшилось более чем на 100 млн человек, а ее территория сократилась на 5,1 тыс. кв. км. Сегодня гражданами России и ближнего зарубежья настоятельно востребован мощный геополитический проект, способный, подобно «Срединной Европе», овладеть массами с помощью средств массовой информации (которые пока в основном заняты развлечением, а точнее отвлечением социума от сложных социально-экономических и политических проблем). Четкая и ясная концептуальная программа по образованию нового евразийского межгосударственного объединения со своей столицей, парламентом и другими институтами управления, естественно, потребует длительного периода времени для ее созревания в сознании народов РФ и близлежащих государств. Возникновение нового субъекта мирового сообщества в виде Евразийского союза вполне возможно и реально. Так

же реально, как и произошедшее восстановление геопространства Священной Римской империи германской нации в виде ЕС. Если говорить об интеграции на постсоветском пространстве, то следует напомнить, что идею создания ЕАС еще в начале 1990-х гг. выдвинул президент Казахстана Н. Назарбаев. Он считал, что СНГ не соответствует требованиям времени. По его мнению, базисом ЕАС должно было стать единое экономическое пространство. Он предложил создать наднациональные органы ЕАС. При этом он отмечал, что должен быть целиком и полностью сохранен политический суверенитет государств-членов ЕАС. Столицей ЕАС, с точки зрения руководителя Казахстана, могла бы стать Астана.

3 октября 2011 г. в газете «Известия» была опубликована статья В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». В этой статье он отметил, что Западной Европе потребовалось 40 лет для того, чтобы пройти путь от «Европейского объединения угля и стали» к полноценному Европейскому Союзу, но интеграционный процесс на постсоветском пространстве может занять гораздо меньше времени. Он убежден, что создание ЕАС – это тот путь, который позволит всем, кто по нему идет, занять достойное место в формирующейся новой системе международных отношений.

Надо сказать, что наши геополитические конкуренты не испытывают особой радости по поводу идеи создания ЕАС. В первую очередь, это относится к США. Бывший госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что ее страна сделает все, чтобы помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции. В ответ на это президенты России, Беларуси и Казахстана поручили правительствам принять в мае 2013 г. план по созданию ЕАЭС и представить к маю 2014 г. проект договора о его создании, чтобы к 1 января 2015 г. этот процесс был завершен.

С.П. Гришаев. Опыт ЕС оказался не очень удачным. Это при том что там есть общие ценности, общие идеи. А на какой основе, на ваш взгляд, может строиться интеграция России с другими постсоветскими государствами?

С.В. Фокин. Почему вы считаете, что опыт ЕС – это неудачный опыт?

С.П. Гришаев. Потому что сейчас ЕС переживает глубокий кризис.

С.В. Фокин. У меня другая точка зрения. Опыт ЕС – это, на мой взгляд, очень удачный опыт.

С.Ю. Разин. Почему вы считаете опыт ЕС удачным?

С.В. Фокин. Потому что там произошло объединение ресурсов, свободное перемещение рабочей силы, устанавливается стабильность и демократия. Все у ЕС идет нормально и, думаю, что не надо так уж беспокоиться за его судьбу.

А.И. Суздальцев. В российском экспертном сообществе есть два подхода к анализу опыта ЕС. Сторонники одной точки зрения считают, что это опыт неудачный. Эти эксперты заявляют, что в ходе евроинтеграции

были допущены ошибки, схожие с теми, которые были в свое время сделаны советской политической элитой в ходе национально-государственного строительства в СССР. По их мнению, одной из таких ошибок является создание наднационального центра, который отбирает все больше суверенитета у национальных государств, входящих в ЕС. Есть вторая, позитивистская точка зрения, сторонники которой считают, что, несмотря на все проблемы, ЕС развивается, и нам есть чему поучиться у него.

С.Ю. Разин. Вы [С.В. Фокину] сказали, что ЕС – это новое издание Священной Римской империи германской нации...

С.В. Фокин. Это трансформационное восстановление геополитического пространства бывшей Священной Римской империи германской нации. Если вы возьмете карту ЕС и наложите на карту Священной Римской империи, то увидите, что их границы почти совпадают. ЕС – это экономическое и политическое объединение европейских государств региональной интеграции. Генератором его развития является Германия – самое мощное, на сегодняшний день, европейское континентальное государство.

А.В. Докучаева. Сегодня по каналу “Euronews” был показан сюжет, в котором говорилось о том, что в Германии собирается съезд сторонников восстановления немецкой марки. Вам не кажется, что за подобного рода движениями, выступающими за дезинтеграцию ЕС, стоят США?

С.В. Фокин. Нет, не кажется. Но, тем не менее, понятно, что ни одно государство не желает иметь крупного и сильного конкурента. Это аксиома экономики и геополитики.

П.Т. Подлесный. Здесь много уже сказано о ЕС. Хочу обратить внимание на то, что ЕС помирил немцев с французами и поляками. Необходимость решения этой задачи была одной из причин создания ЕС. Хотя, конечно, были и другие, прежде всего экономические, причины создания этой организации.

С.Ю. Разин. По этому поводу хочу отметить, что некоторые эксперты называют ЕС «Четвертым рейхом». Помирил ли ЕС немцев с французами и поляками, насколько России выгодно доминирование Германии в континентальной Европе – это два больших вопроса.

А.В. Докучаева. Я хотела бы остановиться на вопросе о судьбе русского языка на постсоветском пространстве. Говоря об интеграции, нельзя не сказать о русском языке, который является связующим звеном, ресурсом и инструментом интеграции постсоветских стран.

Надо сказать, что существуют разные взгляды на судьбу русского языка на постсоветском пространстве. Например, националисты разного толка сходятся в том, что не нужно проводить никаких специальных мероприятий по пропаганде и распространению русского языка. Казахские националисты стремятся к полному выдавливанию русских и русского языка из Казахстана. Украинские националисты всячески выступают против довольно умеренного Закона «Об основах государственной языковой политики», который дает русскому языку лишь статус регионального

языка. Правда, этот статус он получает во всех регионах, где носители русского языка составляют более 10 % населения. Надо понимать, что, за исключением может быть самых западных областей, вся Украина будет иметь русский язык как региональный. Необходимо отметить, что русские националисты-изоляционисты также не хотят распространения русского языка за пределами России. В частности, они выступают категорически против того, чтобы русский язык распространялся в государствах Центральной Азии.

Мы, сотрудники Института стран СНГ, выступаем против такого подхода. На наш взгляд, от того каков будет статус русского языка в постсоветских государствах, во многом будет зависеть, чем станет ближе зарубежье для России – поясом дружбы, добрососедства, взаимовыгодного экономического сотрудничества или полосой конфронтации. От решения этого вопроса во многом зависят место и роль самих бывших республик СССР в современном мире.

Анализируя ситуацию, которая сложилась вокруг русского языка на постсоветском пространстве, можно сказать, что языковая политика бывших союзных республик остается политически ангажированной и зависит как от внутривнутриполитических установок, так и от их внешнеполитической ориентации. То положение, в котором сегодня оказался русский язык, является следствием политики, проводимой этнократическими режимами постсоветских государств и во многом базирующейся на антирусских мифах и стереотипах. Тем не менее, русский язык и через 20 лет после распада СССР остается языком межнационального и межгосударственного общения на постсоветском пространстве. Он является преобладающим языком пользователей Интернета в постсоветских странах.

Сохранение русского языка в постсоветских странах напрямую зависит от численности проживающих там носителей языка, от роста потребности в его знании у трудовых мигрантов, которые приезжают или хотят приехать на работу в Россию. Это положение хорошо иллюстрируется результатами исследования положения русского языка на постсоветском пространстве, проведенного в 2007 г. Фондом «Евразия».

В данном контексте, я думаю, надо внимательно посмотреть на то, как реализуется Федеральная государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников в Россию. В этом году начался второй этап реализации этой программы. В ней расширены возможности для адаптации тех, кто приедет в Россию. Но не целесообразно ли было бы в целях сохранения нашего потенциала за рубежом не агитировать всех за переезд в Россию, а рассмотреть вопрос о предоставлении права на второе гражданство нашим соотечественникам, которые остаются в странах своего проживания? Сейчас об этом прямо говорят многие соотечественники, которые пользуются данной программой, чтобы получить российское гражданство по упрощенной схеме. Так, казахи приезжают в Омск, получают статус участника программы, получают российское

гражданство и возвращаются к себе в Казахстан, потому что не так-то просто обустроиться в России. Во многом это происходит потому, что условия бизнеса в Казахстане в организационном и в законодательном планах проще, чем в России.

К.Ф. Затулин, будучи депутатом Государственной думы, выдвигал законодательные инициативы по этому вопросу, но они были отклонены. Сейчас в Думе находятся несколько аналогичных законопроектов. Однако Администрация президента и ФМС категорически противодействует реализации этих инициатив. Я думаю, что это – недальновидная политика, от которой необходимо отказаться. Здесь, как мне кажется, важна позиция экспертного сообщества, которое должно играть более активную роль в решении вопроса, имеющего большое значение для геополитических интересов России.

Необходимо также сказать о том, что учебные заведения постсоветских стран не дают полноценного знания русского языка. Сокращается количество часов, выделяемых на его изучение. Резко падает грамотность носителей и пользователей языка. В общем, система обучения русскому языку нуждается в серьезном совершенствовании. Кроме того, в самой России есть очень серьезные проблемы с изучением русского языка. Действующая сейчас четвертая Федеральная целевая программа «Русский язык» (на 2011–2015 гг.) отличается от предыдущих тем, что в ней совершенно ничего не сказано о необходимости развития русского языка как национального языка русского народа. В результате деньги на развитие русского языка и русской филологии в последние годы просто не выделялись. Понятно, что такой подход не способствует развитию русского языка и его распространению на постсоветском пространстве, хотя необходимость решения этой задачи записана во всех наших программных документах по вопросам внутренней и внешней политики.

Судьбы русского языка на постсоветском пространстве, в первую очередь, зависят от судьбы России и русского народа. Если Россия станет центром притяжения постсоветских государств, то русский язык будет востребован не только их русским населением, но и всеми, кто хочет жить, работать и учиться в России, кому интересна русская культура и дороги связи с нашей страной.

Н.Ю. Булешова. Вы говорили о предложении, которое сейчас рассматривается, по введению второго гражданства для наших соотечественников, проживающих в постсоветских государствах...

А.В. Докучаева. К сожалению, оно не рассматривается. Оно отложено «в долгий ящик», и на него уже имеется отрицательное заключение правительства.

Н.Ю. Булешова. Я задала это вопрос потому, что, насколько я знаю, в бывших союзных республиках существует конституционное требование одного гражданства. То есть, даже если наша власть примет решение о предоставлении второго гражданства нашим соотечественни-

кам, живущим в этих странах, вряд ли с этим решением будут считаться тамошние власти и вряд ли это облегчит положение русского населения в этих государствах. Поэтому, может быть, и не имеет сейчас смысла предоставлять нашим соотечественникам право на получение второго – российского – гражданства?

А.В. Докучаева. Я говорю сейчас о том, что должна сделать Россия. Конституция РФ допускает наличие у граждан России двойного гражданства. Мне кажется, что наша власть, пытаясь решить задачи, стоящие перед страной, к сожалению, все время на кого-то оглядывается. Я считаю, что она должна дать возможность нашим соотечественникам, проживающим в странах ближнего зарубежья, получить второе российское гражданство. Для многих из них это будет серьезное подспорье. Я допускаю, что после этого шага наши соседи, опасаясь того, что они лишатся остатков квалифицированного русского населения, изменят свое отношение к этим людям, и поймут, что они не «пятая колонна», а нормальные граждане, воспринимающие эти страны как часть своей некогда большой и единой Родины. Может быть, эта российская инициатива, если она обретет силу закона, приведет к тому, что интеграционные процессы будут идти реально, а не только на бумаге, и что реально будет улучшаться положение русских в постсоветских государствах.

В.Б. Павленко. Русский язык – это инструмент российского геополитического влияния. Вы посмотрите, каким мощным фактором является русский язык в антироссийски настроенных республиках Прибалтики. Нам надо использовать это в полной мере. У вас прозвучала негативная характеристика казахских и украинских националистов. А что вы можете сказать о позиции русских националистов по вопросу о судьбе русского языка на постсоветском пространстве?

А.В. Докучаева. Русские националисты – разные. Я говорила о русских националистах-изоляционистах, которые выступают с лозунгами отделения Кавказа от России и рассуждают о необходимости возведения своеобразного «железного занавеса» между Россией и Центральной Азией, мигранты из которой оказывают негативное влияние на наш внутренний рынок труда. У меня недавно на одном из каналов телевидения состоялась дискуссия с К. Крыловым. Он категорически выступает против распространения русского языка среди узбеков, таджиков и т.д. Господин Крылов считает, что нам незачем учить русскому языку тех, кто здесь в России будут отбирать рабочие места у русских. Я, в свою очередь, считаю, что при разумном подходе мигранты из Центральной Азии не должны отбирать у коренного населения рабочие места, а должны использоваться там, где нужен труд, не требующий высокой квалификации. К тому же, если мы сделаем так, что к нам будут приезжать мигранты, знающие русский язык, знакомые с русской культурой, это приведет к снижению остроты межнациональных отношений и к смягчению криминогенной ситуации в стране.

Нашему государству необходимо думать о том, чтобы россияне имели преимущество на нашем внутреннем рынке труда по сравнению с мигрантами, что необходимо восстанавливать разрушенную за последние 20 лет систему профессионального образования. То есть при решении проблем, связанных с миграцией из постсоветских государств, необходим комплексный подход, а не шараханье из крайности в крайность под давлением сиюминутной конъюнктуры.

Я считаю, что нам не нужно закрываться от узбеков, таджиков, а уж тем более от киргизов. Киргизы – это вообще наш народ. Ч. Айтматов приобщил киргизский народ к великой русской культуре. Он сам стал частью русской культуры и он «облучил» русской культурой весь киргизский народ. В свое время интеллигенция всех бывших советских республик Средней Азии была «облучена» русской культурой. У меня есть один знакомый – чистый узбек. Он работает врачом. Он говорит про себя: «Я – советский националист». Он уехал из Ташкента потому, что, по его словам, в Москве все-таки осталась частица СССР, частица «Большой России». Он говорит, что не может и не хочет жить в том обществе, в котором произошла реставрация архаического, патриархально-кланового прошлого. Я, будучи русским человеком, наверное, тоже отношусь к «советским националистам».

А.И. Суздальцев. Не кажется ли вам, что вопрос о предоставлении нашим соотечественникам, живущим в постсоветских государствах, права на получение второго, российского, гражданства решить в ближайшем будущем не удастся? Я считаю, что нам не позволят решить этот вопрос. И Назарбаев, и Лукашенко, и некоторые другие лидеры постсоветских государств никогда не пойдут на официальное разрешение второго, российского, гражданства. Это, кстати говоря, хорошо показывает та ситуация, в которой оказалось русское население в Туркменистане.

А.В. Докучаева. Нам хорошо известна эта ситуация, когда в 2003 г. при решении с Туркменией вопросов по газу наш президент подписал протокол о прекращении действия соглашения между Россией и Туркменией о двойном гражданстве, подписанном еще в 1993 г. При этом «забыли», что около 150 тыс. наших соотечественников в соответствии с этим соглашением уже имели два паспорта. Никто не озаботился, как будет решена их судьба, как будут защищены их права в Туркмении. Паника, которая охватила русских в Туркмении после денонсации соглашения, получила широкий резонанс в интернете и прессе. Это заставило Россию провести переговоры с Туркменией, которая отсрочила санкции против «двоегравдан». Однако известно, что их продолжают увольнять с работы, а с 10 июля их вообще могут лишить туркменских паспортов, если они не откажутся от российского гражданства. И что будет с теми, кто имеет два паспорта – это большой вопрос. Мы как раз занимались этим вопросом и знаем, что даже на уровне президентов наша страна пока не может защитить бипатридов от преследований со стороны туркменского режима.

Н.В. Елисеева. Трудно не согласиться с тем, что одним из инструментов в деле интеграции постсоветского пространства является русский язык. Но позволю себе расширить этот тезис до понимания того, что инструментом интеграции постсоветского пространства является и продуманная образовательная политика России, направленная, в том числе, и на создание рынка гуманитарных образовательных программ для зарубежных соискателей.

Такая политика существовала в СССР. И она отвечала его национальным интересам, так как обеспечивала интеллектуальные ресурсы для сотрудничества на самых разных уровнях. Используя современную лексику, можно сказать, что СССР через систему подготовки зарубежных специалистов осуществлял «инвестиции» в зарубежный «человеческий капитал».

И сегодня государства, претендующие на роль мировых лидеров, используют международные образовательные программы для формирования своего благоприятного имиджа за рубежом и распространения своих ценностей в различных странах мира. Особенно показательна ориентация на собственные национальные интересы образовательной политики США. Приглашая на учебу студентов и преподавателей, американское правительство заботится о том, чтобы они изучали социальные науки, право, политологию, историю США. Так осуществляется переориентация элит этих стран и обеспечивается поддержка американских проектов интеграционного характера. Американские программы обучения советской элиты в ходе приобщения России к либеральным ценностям и перехода на новую социально-экономическую модель развития сыграли свою роль и в истории современной России. И сегодня США уделяют огромное внимание образованию: количество американских программ обучения зарубежных граждан достигло почти 400, а организаторами международной образовательной политики выступают более 40 министерств и независимых федеральных агентств. Эта стратегия «наведения мостов» между элитами через образовательные программы сориентирована на будущее, так как касается в первую очередь молодого населения.

России подобная образовательная стратегия необходима для расширения социальной базы сотрудничества со странами СНГ и Китаем, другими соседями. Обучение в России молодежи из этих стран по специальным программам, сориентированным на знания о России, могло бы содействовать появлению в этих странах заинтересованного в сотрудничестве класса специалистов. Готовы ли российские научные и учебные сообщества к разработке и реализации таких программ? Надеемся, готовы. Нароботан опыт по обучению студентов в рамках магистратуры (россиеведение и другие дисциплины в РГГУ), созданы оригинальные информационно-научные комплексы, способные передать весь спектр современных знаний о России. Их освоение позволит иностранным гражданам найти профессиональное применение в своих странах в качестве экспертов по России.

Такие программы способны не только влиять на международный имидж России, но и содействовать созданию в других странах российско-ориентированного интеллектуального (и кадрового) ресурса для продвижения идей сотрудничества, для разработки и реализации интеграционных проектов самого разного уровня. Особенно это касается бывших союзных республик. Ведь между ними и РФ стоит общее историческое прошлое, связывающее современную Россию – историко-культурную метрополию – с ее гуманитарным зарубежьем. Комплексная (многоплановая и многопрофильная) политика в этом вопросе могла бы стать инструментом интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Безусловно, от ученых и преподавателей высшей школы требуются новые подходы и компетентные решения в рамках проектного мышления. От власти требуется осознание перспектив образовательной политики, обращенной не только «вглубь», но и «вовне» – и политическая воля.

И.М. Кузнецов. Я хотел бы прокомментировать несколько прозвучавших здесь высказываний относительно роли мигрантов в современных процессах реинтеграции постсоветского пространства. Причем не с точки зрения политологии, а по материалам количественных исследований как самих мигрантов, так и принимающего (русского) населения.

Прежде всего, не стоит преувеличивать интеграционный потенциал мигрантов. Разумеется, среди мигрантов есть небольшая доля людей, которые хотят, чтобы Россия стала их второй родиной, Домом с большой буквы, жизненной средой для них и их детей. У этой части мигрантов – высокий интеграционный потенциал, но и не меньше проблем с реализацией этого потенциала. Но сейчас не об этом. Подавляющее большинство мигрантов приезжает в Россию отнюдь не из интереса к стране и ее культуре. Они приезжают решать проблемы экономического характера, возникшие у них на родине, они не собираются здесь жить постоянно, строить здесь свой дом. Их задача – заработать и уехать, или, что чаще, ездить в Россию как на работу. И знать им Россию, ее язык, порядки, обычаи... надо не более чем нам – то место, где расположен наш офис, поскольку мы там не живем. Поэтому все разговоры и усилия по их интеграции в российскую культурную среду, по ознакомлению их с культурой и историей России – это посыл без адреса. Они просто не мотивированы к этому. Все, что им нужно – это минимальные знания русского языка, достаточные для общения с работодателями и чиновниками ФМС, знания порядка аренды жилья и т.п.

При этом не надо забывать, что средний возраст нынешних мигрантов – 30–35 лет. Они выросли в других странах. Это уже не прежние «советские люди», «облученные русской культурой», многие из них просто не владеют элементарным русским языком. Какую информацию о России они смогут принести по возвращении на родину? Это зависит от приема, который им здесь оказывают. И здесь надо учитывать, что единственное, пожалуй, преимущество мигрантов перед местными работниками – дешевизна и готовность трудиться в рабских условиях. Если возложить на

работодателя обеспечение завозимых работников нормальным (пусть минимальным) социальным пакетом – достойное жилье, юридическая защита, медицинское обеспечение, духовное окормление, адекватная зарплата, – они просто станут невыгодны. В результате – практически полная неинтегрированность мигрантов (я бы сказал: неинтегрируемость – поскольку нет такой жизненной потребности у них), унижительные условия жизни и работы генерируют соответствующее отношение к стране. Плюс к этому присутствие в принимающей среде достаточно большой массы людей, живущих по стандартам, сильно отличающихся от стандартов принимающего населения, генерирует резко негативное отношение к ним. Вот именно эту информацию мигранты и принесут на родину.

И, наконец, само по себе негативное отношение к мигрантам серьезно меняет отношение тех же русских к «своим» (давно интегрированным, «старожилам») азербайджанцам, армянам, таджикам и т.п. Негативное отношение, например, к вьетнамцам переносится со временем на своих монголоидов, а это достаточно значительная часть автохтонного населения России. В результате запускаются тенденции к сецессии уже внутри РФ, причем снизу, а не как это было в 1990-х гг. в период «парада суверенитетов» – парада национальных элит в основном. И это – уже проблема национальной безопасности и целостности России. Так что на вопрос о том, способствуют ли мигранты (не те, каковыми они должны быть в наших мечтах, а каковы они есть без всяких «если бы») реинтеграции постсоветского пространства, я бы ответил сегодня отрицательно.

Ж.С. Сыздыкова. Несколько слов о перспективах взаимодействия России со странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР).

После распада СССР прошло более 20-ти лет и новые страны ЦАР строят свои суверенные государства. В 1990-е гг. ЦАР перестал для России быть приоритетным. На его территории появился ряд внешних игроков. В первую очередь – Китай с его политикой «добрососедства» и США в связи с боевыми действиями в Афганистане. КНР наращивает свое экономическое присутствие и рассматривается в качестве источника займов для крупномасштабных инфраструктурных проектов в регионе. Важным источником доходов для ряда стран ЦАР являются США, которые вносят серьезный финансовый взнос в качестве арендной платы за использование военных баз. Индия, Турция, Иран и Пакистан активно присутствуют в ЦАР посредством реализации программ сотрудничества в экономической и культурно-гуманитарных сферах.

Ситуация стала меняться в 2000-е гг. с приходом к власти В.В. Путина и его команды. Обращается внимание на создание новых региональных структур с опорой на страны ЦАР. Казахстан, Киргизия и Таджикистан стали значимой составляющей политики РФ в ЦАР. Казахстан является одним из самых важных союзников России. Национальная безопасность и экономическое развитие Кыргызстана и Таджикистана во многом зависят от Москвы. Совсем другой характер носят отношения с Узбекистаном

и Туркменистаном. Отношения с Узбекистаном заметно улучшились в середине 2000-х гг., Ташкент присоединился к ОДКБ и ЕврАзЭС. Однако из-за возникших серьезных разногласий о том, как должны использоваться созданные механизмы, Узбекистан приостановил свое членство в ЕврАзЭС в 2008 г. и вышел из ОДКБ в 2012 г. Позиция «позитивного нейтралитета», занятая Туркменией, отделила ее от двусторонних соглашений с соседями по региону и с Россией.

Несмотря на то, что сами государства ЦАР не всегда положительно оценивают политику РФ в регионе, они не отказались от участия в региональных объединениях под эгидой Москвы. ЦАР в течение 20-ти лет превратилась из региона, представлявшего второстепенный интерес, в регион первостепенной значимости для внешней политики РФ. ЦАР неизбежно будет иметь непреходящее значение для реализации выдвинутой В.В. Путиным концепции ЕАЭС. Он также является важным элементом энергетической стратегии Москвы: Россия по низким ценам поставляет энергоресурсы в ЦАР, использует их для удовлетворения внутренних потребностей, а собственные энергоресурсы поставляет на экспорт, обеспечивая национальный экономический рост. Россия стремится сохранить такую ситуацию, при которой энергоресурсы стран ЦАР не шли бы в обход России. Москва надеется на достижение соответствующих договоренностей со странами ЦАР, в том числе и с целью минимизации негативных последствий вывода натовских войск из Афганистана в 2014 г. и возможного ухудшения ситуации в связи с ростом терроризма, экстремизма и транзита наркотиков. От политики РФ в ЦАР во многом зависит будущее всего постсоветского пространства. А усиление центробежных тенденций во внешней политике республик бывшего СССР и разнотипность их внутриполитических порядков могут способствовать распаду постсоветского пространства как целостного политико-географического региона.

В.Б. Павленко. [Публикуемый текст выступления сокращен главным редактором С.В. Карпенко. – *Прим. редакции.*] Сегодня в науке господствует субъектно-объектный подход: объекты исследования рассматриваются не в динамике, а в статике. Поэтому так редко удается правильно ответить на важнейшие политические вопросы современности.

Теперь появился новый подход – проектный. Большую роль в его разработке в России сыграл крупный политический мыслитель С.Е. Кургинян. В рамках проектного подхода мировой политический процесс рассматривается как субъектно-субъектная игра, которая ведется с помощью глобальной миропроектной конкуренции. По Кургиняну, мир находится в стадии завершения проекта «Модерн», а все его основные субъекты заняты поиском нового проектного вектора. «Большой Запад» уходит в «Постмодерн». К теоретическому обоснованию этого процесса во второй половине XX в. была приспособлена теория модернизации. Эпигоны М. Вебера и Э. Дюркгейма подменили в ней модернизм постмодернизмом,

но не решились прямо переименовать теорию модернизации в теорию постмодернизации.

Дж. Талмон и У. Энгдаль называют нынешнюю западную демократию «тоталитарной», а К. Крауч – «постдемократией». «Постмодерн», который на ней паразитирует, – это идейно-политическая основа нового мирового порядка, который, по крупному глобалисту Ж. Аттали, включает мировые порядки сакрального (новую мировую религию), силы (глобализацию ЕС и НАТО) и денег (глобальное распространение Вашингтонского консенсуса с ведущей ролью доллара и ФРС США). Получается монополярный мир, в котором США и НАТО отводится роль силового инструмента в руках глобальной олигархии.

Межклановый консенсус глобальной олигархии формируется по принципу, который А. Гитлер предложил Э. Галифаксу, соавтору позорного Мюнхенскогоговора 1938 г. Управлять мировыми процессами предлагалось с помощью не «игры свободных сил», а «высшего разума», то есть путем закулисногоговора. Причем управлять так, чтобы перемены казались естественными. Галифакс с этим согласился.

В рамках этого проекта создана система институтов «Постмодерн» – открытых, закрытых и засекреченных. Перебрасывая, как об этом писал еще К. Маркс, из одних партийных «рук» в другие государственную власть, глобальные олигархи сохраняют за собой власть «концептуальную». С помощью Первой мировой войны ее вырвали из рук монархий. Вторая мировая и Холодная войны потребовались ввиду существования Советского Союза, появление которого оказалось «системным сбоем», отодвинувшим реализацию этого проекта как минимум на столетие.

Но Запад не только сам уходит в «Постмодерн», он еще и формирует себе союзника в лице контрмодернистского исламизма. Это радикальное извращение ислама является продуктом британских и американских спецслужб. Альянс западного «Постмодерна» с «Контрмодерном» «Большого Юга» – это проект завершения истории с помощью разделения человечества на изолированные касты узкого круга «господ» и опущенных в архаику «рабов» со сниженной на порядок численностью населения.

«Модерн» сегодня остается только на «Большом Востоке» (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия). Россия же после распада СССР застыла в беспроектном периоде полураспада. Сдавшему страну либеральное прозападное лобби, проникшее с помощью и при поддержке Римского клуба в руководство КПСС и Советского государства, вслед за закрытием проекта «СССР», добивается завершения всей российской проектной преемственности. Ибо главным, осевым в этой преемственности является 500-летнее противостояние с Западом, а отнюдь не вхождение в него, которое нам навязывают с подачи Бжезинского и других идеологов глобализма.

Обращение к проектному подходу позволяет определить сущность современности как конъюнктурную попытку Запада отменить миропроектную конкуренцию и втянуть человечество в постмодернистско-

контрмодернистский альянс, завершив тем самым его историю. Это требует от нашей страны противопоставить Западу собственный проект и исполнить именно в этом и состоящую историческую миссию, которая обусловлена альтернативностью российской модели развития и ее ролью Катехона, то есть силы, удерживающей мир от сползания к концу времен.

Привнесение в российскую цивилизационную идею инноваций возможно, но только с адаптацией их к традиции.

Для России возврат к собственной религиозной традиции – непереносимое условие исторического выживания. Для этого нашей стране нужно вернуться в миропроектную конкуренцию. Ни в «Постмодерне», ни в «Контрмодерне» нам заведомо нет места. И то, и другое – это гитлеровский «Генеральный план “Ост”» в обновленном виде. И любые либеральные изыски в стиле «человек, а не индустрия» (например, В.А. Мау) – не что иное, как попытка оправдать ставку в человеке не на социальное, коллективистское начало, а на биологический, животный индивидуализм. Продолжение «Модерна» тоже невозможно, так как в России нет для проведения модернизации необходимых демографических ресурсов.

Поэтому наиболее эффективным выходом является «Сверхмодерн» – обновленный коммунизм в виде проекта «СССР 2.0» Кургиняна. Другой проект – религиозно-православный – тормозится глубоко укоренившейся секуляризацией и многоконфессиональностью российского общества. А православной общественности недостает понимания того, что главными врагами являются либералы, а коммунисты – естественные союзники РПЦ в борьбе за российскую историю и идентичность.

Поскольку Российская Федерация – это фаза полураспада большой, единой страны, то, если не произойдет постсоветской реинтеграции, распад возобновится и дойдет до конца. Однако реинтеграция – необходимое, но недостаточное условие. Одно дело, если она осуществится на собственной проектной основе «Сверхмодерна», и другое, если интеграция произойдет в рамках глобально-олигархического «высшего разума». Тогда глобализация будет продолжена, а сама идея исторического воссоединения постсоветского пространства будет дискредитирована.

С.Ю. Разин. У меня к вам два вопроса. Первый: не кажется ли вам, что взлет «Большого Дальнего Востока» – это, в значительной мере, результат усилий западной экономической и политической элиты, которая в свое время активно содействовала укреплению Китая и создавала из него противовес Советскому Союзу? Вопрос второй: есть ли у нас в стране ресурсы для проведения новой модернизации, и правильно ли говорить о том, что сегодня стране необходима модернизация?

В.Б. Павленко. На первый вопрос вы наполовину ответили сами. Конечно, Запад использовал Китай против Советского Союза. В глобальном геополитическом треугольнике «Запад (во главе с США) – Россия – Китай» проигрывает тот, против кого объединяются двое остальных.

В 1972 г. США объединились с Китаем против СССР – и СССР, в конечном итоге, проиграл.

По поводу второго вопроса хочу сказать, что модернизация – это процесс перехода к «Модерну», то есть к индустриальному обществу. Этот переход Россия уже пережила. Последним его этапом была сталинская модернизация. Модернизация осуществляется за счет того, что в большом количестве берется дешевая рабочая сила из деревни и бросается в городской, фабрично-заводской уклад, в котором бывшие крестьяне переплавляются в пролетариев. Хочу напомнить, что у нас в стране переход от традиционного общества к индустриальному в конце XIX – первой половине XX вв. сопровождался мощным демографическим взрывом. В современной России ситуация диаметрально противоположная. У нас сегодня нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации. Нам нужен другой путь.

Какой? Я думаю, что либеральный эксперимент, который проводился над страной в течение 25-ти лет, потерпел крах. Из этого необходимо сделать один очень простой, но воплощенный в практических действиях вывод: нам необходимо заменить во власти ту часть правящей элиты, которая ориентирована на Запад, элитой, способной отстаивать национальные интересы страны и выйти на другую траекторию развития.

В.Г. Хорос. У меня реплика по поводу выступления В.Б. Павленко.

Общий пафос его выступления, его беспокойство за будущее России мне близки. Но некоторые присущие ему ходы мысли и размашистые идеи – характерные, кстати, и для ряда других представителей отечественного радикализма – мягко говоря, не приближают нас к пониманию реальностей современной российской ситуации и нашего будущего. Например, то, что Римский клуб продвигал «либеральное прозападное лобби» в руководство КПСС; что смыслом Российской цивилизации, «преемственности» является 500-летнее противостояние с Западом; что миссия России в мире – это Катехон, то есть сила, удерживающая мир от сползания к концу времени; что для России сегодня необходим не «Модерн», не «Постмодерн», а «Сверхмодерн», то есть «обновленный коммунизм» и прочее. Может быть, все это звучит красиво, но, увы, не продвигает наше познание окружающего. В том числе потому, что упрощает некоторые черты или тенденции прошлого и современного, превращает их в материал для выдвигания броских лозунгов.

Скажем, трудно согласиться с утверждением, что Россия уже «пережила» (в сталинские времена) стадию модернизации, что у нас «нет демографических ресурсов для проведения новой модернизации», то есть «дешевой рабочей силы из деревни», которая «бросается в городской, фабрично-заводской котел». Модернизация – это общемировой процесс, он не сводится лишь к индустриализации, но предполагает обновление во всех сферах – экономической, политической, социальной, культурной. В нашей стране модернизация была частичной, незавершенной, а теперь

вообще налицо признаки демодернизации. Поэтому в сегодняшней России без завершения модернизации (конечно, не в сталинских формах) не пройдут никакие прыжки в «Сверхмодерн» или «обновленный коммунизм». Да еще при этом надо вписать подобную «домодернизацию» в контекст Российской цивилизации, ее базовых ценностей.

Когда большевики в России пошли на революцию, они уже имели ее программно-теоретическое обоснование (не будем сейчас обсуждать, что в этом обосновании «ложилось» на тогдашнюю объективную реальность, а что нет). Сейчас я такой программно-теоретической базы не вижу. Хотя поиски ведутся. Поэтому мне близок постоянно повторяющийся рефрен-призыв в публикациях А.И. Фурсова о необходимости создавать новую социальную науку, ибо история значительно усложнилась, и необходимы серьезные теоретические инновации, включая обнаружение субъекта принципиальных изменений. А без этого эффективные лозунги и тезисы, во многих случаях являющиеся просто бездоказательными предположениями, не станут организующим ресурсом.

А.В. Чертищев. Россия, наверное, самая уникальная страна по уровню мифологичности отношения к действительности и перспективам дальнейшего развития. В ее длительной эволюции выделяются консервативно-монархический миф досоветской России («имперский миф») и марксистско-ленинский («коммунистический») миф. После того как стройная мифологическая система коммунизма рухнула, возникший идеологический «вакуум» стал стремительно заполняться за счет формирования новых социально-политических мифов, создаваемых представителями различных социальных групп. Крайне непродолжительное время существовал либерально-демократический миф, в результате деградации которого россияне перестали верить государству и воспринимать себя полноправными гражданами, имеющими возможность влиять на власть посредством демократических институтов. Этот кризис породил запрос на замену либеральной мифологии консервативно-охранительной, антизападной (сплав неосталинизма и псевдоимперскости), базирующейся на апеллирующей к имперскому сознанию мифологеме мессианства русского народа и противопоставлении России развитым странам, условно именуемым «Западом», бездуховные и эгоистические либеральные ценности которого якобы полностью чужды русскому менталитету. Крушение мифологий приводит к утрате национально-государственной идентичности.

Кто мы сегодня? Выясняется, что к другой, несоветской, жизни мы оказались не готовы ни умом, ни душой. У нас сейчас нет ни исторического государства, ни духовного смысла, ни великих идей, мыслей и чувств о будущем. Более чем через 20 лет после распада СССР для подавляющей части российского народа все самое ценное и значимое заключено именно в 70-летней советской истории. Мы привыкли к «выживанию», «жизни в катастрофе», а страна напоминает приют для беспризорных с какой-то неустроенностью везде. Складывается ощущение, что она, страна, не

принадлежит тебе. О «стабильности» же можно говорить лишь в следующем контексте: одни живут стабильно хорошо, другие стабильно плохо, стабильны агрессия, жестокость, идеологичность, нетерпимость к иному, патологическая зависть и ложь, халтура во всем, полное обесценивание человека, его достоинства и личности, стабильно растут цены и масштабы коррупции... Возможно, от утраты веры в себя, в нашу способность жить и творить как все «благополучные» народы, и возникла нынешняя – новая и одновременно старая – мода на особый русский путь.

Куда и как пойдет Россия? Оценивая перспективы нашей страны, к вариантам ее дальнейшего развития в самом общем виде необходимо отнестись следующие.

Гибельный вариант – дальнейший распад РФ, формирование конгломерата государств на базе таких регионов как Центральная Россия, Кавказ, Краснодарский край, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.

Пессимистический вариант – превращение России в некую внутреннюю колонию, народ которой используется в основном для охраны национальных богатств, эксплуатируемых в интересах узкого круга людей.

Реалистический вариант – осознание выхода России из исторического и духовного тупика (что очень важно, но и не более того!). Началось не строительство еще более научного «научного коммунизма», а происходит фундаментальное и системное возвращение к обычному историческому процессу, в котором может быть все: и славные победы, и тяжелые неудачи. И ценность его в том, что он дает шанс как на выживание, так и на великие свершения.

Оптимистический вариант – достижение национального величия, возрождение Российской империи, обеспечение благоденствия страны. Не касаясь других глобальных целей, заострим внимание на несколько крамольной мысли: наши упования на собирание в недалеком будущем «тела» новой/старой Империи весьма иллюзорны. Ибо, как свидетельствуют события 1917 г. и рубежа 1980–1990-х гг., у народов, населяющих нашу страну, не было общего отечества – России/СССР, – с которыми без особого сожаления в удобный момент и расстались. И сегодня они готовы к разнообразному «сотрудничеству» с Россией (готовы принимать помощь, получать образование и работу, просить защиту), но, как выясняется в частных беседах, ни советское, ни тем более молодое поколение, «под Россию» идти не хотят. «Старший брат» им больше не нужен.

Утопический вариант – порвать со всяким прошлым, как с царским, так и с коммунистическим, и строить новую Россию с нуля, на основе идеалов свободы и прав человека.

В любом случае России предстоит сделать непростой экзистенциальный выбор, в основе которого должны лежать одна, но тройственная панацея (уповать на Бога, сохранять трезвый взгляд на Реальность и говорить Правду) и главный принцип (высшей ценностью является не

земля, не государство, а человек, живая личность). Выбор этот во многом будет определяться тем, осознаем ли мы неразрывную связь с тысячелетней Россией или продолжим поклоняться коммунистическим, советским идолам. Емко и точно заметил по этому поводу И. Губерман:

Хотя и сладостен азарт
По сразу двум идти дорогам,
Нельзя одной колодой карт
Играть и с дьяволом, и с Богом...

Н.Ю. Булешова. Сегодня Россия должна определиться со своей ролью на постсоветском пространстве. Конечно, воссоздание СССР невозможно. Но что нас ждет впереди? Как будут развиваться наши отношения со странами-соседями? Я считаю, что интеграционные процессы, идущие сегодня в разных регионах мира, должны стать примером для постсоветских государств. Тем более что существует целый ряд факторов, способствующих созданию на постсоветском пространстве мощной региональной интеграционной группировки. К их числу относятся: сложившееся в рамках единой союзной экономики и, в определенной мере, существующее до сих пор разделение труда между бывшими республиками СССР, культурно-историческое единство народов, технологическая взаимозависимость и единые технические нормы, действующие в постсоветских государствах.

Однако процессы, которые сегодня идут на постсоветском пространстве, противоречивы и неоднозначны. Сегодня, как и 20 лет назад, далеко не всегда удается найти компромисс между экономической целесообразностью и корпоративными интересами политических элит постсоветских государств. Развитию интеграционных процессов в Евразии противодействуют силы, не заинтересованные в появлении на мировой арене нового сильного геополитического и геоэкономического игрока. К ним, в первую очередь, относятся США. По мнению Бжезинского, первоочередный интерес США состоит в том, чтобы евразийское геополитическое пространство как можно дольше оставалось «бесхозным».

Тем не менее, страны региона осознали, что настала пора повернуться от национальных амбиций к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству. Мировой экономический кризис и та помощь, которую Россия в условиях этого кризиса оказала некоторым странам-членам СНГ, дали толчок новому витку евразийской интеграции. Сегодня стало понятно, что в экономической интеграции должны принимать участие те страны, которые готовы поступиться какими-то своими интересами ради достижения стратегических целей, во имя которых создавался Таможенный союз. Создание его было хорошо продуманным шагом, который привел к тому, что ежегодно увеличивается беспощинный оборот товаров и растет грузопоток по нашим единым транспортным коридорам. Появляется возможность установления внутренних таможенных пошлин, налоговых каникул и дотаций для сельского хозяйства. Страны-члены

Таможенного союза получили экономический щит против выпадов извне и «страховочный ремень» от неизбежного колебания биржевых цен на нефть и газ. По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, суммарный эффект от деятельности Таможенного союза к 2015 г. составит примерно 400 млрд долл. Участники Таможенного союза должны за счет интеграции получить дополнительно около 15 % прироста ВВП. Только за 2011 г. взаимная торговля стран Таможенного союза составила 108,3 млрд долл.

В то же время интеграция в рамках Таможенного союза таит в себе определенное противоречие, которое состоит в том, что она ведет к усилению конкуренции между предприятиями разных стран в некоторых отраслях экономики (металлургия, строительство, агропромышленный комплекс, торговля) и к потере бюджетных доходов.

Но, по моему мнению, повышение конкуренции на внутреннем рынке Таможенного союза для подавляющего большинства отраслей будет несущественным. А в тех отраслях, где это все же произойдет, общий экономический эффект будет положительным. Такой эффект будет достигнут за счет снижения монополизации рынков и приближения к равновесным ценам.

Б. Смит. Тема моего выступления – «Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность».

Наша политика в отношении Содружества Независимых Государств и стран-членов этой организации является неотъемлемой частью глобальной политики США. Эта политика базируется на трех составляющих.

Первая составляющая – это стремление к взаимовыгодному сотрудничеству со всеми странами, в том числе и с Россией. Наш президент Б. Обама исходит из того, что эпоха противостояния между США и Россией ушла в прошлое. Он считает, что у наших стран есть новая стратегия взаимоотношений, у нас есть новые возможности договориться друг с другом и найти общий путь к будущему.

Вторая составляющая – это взаимное уважение. Здесь я хочу процитировать нашего президента, который, находясь в Москве в июле 2009 г., сказал следующее: «Для начала скажу прямо: Америка хочет, чтобы Россия была сильной и процветающей страной. Это утверждение основывается на уважении к российскому народу и той общей истории, которая связывает наши страны. Несмотря на соперничество в прошлом, наши народы были союзниками во время Второй мировой войны. Это значит очень много для нас и для вас. Давайте не забывать об этом».

Третья составляющая – это представление о том, что все проблемы, которые сегодня существуют в мировой повестке дня, носят глобальный характер и могут решаться только комплексно.

Если говорить о ценностях и их роли в нашей внешней политике, то, как сказал Обама, выступая на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2010 г., Америка поддерживает универсальные демократические ценно-

сти, так как это высоконравственные и действенные ценности. Распространение демократических ценностей и поддержка их носителей – это приоритетное направление нашей внешней политики.

Если продолжать разговор о приоритетах нашей внешней политики, то, я думаю, не открою никому никакой тайны, если скажу, что главной задачей американской внешней политики в ближайшее время является завершение войн в Ираке и Афганистане. К этому добавляется борьба против «Аль-Каиды» и других глобальных террористических сетей.

При этом должен сказать, что в нашей современной внешней политике особое место занимает дальневосточное направление. Тем не менее, мы не забываем о наших союзниках в Европе и в других точках мира.

Еще один приоритет – это, конечно, решение проблемы нераспространения ядерного оружия. Для решения этой проблемы мы очень тесно работаем с Россией и Казахстаном.

Администрация президента Обамы исходит из того, что для решения глобальных проблем необходимо взаимодействовать со всеми странами мира: и с нашими друзьями, и с нашими партнерами, и с нашими врагами. США очень тесно работает с партнерами по Совету Безопасности ООН и другим международным организациям для укрепления международных отношений и международных институтов.

Хочу сказать, что важное место в нашей политике занимает экономическое сотрудничество со странами СНГ. Мы понимаем, что чем лучше работают экономики постсоветских государств, тем лучше для региональной стабильности и для ситуации во всем мире.

В.Б. Павленко. Согласны ли вы с тем, что заявление Х. Клинтон, сделанное ею на саммите АТЭС в Гонолулу, символизирует начало новой тихоокеанской политики США?

Б. Смит. На мой взгляд, это заявление может означать начало не военно-политической, а геоэкономической переориентации США на Азиатско-Тихоокеанский регион. Было еще одно заявление Х. Клинтон, посвященное постсоветскому пространству. Я считаю, что оно было вызвано не опасением по поводу возрождения СССР, а недостаточной осведомленностью Вашингтона в вопросах евразийской интеграции. Евразийская экономическая комиссия была создана только в феврале 2012 г. и существует чуть больше года. Наше посольство сейчас довольно активно работает с этой организацией. Это необходимо для того, чтобы лучше понимать ее цели и планы на ближайшие два года. Мы хотим понять, как евразийская интеграция повлияет на нашу экономику, на бизнес наших компаний, работающих в России и в других постсоветских государствах. Мы хотим, чтобы рынки этих стран были открыты и чтобы правила игры были равными для всех. Когда появляется новая интеграционная структура, то такие вопросы возникают – и их необходимо решать. Чем больше все заинтересованные стороны будут сотрудничать с этой организацией, тем будет лучше для всех.

С.В. Фокин. Что сейчас преобладает в политике американской администрации – ориентация на использование «жесткой силы» или ориентация на использование «мягкой силы»?

Б. Смит. В данный момент в администрации Обамы преобладает ориентация на использование «мягкой силы». Как у нас говорят, Америка – это открытая книга. Мы всегда рады возможности рассказать о многообразии нашей культуры, о сильных сторонах нашей экономики и важности наших ценностей. Чем больше людей смогут приехать и узнать Америку на собственном опыте, тем лучше.

Н.Ю. Булешова. В современной внешней политике США приоритет отдается развитию двухсторонних отношений с каждой из республик бывшего СССР? Или развитию отношений с какими-то конкретными интеграционными объединениями, существующими сегодня на постсоветском пространстве?

Б. Смит. Мы строим двухсторонние отношения с каждым постсоветским государством, основываясь прежде всего на уважении и поддержке его суверенитета. Мы считаем, что вопрос о том, в какое интеграционное объединение вступать – это внутреннее дело каждой страны. Так что если Беларусь, Казахстан и Россия решили создать ЕАЭС – пожалуйста, мы этому не должны и не будем мешать.

П.Т. Подлесный. Мое выступление посвящено теме «Политика США на постсоветском пространстве». Сразу скажу, что политика США на постсоветском пространстве была отнюдь не безобидной для России.

Давайте вспомним некоторые факты из совсем недавней истории. Кто является автором идеи строительства нефтепровода «Баку–Джейхан»? – З. Бжезинский и администрация Б. Клинтона. По чьей инициативе была создана организация ГУУАМ? – По инициативе США в противовес СНГ. Какова роль США в цветных революциях на постсоветском пространстве?.. – Если говорить о «цветной революции» в Грузии, то, на мой взгляд, американцы пришли к выводу, что пора Э. Шеварднадзе подыскать замену и отправить его на покой. В результате «цветной революции» к власти был приведен М. Саакашвили. Теперь давайте вспомним, как выводились российские войска из Прибалтики в начале 1990-х гг. Что делали американцы в Прибалтике в 1993–1994 гг.? Переговоры по этому вопросу американцы вели с нами с позиции силы. Лозунг этих переговоров был такой: «Америка победила в Холодной войне! Убирайтесь!» В максимально короткие сроки было подготовлено соглашение о выводе российских войск. Не было даже варианта текста этого договора на русском языке, вот как спешили. Россия вынуждена была в спешном порядке выводить свои войска из Прибалтики.

Американцы сделали еще две вещи, которые испортили российско-американские отношения в 1990-е гг.

Первое – прием в НАТО наших бывших союзников. Когда российское руководство предложило американской администрации соглашение,

согласно которому у США сохраняется свобода рук в смысле приема восточноевропейских и балканских стран в НАТО, но при этом США должны были взять на себя обязательство не принимать в НАТО республики бывшего СССР, Б. Клинтон, по сути дела, отверг это предложение. В результате сложилась идиотская ситуация, при которой Россия, являясь второй европейской державой, не имеет права голоса в решении вопросов европейской безопасности.

Второе – намерение администрации Дж. Буша-младшего разработать план подготовки Грузии и Украины к вступлению в НАТО. Вы можете себе представить, что было бы, если бы Украина вступила в НАТО, и Черное море было бы заполнено натовскими кораблями? Слава богу, что военные события 2008 г. в Грузии перечеркнули все эти планы. Мы должны поставить памятник Саакашвили за то, что он своими опрометчивыми действиями по отношению к Южной Осетии очень надолго отложил вступление Грузии в НАТО.

В заключение хочу сказать, что кризис 2008–2009 гг. очень многое расставил в мировой политике, в целом, и в отношениях между постсоветскими государствами, в частности, по своим местам. Из постсоветских государств с кризисом своими силами справились только Россия и Казахстан. Остальных пришлось России вытягивать, выручать. Что дальше? Сегодня никакой реальной альтернативы евразийской интеграции нет. Единственной разумной политикой для постсоветских стран является именно евразийская интеграция.

С.Ю. Разин. Сегодня здесь уже был упомянут президент Н. Назарбаев, поэтому хочу несколько слов сказать о политике руководства Казахстана. У меня давно сложилось впечатление, что Назарбаев и его окружение ведут двойную, а то и тройную геополитическую игру. Вспомните события 1990–1991 гг.: Казахстан и республики Центральной Азии с юридической точки зрения не выходили из состава СССР. Их, по сути дела, вытолкнули оттуда. Распад СССР стал, на мой взгляд, практически неизбежен после того как Россия, первой из союзных республик, приняла Декларацию о государственном суверенитете. Затем, уже после распада СССР, Назарбаев выдвинул идею ЕАС. И сегодня он часто повторяет это предложение. Но, вместе с тем, выступая совсем недавно в Стамбуле, он говорил о «Великом Туране» и о том, что Казахстан был «колонией СССР».

П.Т. Подлесный. Вспомните, что сделал Назарбаев сразу же после распада СССР. Он перевел столицу Казахстана из Алма-Аты в Астану. Почему он это сделал? Потому что он испугался России, в которой тогда существовали идеи о необходимости вернуть себе Крым, Северный Казахстан и некоторые другие территории, входящие в состав других республик.

Должен сказать, что Назарбаев добился за годы независимости для своей страны многого. Ему это удалось потому, что он проводит взвешенную, разумную, многовекторную политику. И в этом его серьезное отличие

от украинских и белорусских политиков. Чего украинские и белорусские политики добились за эти 20 лет для своих стран? Ничего. Ни Украина, ни Беларусь, апеллирующие то к Брюсселю, то к Москве, сегодня самостоятельными геополитическими игроками не являются.

А.В. Чертищев. А, чего, например, должен был добиться Лукашенко?

П.Т. Подлесный. Лукашенко стремится жить на наши деньги.

А.В. Чертищев. Так он этого и добился.

П.Т. Подлесный. Он этого добился. Но вы знаете, какая была борьба в процессе создания Союзного Российско-Белорусского государства? Вы знаете, что Лукашенко хотел стать президентом Союзного государства? Тогда Чубайс пошел к Ельцину и убедил его отказаться от подписания предложенного Лукашенко варианта договора о создании союзного государства. Сделано это было во многом для того, чтобы преградить дорогу Лукашенко в Кремль. А что предложил Лукашенко Путин после своего прихода к власти? Он предложил Лукашенко три варианта: либо Беларусь вступает в РФ в качестве единой административно-территориальной единицы, либо каждая область Беларуси вступает в РФ, либо Беларусь входит в состав Союзного государства на тех условиях, что главенствующую роль в нем будет играть РФ. Эти предложения явно не понравились Лукашенко. После этого процесс создания Российско-Белорусского Союзного государства застопорился.

А.В. Чертищев. По-моему, большинство белорусского народа не жалеет о том, что у них есть независимое государство, и о том, что руководителем Беларуси является Лукашенко. Поэтому я думаю, что не стоит так сильно критиковать Лукашенко.

П.Т. Подлесный. Я выступаю против излишнего возвеличивания Лукашенко и белорусского опыта. Беларусь целиком и полностью зависит от России. Прекрати завтра Россия давать кредиты и сократи поставки нефти – Беларусь станет областью в составе России.

Здесь прозвучала мысль о необходимости восстановления империи. Я считаю, что нам надо забыть об этом на десятилетия, если не навсегда, и ограничиться тем, что сейчас делает наше руководство. Это сегодня должно быть первой заповедью для нашей политической элиты. Почему? Потому, что на империю сегодня у России нет средств. Вы меня извините, господа, я, ученый с 45-летним стажем, получаю «чистыми» 25 тыс. руб.

П.П. Марченя. Об империях – отдельный разговор. Но не могу не отреагировать на прозвучавшую фразу, что Россия – это «вторая европейская держава». Я все-таки хочу подчеркнуть, что мы были и остаемся первой европейской державой – и не на этом нашем круглом столе об этом забывать.

П.Т. Подлесный. Извините, но это не так. Экономика ЕС сегодня намного мощнее, чем российская экономика.

С.Ю. Разин. А разве критерии державности сводятся только к экономическим показателям?

П.Т. Подлесный. Не только. Но, тем не менее, сегодня первой державой в мире в военно-политическом и экономическом плане являются США. Вторая держава – это Китай. Он отстает в развитии социальной сферы, но обладает серьезной военно-политической и экономической силой. На третьем месте – ЕС.

П.П. Марченя. По-моему, очевидно, что ЕС в отличие от России единой суверенной державой не является. Некорректно, и даже опасно, путать Империю с квазиимперией. ЕС никак не может считаться империей в том смысле, в котором остается империей Россия. Даже после имперской катастрофы конца прошлого века. ЕС представляет далекое от державного единства множество суверенных государств, ни одно из которых, ни даже все вместе, не в состоянии равняться с Россией по масштабам – ни по территории, ни по ресурсам.

А.Н. Михайленко. Я просто не могу не отреагировать на прозвучавшую здесь мысль о двойной или даже тройной геополитической игре Казахстана. На мой взгляд, так и должно быть – так и есть во всем мире. Мы иногда приравниваем национальные интересы к интересам интеграционной группировки, в которую входит страна. Но интеграционная политика – это только один из множества инструментов реализации национальных интересов. Когда мы говорим о двойной политике, двойных стандартах, то подразумеваем, что какие-то действия производятся неофициально, втихую: это ведь неловко, когда тебя обвиняют в лицемерии. Но Назарбаев в этом отношении чист: он открыто заявил о том, что считает целесообразным создание Центрально-Азиатского союза, причем написал об этом в программной статье в «Известиях» – «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего».

Другое дело, что у нас в России нередко считают, что любые региональные объединения на постсоветском пространстве, в которых Москва не участвует, по определению являются антироссийскими. Но мы почему-то не думаем о том, как воспринимают те же центрально-азиатские страны только что подписанный в Санкт-Петербурге контракт России с Китаем на 270 млрд долл. – то есть на порядок больше нашей торговли с этими странами. Мы ведь тоже не все яйца складываем в одну корзину!

И буквально несколько слов о евразийской интеграции. В России этому проекту уделяется первостепенное внимание. В его развитии достигнуты определенные успехи, хотя в последнее время процесс немного затормозился. Меня тревожит то, что в настоящее время это в большей степени – верхушечный процесс, не касающийся широких масс населения, среднего и малого бизнеса. А всякий верхушечный процесс подвержен субъективной конъюнктуре. Конечно, безусловная поддержка этого проекта президентами всех трех стран крайне важна в условиях наших политических систем. Здесь неоднократно звучали сопоставления с опытом ЕС.

Так вот, обратите внимание: Латвия вступает в еврозону вопреки мнению большинства населения, зато политическое руководство выступает за вступление. И все же только широкий охват населения идеей евразийской интеграции, участие в ней масс делает этот процесс необратимым.

Еще одно обстоятельство привлекает внимание. Три страны вышли на уровень Таможенного союза в 2010 г., на уровень Единого экономического пространства – в 2012 г. А уже в 2015 г., если будут решены поставленные задачи, мы должны достичь уровня экономического союза. Каждую из этих ступенек экономической интеграции ЕС проходил по десятку лет, а мы их перемахиваем за два–три года. Очевидно, что это революционное развитие, а не эволюционное, о котором часто пишут и у нас, и в других странах «тройки». Революции, как известно, характеризуются прорывами в решении стратегических задач, но ведь они же могут приносить и провалы. К этому нужно быть готовыми.

Еще одна проблема развития евразийской интеграции связана с расширением ЕЭП. Сейчас стоит вопрос о присоединении к «тройке» Киргизии, а также ведется работа по привлечению к этому проекту Украины. Опыт ЕС говорит о том, что если страна не готова к вступлению в интеграционный союз, то даже серьезные геополитические обоснования не оправдают ее прием, потому что из-за этого данный союз внутренне ослабнет. Очевидно, что Киргизия не готова к интеграционному взаимодействию экономически, а Украина – политически. Поэтому я бы предложил применить принцип постепенности в вопросе об их приеме в состав ЕЭП.

О.Д. Абрамова. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечено, что Россия считает приоритетной задачу формирования ЕАЭС, призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств. Мировой опыт показывает, что региональная интеграция оказывает положительное влияние на конкурентоспособность страны, способствует открытости национальных рынков и созданию единого регионального рынка, обостряет конкурентную борьбу, положительно влияет на инвестиционный климат, усиливает приток капитала в те страны, которые в ней участвуют, создает возможности для ускоренного инновационного обновления производства, приводит к более свободному обмену знаниями и образованию новых сильных объединений, которые становятся активными игроками на мировой арене.

Важнейшей проблемой в этой связи становится проблема конкурентоспособности национальных экономик постсоветских государств. При этом оценки ведущими международными организациями и аналитическими центрами рейтинга конкурентоспособности российской экономики и делового климата страны меняются весьма незначительно. Исследования Всемирного экономического форума показывают, что по

многим экономическим показателям Россия входит в число 10–20 % стран с наихудшими значениями. Так, по индексу глобальной конкурентоспособности Россия в 2012 г. заняла только 67-е место. Конкурентные позиции российской экономики находятся на уровне или выше среднестрановых значений по таким показателям как «инфраструктура», «технология», «труд», «правительство», «менеджмент» и «финансы». Но по таким важным показателям как «управление», «институциональная среда», «открытость экономики» – Россия занимает низкие места. Перспективы экономического роста РФ создатели индекса связывают в первую очередь с факторами, которые лежат в сфере повышения эффективности, в то время как инновационный и ресурсный факторы в настоящее время, по их мнению, сдерживают этот рост. Незначительно меняется и ежегодный индекс конкурентоспособности (IMD World Competitiveness Yearbook) российской экономики. По данным швейцарского Института развития менеджмента (IMD), российская экономика находится в завершающей части рейтинга: в 2012 г. – 48-е место, в 2011 г. – 49-е место (из 59-ти стран). В этой связи стоит обратить внимание на Казахстан, рейтинги которого по итогам 2012 г., существенно выросли: 51-е место по оценке ВЭФ, 32-е место – IMD.

Следует сказать, что и Россия, и Казахстан, и Беларусь, будучи участниками Таможенного союза – наиболее развитого интеграционного объединения на постсоветском пространстве, – обладают значительными конкурентными преимуществами: выгодным геополитическим положением, богатыми природными ресурсами, цивилизационной общностью, высоким образовательным и научным уровнем, рядом уникальных производств (прежде всего в космической и оборонной отраслях).

Важнейшей задачей, которую необходимо решить в ближайшее время, является разработка общей конкурентной стратегии. Такая стратегия позволит странам–участницам Таможенного союза определить векторы и приоритеты развития и эффективно использовать, имеющиеся у них конкурентные преимущества. В конечном счете, реализация этой стратегии может привести к достижению высокого уровня конкурентоспособности, необходимого для достойного существования в сложных условиях жесткой глобальной конкурентной среды.

О.Г. Леонова. В условиях глобализации каждая крупная страна – Бразилия, Нигерия, ЮАР, Индия и т.д. – работает над созданием своего регионального проекта. Региональные державы инициируют интеграционные процессы в своих геополитических регионах и создают региональные системы. Для создания полноценной региональной системы, необходимо сочетание потребностей стран–будущих членов региональной системы, возможностей страны–потенциального регионального лидера, а также необходимых условий для ее формирования.

На постсоветском пространстве есть объективные потребности независимых республик в гарантии собственной безопасности и стабильности

политических режимов, потребности в энергетическом сотрудничестве, развитии экономических связей, заключении преференциальных торговых соглашений, привлечении инвестиций со стороны регионального лидера. Для оформления полноценной региональной системы Россия имеет все необходимые условия: наличие независимых проинтеграционных институтов и групп, заинтересованных в реальной интеграции; отсутствие торговых, таможенных, миграционных и других барьеров внутри региона; комплекс надгосударственных органов с реальными полномочиями руководства политико-экономическими и военно-стратегическими процессами интеграции; наличие политической воли для преодоления сопротивления бюрократического лобби, чьи интересы могут оказаться ущемленными в процессе снятия внутрорегиональных экономических барьеров. Для реализации статуса региональной державы Россия имеет также необходимые экономические, политические, военные и гуманитарные возможности и ресурсы, отвечающие потребностям стран-партнеров.

Поддержание лидерства в регионе требует от региональной державы использования всего спектра средств в международной политике. Это экономические рычаги (субсидии и инвестиции, демпинговые цены на энергоносители или стратегические продукты), военные (присутствие воинских контингентов, продажа вооружения в кредит или по льготным ценам), а также культурная экспансия и методы «мягкой силы».

Россия использует далеко не весь набор необходимых инструментов для поддержания интеграционных процессов. Поэтому создание региональной системы на постсоветском пространстве наталкивается на определенные трудности. Европейские соседи России – Украина и Молдавия – сегодня открыто заявляют о своем европейском выборе. После победы на выборах В.Ф. Янукович заявил, что Украина будет внеблоковым государством, продолжит партнерство с НАТО, отношения с ЕС были и остаются для нее приоритетными, а одной из главных задач внешней политики страны является получение ассоциированного членства в ЕС, введение безвизового режима и создание зоны свободной торговли с ЕС... Европейская интеграция в «Стратегии развития Молдовы до 2025 года» названа одной из важнейших стратегических задач внешней политики Молдавии. Для этих стран европейский геополитический выбор – это выбор в пользу более привлекательной модели развития.

Странам СНГ в первую очередь нужны газ, инвестиции и технологии. Россия же пока может предоставить им только ядерный зонтик как гарантию национальной безопасности. Но в контексте укрепления сотрудничества этих стран с НАТО, США, Китаем, их стратегии вступления в ЕС такое предложение выглядит анахронизмом Холодной войны.

О.Г. Буховец. Поставим вопрос: есть ли альтернатива курсу на евразийскую интеграцию? Развернувшиеся в 1980–1990 гг. процессы дезинтеграции Советского Союза и «соцлагеря» многими в мире воспринимались как исторический нонсенс. Ведь именно в то время быстро

набирала силу глобальная тенденция создания либо дальнейшего развития уже существующих в различных регионах мира стратегических интеграционных объединений. Самое видное место среди них – по масштабам, амбициозности планов, беспрецедентности достижений – занимал ЕС. Если говорить образно, то «корзина ожиданий» России и других независимых государств постсоветского евразийского пространства от Запада в первое постсоветское десятилетие была очень большой. Там были и надежды на содействие западного сообщества в деле перевода разваливавшейся плановой экономики на рыночные рельсы, и ожидание помощи в преодолении острейших социальных последствий перехода к рынку, и упования на то, что Запад будет вести себя лояльно по отношению к России и СНГ в военно-политической сфере, и многое другое.

Понимание того, что надежды руководящих элит России и других стран СНГ на взаимопонимание и солидарность Запада в большинстве своем неосновательны, пришло не сразу. Однако со второй половины 1990-х гг. оно становится год от года все более отчетливым. Особенно большое воздействие на укрепление такого понимания оказали потрясший Россию и ее соседей дефолт, развязанная западным альянсом война против Югославии, вторжение в Ирак и поощрение «цветных революций» на постсоветском пространстве и в других регионах мира. В итоге чрезвычайно «облегчилась», особенно в России, «корзина ожиданий» от Запада.

Вместе с тем кое-какие важные компоненты остаются в этой «корзине» и в начале XXI в. Самый, пожалуй, существенный среди них – упования на ЕС как на эталонный интеграционный проект современности, стратегия и практика осуществления которого мыслились как своего рода «дорожная карта» для создания и успешного развития всех других стратегических экономических союзов в различных регионах мира. Такое представление о роли ЕС, как и вытекавшие из него надежды на те или иные формы участия в строительстве «Объединенной Европы», доминировали в то время и в правящей элите, и в аналитических сообществах, и в общественном мнении России и других постсоветских государств.

Как это ни парадоксально, но получается, что своим кризисом ЕС, сам того не желая, уже дал России и другим странам постсоветского пространства более сбалансированное представление о плюсах и минусах уникального евросоюзного проекта. Это позволило проявиться еще одному положительному последствию кризиса ЕС: благодаря ему другие интеграционные объединения, особенно на постсоветском пространстве, смогли выйти из «тени», которую отбрасывал на них евросоюзный «эталон интеграции». Они теперь обретают ту степень самостоятельности, которая стимулирует движение к полицентричному миру. А мир этот без стратегических интеграционных союзов представить уже вряд ли возможно. Ведь даже такой небывало сильный и продолжительный кризис, как нынешний глобально-евросоюзный, не в состоянии отменить интеграционный императив, который можно сформулировать следующим

образом: «Все дороги к месту под экономическим солнцем в нынешнем мире идут через интеграцию».

Значение интеграции как одного из главнейших вопросов мировой повестки дня в средне- и долгосрочной перспективе будет только возрастать. В XXI в. она стала категорическим императивом для всех континентов и частей света. Поэтому интеграционными организациями в разных регионах мира в конце XX в. и был так востребован опыт ЕС. Как полагают многие аналитики, происходящее в условиях глобализации формирование крупных региональных экономических союзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира делает ситуацию для отдельно взятых стран практически безальтернативной. Последние либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи, либо маргинализируются. Сейчас страны, не участвующие в стратегических интеграционных объединениях – пусть даже и такие большие, как Россия, Украина или Казахстан, – неизбежно теряют и в дальнейшем будут терять свои позиции в международном разделении труда, научно-технологической модернизации, экономической конкуренции. Следовательно, если использовать печально известный слоган времен «перестройки», то постсоветскому пространству «иного не дано». Действительно не дано!

С.В. Патрушев. Профессия политического социолога сужает для меня возможность свободно оперировать столетиями и даже десятилетиями. Ограничусь социологически обозримым масштабом, чтобы попытаться ответить на вопрос: является ли нынешняя Россия центром интеграции постсоветского пространства?

Есть ли в современной России массовый запрос на интеграцию постсоветского пространства? В частности, можно ли говорить о переосмыслении опыта XX в., прежде всего советского опыта, как предпосылки интеграционного строительства?

Напомню об отношении к ключевому эпизоду дезинтеграции, когда в июне 1990 г. Россия (51 % населения СССР), вслед за Эстонией, Литвой, Латвией, Азербайджаном и Грузией (тогда чуть более 7 % населения СССР), вступила на путь суверенизации. «Декларация о государственном суверенитете РСФСР» утвердила приоритет Конституции и законов РСФСР над законодательными актами СССР и фактически упразднила Союз в политико-правовом отношении. В какой мере современники понимали, что речь идет о поворотном пункте российского развития?

В конце 1990 г. важнейшими событиями года, по данным ВЦИОМ, россияне назвали избрание Б.Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР (35 %), объединение Германии (27 %), решение о восстановлении в России частной собственности на землю (25 %) и только потом – принятие деклараций о суверенитете в России и других союзных республиках (22 %) наряду и почти вровень с кризисом в Персидском заливе (19 %). Годом позже, в декабре 1991 г., жителей страны более всего огорчили рост цен, снижение уровня жизни; дефицит товаров и развал

хозяйственных связей; падение производства (64,4–26,4 %); лишь 4-е место занял распад СССР – 22,8 %. Это странное невнимание к суверенной России становится яснее, когда узнаешь, что в том же 1990 г. только 37,5 % опрошенных связывали свою личную судьбу с сохранением СССР.

Современная молодежь не жалеет о распаде СССР (54 %) (среди всех возрастов – 33 %) и чаще полагает, что Советский Союз препятствовал экономическому и культурному развитию народов. А Российскую империю воспринимает как государство, основанное на добровольном единении народов. Поэтому исчезновение СССР считает актом экономического, культурного и общенационального освобождения.

Насколько естественным является сближение постсоветских стран? Достаточно ли для этого исторического наследия, общего географического и экономического пространства?

Весной 2012 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» был проведен опрос, в ходе которого было опрошено более 13 тыс. человек в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдове, России, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Украине. Были рассчитаны индексы притяжения стран друг к другу в экономике, политике, культуре, а также общий индекс притяжения. Обнаружилось, что по сравнению с другими постсоветскими странами наименьший индекс притяжения к ним – у России (ниже только у Грузии). Зато у России – высокий уровень притяжения к странам ЕС (выше только у Молдовы и Грузии), а также к странам Америки и Азии.

Напрашивается вывод, что значительная часть интеграционных проблем на постсоветском направлении обусловлена именно российским фактором. В этой связи надо внимательнее присмотреться к судьбе идеи «Россия для русских», которая находится в сложных отношениях с интеграционными процессами, предполагающими более широкий взгляд на государственное устройство, а также асимметричную ответственность участников интеграции. Между тем, в 2000-е гг. эта идея устойчиво поддерживалась 15–20 % российского населения в «чистом виде» и 35–40 % – «в разумных пределах»; категорически против выступали 25–30 % респондентов при 5–20 % затруднивших ответить.

Д.В. Суржик. Мое выступление построено на анализе проблемы России и постсоветского пространства, содержащемся в докладах Совета национальной разведки США – общего экспертного органа для всего разведывательного сообщества США. С конца 1990-х гг. Совет национальной разведки провел серию круглых столов между государственными экспертами, учеными и представителями СМИ и бизнеса, результатами которых стали пять футурологических докладов под общим названием «Глобальные тенденции». Последний из них подготовлен в 2012 г. и представляет сценарии и тенденции развития мира до 2030 г. В развитии стран СНГ (не используя эту аббревиатуру), авторы доклада выделяют следующие направления с характерными тенденциями.

Демография. Катастрофическое сокращение населения России, старение в Украине и Беларуси при высокой рождаемости в Средней Азии. Потенциально взрывоопасная ситуация с распространением ВИЧ-инфекции.

Экономика. Дальнейшее развитие энергетических компаний и связанных с ними банков и трубопроводных систем. Экономика, построенная вокруг отраслевых монополий, без развития среднего класса, не будет диверсифицирована, что приведет к упадку страны. Постсоветские государства, не имеющие больших запасов природных ископаемых, обречены на статус «дотационных» и постепенную гибель.

Внутренняя политика отягощена угрозами террора и исламского экстремизма, который найдет благодатную почву среди безработной молодежи в Центральной Азии. Достаточно сильные позиции криминала и коррупция помешают притоку иностранного капитала. Недоверие общества и отсутствие преемственности будут причинами нестабильности в СНГ. Власти будут идти по пути «закручивания гаек» – пути, в конечном счете, регрессивному.

Внешняя политика России отягощена значительным числом проблем с региональными соседями, ее членство в международных организациях останется номинальным. Украина экономически вынуждена сотрудничать с Россией, но будет все более отдаляться от нее, при этом не являясь «персоной грата» в ЕС, равно как Молдова и Грузия. Государства Кавказа, увязнув в пограничных спорах, не смогут выйти на мировой уровень. Центральноазиатские постсоветские республики будут ареной борьбы между Китаем и Россией, а затем – между Китаем и Индией.

Безопасность. Сохранится относительная устойчивость власти в России и Беларуси. Россия по-прежнему будет обладать вторым после США ядерным арсеналом, который несопоставим с другими ее видами и родами войск. Но экономические трудности вряд ли позволят России размещать свои контингенты за пределами ближнего для нее зарубежья.

Таковы некоторые выводы, содержащиеся в крайне интересных футурологических докладах «Глобальные тенденции» Совета национальной разведки США.

А.И. Суздальцев. В начале выступления хочу сказать несколько слов по поводу упомянутого выше заявления Х. Клинтон и нашей реакции на него. Коллеги, давайте успокоимся... После этого заявления никаких конкретных решений, никакого финансирования не последовало. В реальности, на мой взгляд, приоритетом США на постсоветском пространстве являются отношения не с Россией, а с Украиной. Украина – это ключевая для той геополитической игры, которая сегодня ведется на постсоветском пространстве, страна. Вопрос о судьбе Украины – это вопрос о судьбе всего постсоветского пространства. Давайте исходить из этого.

Реплики, прозвучавшие здесь о том, что мы должны благодарить Саакашвили за военный конфликт 2008 г., победа в котором якобы преградила

дорогу реализации планов по превращению Черного моря в «натовское озеро», звучат смешно. Черное море заполнено натовскими, турецкими кораблями. Не стоит всерьез говорить о грузинской военно-морской угрозе и грузинском флоте. Это тоже смешно.

ГУУАМ/ГУАМ? Но это то, от чего мы отказались. Туда вошли страны, которые были нами обижены. Мы не нашли к ним ключиков – их подобрали американцы, которые поступили абсолютно правильно. В геополитике нет «бесхозных» стран и свободных пространств. Мы здесь прозевали.

Надо сказать, что американская политика далеко не всегда противоречит нашим интересам. Примером, иллюстрирующим данное положение, является ввод американских войск в Афганистан. Уход НАТО и США из Афганистана – это большая для нас проблема. Мы готовы были помогать и помогали американцам тогда, когда они вводили свои войска в Афганистан, потому что этот шаг содействовал укреплению безопасности на южных границах СНГ и тем самым соответствовал нашим национальным интересам. Какова будет ситуация в Афганистане и на южных границах СНГ после ухода американских войск – сказать сложно.

Тоже самое можно сказать о ситуации вокруг Грузии. Мы понимаем, что при решении вопроса об отстранении Саакашвили от реальной политической власти не обошлось без американского влияния. Американцы поняли, что нужна замена и корректировка политики Тбилиси. Она, на мой взгляд, началась. Уже сейчас можно говорить о том, что это направление наших отношений потихоньку разблокируется.

Если говорить о евразийской интеграции, то, действительно, немало сделано для ее развития. Выросло целое экспертное направление, которое занимается этим вопросом. В Администрации президента РФ серьезно занимаются этим, Евразийская экономическая комиссия начинает потихоньку открывать свои двери. В РАН по вопросам евразийской интеграции появилась очень интересная комиссия, которую возглавляет С.Ю. Глазьев.

Надо сказать, что наша интеграция вписалась в ВТО. Таким образом, евразийский интеграционный проект был легитимизирован мировым сообществом. Благодаря этому появилась возможность связать наш интеграционный проект на наднациональном уровне с европейским интеграционным проектом. Пока это сделать не удалось, но к этому надо стремиться.

Сегодня сняты все ограничения для перемещения между Россией, Казахстаном и Беларусью товаров, услуг, рабочей силы. Создана единая система технического регулирования. Выросла взаимная торговля. Это касается, в том числе, и отношений Беларуси с Казахстаном. На старте этого проекта торговля между этими странами находилась едва ли не нулевым уровне. Сейчас она появилась. Но вместе с тем есть вопросы с внутренним инвестированием, с перемещением капитала. Нашего капитала бояться и не пускают на казахский и белорусский рынки.

Мы очень быстро подошли к четвертому этапу интеграции по ее классическому европейскому варианту – к созданию ЕАЭС.

Скажу о тех силах и моментах, которые тормозили этот проект.

Начну с того, что я работал в той группе комиссии «2020», которая занималась вопросами евразийской интеграции, и нам удалось в наших документах прописать многие вещи, которые затем вошли в базовые документы по евразийской интеграции: рынок дешевой рабочей силы объемом 200–250 млн человек; экономический и валютные союзы с российским рублем в качестве единой региональной валюты; укрепление международного статуса нашей страны как великой державы, возглавляющей крупную региональную группировку. Эту идею я поддерживал и поддерживаю обеими руками.

Старту этого проекта помешали некоторые политические моменты. В частности, сказались политические последствия войны в Грузии 2008 г., частичное блокирование отношений с ЕС и трудности, с которыми мы столкнулись при вступлении в ВТО. Но в ВТО нас все-таки пустили.

С какими еще трудностями сталкивается евразийская интеграция? Серьезным препятствием на пути ее развития является противодействие казахстанской и белорусской бюрократии. Сохраняются барьеры для развития взаимной торговли. Казахский и белорусский рынки, как я уже сказал, закрыты для нас.

Серьезная проблема для России состоит в том, что основной валютой Таможенного союза и Единого экономического пространства, в которой ведутся расчеты между странами, является доллар. Перевод расчетов с доллара на рубль – это вопрос нашей безопасности, это вопрос о судьбе евразийского интеграционного проекта. Это колоссальная проблема. Но вы знаете, что против придания рублю статуса региональной валюты выступают Минск и Астана.

Хочу сказать два слова и о Евразийской экономической комиссии. В ходе ее работы мы столкнулись с проблемой, которая заключается в том, что решения в рамках этого органа должны приниматься консенсусом. Консенсусное голосование приводит к тому, что де-факто этот наднациональный орган может превратиться в орган, принимающий решения в интересах не всех, а только отдельных участников интеграции. Сегодня в этой комиссии «правят бал» представители Беларуси. Они блокируются с казахами и при помощи такого блокирования добиваются принятия нужных им решений. Все идет по «белорусской тематике»: нужно спасать телевизоры «Горизонт» – поднимаются пошлины, нужно спасать грузовики «МАЗ» – поднимаются пошлины и т.д. Это очень опасная ситуация, которую необходимо исправлять.

С.Ю. Глазьев считает, что этой комиссии необходимо придать международную правосубъектность. Это любопытное предложение. Сейчас об этом говорить рановато, но в рамках ЕАЭС этот вопрос может быть рассмотрен и решен положительно.

В заключение хочу сказать, что, к сожалению, для наших партнеров решения, принимаемые по вопросам развития интеграционного проекта, – это решения не стратегические, а продиктованные сиюминутной политикой. Для нас же это стратегические решения. Мы идем на огромные издержки. Только по проекту Союзного Российско-Белорусского государства наши дотации, наша помощь, наши сниженные цены, наш скрытый рынок с 1995 г. составили на 1 января 2013 г. 72 млрд долл. Статистика Министерства экономического развития и торговли несколько другая, но близкая к этой цифре. Мы открываем доступ к нашим ресурсам, к нашим рынкам. За это зачастую рассчитывается наш производитель.

Заканчивая свое выступление, скажу, что проблем, возникающих в ходе реализации евразийского интеграционного проекта, много, но их можно и нужно решать.

П.Т. Подлесный. В нашей дискуссии постоянно присутствует сравнение ЕАС с ЕС. Когда мы говорим об этом, то необходимо иметь в виду, что ЕС создавался 50 лет назад в тесной упряжке с НАТО, а ЕАС существует только чуть больше года.

В.Б. Павленко. Вы [А.И. Суздальцеву] считаете, что любой интеграционный проект обязательно требует международной глобальной легитимации?

С.Ю. Разин. Я бы резче сформулировал этот вопрос. Почему мы должны спрашивать у кого-то разрешение на проведение интеграции в рамках постсоветского пространства? Скажите, пожалуйста, большевики, когда в 1922 г. создавали Советский Союз, спрашивали на это у кого-нибудь разрешение? Поставлю вопрос более широко: мне кажется, что сама российская политическая элита ведет двойную игру. Она должна определиться, и честно ответить на вопрос: какую Россию мы строим? Мы строим национальное государство – или мы остаемся империей? Если мы выбираем первый вариант ответа на этот вопрос, то тогда наши отношения с постсоветскими странами будут развиваться по одному пути, а если второй – по другому пути.

Ну почему сегодня на нашем круглом столе никто не сказал о том, что конечной целью евразийской интеграции является воссоздание единого централизованного государства? В этой связи хочу сказать, что у нас сейчас существует довольно плоское, сугубо экономическое понимание причин кризиса ЕС. Я считаю, что суть этого кризиса в том, что сейчас он подошел к такому этапу своего развития, когда ребром встал вопрос: что дальше? На мой взгляд, продолжение европейской интеграции может привести в перспективе к отмиранию европейских национальных государств и превращению ЕС в Соединенные Штаты Европы.

А.И. Суздальцев. Сегодня, конечно, нам не хватает мощного национального российского проекта, который являлся бы привлекательным для наших соседей. Украинская и белорусская элиты, а также элиты некоторых других постсоветских государств ориентированы на Европу. Работать с

этими, прозападнически настроенными, пораженными различными анти-российскими фобиями элитами – очень тяжело. У нас крайне небольшой набор рычагов, при помощи которых мы можем воздействовать на такие элиты этих стран.

Откликаясь на реплику о том, что мы должны определиться, что мы хотим строить – империю или национальное государство, – хочу напомнить о том, что СССР развалился всего 20 лет назад. Это очень маленький исторический срок. У нас еще настоящая национальная элита не сформировалась. Этот процесс идет очень плохо, медленно. Надо сказать, что, в принципе, элиты не создаются быстро. Нормальная элита формируется в течение нескольких поколений. А мы в XX в. несколько раз вырезали свою элиту. Поэтому нынешняя переходная ситуация будет сохраняться еще очень долго. Что касается интеграции, то вы [С.Ю. Разину] интеграцию воспринимаете как-то странно. «Следующий вопрос у нас по повестке дня – создание единого государства» – по такому принципу к интеграции подходить нельзя. На мой взгляд, интеграция не имеет ни начала, ни конца.

Что касается ЕС, то мы не знаем, что будет с ним дальше. Очевидно только то, что полный, стопроцентный перенос европейского опыта на евразийскую интеграцию невозможен. Нужно брать и использовать только то, что нам подходит. Еще раз подчеркну, что специфика интеграции на постсоветском пространстве состоит в том, что мы интегрируемся с жесткими авторитарными режимами, которые в принципе не интегрируемы. По каждому вопросу идет очень серьезная борьба. Отдать кусочек власти для Назарбаева и Лукашенко равносильно подрыву их собственного политического авторитета. Мы заманиваем их в интеграцию, мы пытаемся через интеграцию реформировать их экономики. Это невероятная вещь, но мы пытаемся это делать.

Отвечая на вопрос о том, нужна ли евразийскому интеграционному проекту международная легитимация, я скажу, что в ней нуждались все и всегда. Советской власти в начале 1920-х гг. тоже была нужна международная легитимация. Большевики ждали, когда их признают. Они для этого с немцами на соглашение пошли. Два изгоя в тогдашней системе международных отношений – РСФСР и Германия – договорились, и только после этого начался процесс международного признания Советской России. И сейчас нашей интеграции международная легитимация нужна – нужна, потому что нам надо торговать, нам деньги нужны.

Д.И. Люшкин. Я позволю себе задержать ваше внимание на теме новой российской элиты и перспектив ее формирования. Речь пойдет об элите вообще: культурной, интеллектуальной, предпринимательской и даже рабочей. То есть о тех людях, которые и должны сформулировать для нашей любимой родины национальный проект новой империи. Давайте только сразу оговоримся: бывают либо национальные государства, либо империи. Национальный проект у нас не пройдет: народ-богоносец от-

сутствует. Поэтому любое государственное строительство будет мыслиться в современной России только в рамках имперского проекта.

Евроатлантические интеллектуальные тренды «постимперского» и «постгосударственного» нашей элите недоступны. То есть они ей доступны, когда речь идет о том, чтобы отправить детишек в Оксфорд учиться, но использовать их в публичной риторике, ориентированной «на простых людей», считается опасным: мобилизационный потенциал у этих категорий практически нулевой. К тому же их смысл представителям пятого-шестого эшелона брежневской совпартбюрократии, исполняющей у нас роль демократической власти, непонятен, но глубоко неприятен. Качество наших элит задано запущенными в эпоху сталинского послевоенного террора механизмами отрицательной селекции, когда для руководства народом из его недр извлекается не лучший материал. Без коренного пересмотра кадровых стратегий качество российских элит со временем будет только ухудшаться. А пересмотр стратегий находится в зоне ответственности действующих элит, которые даже в интересах страны не готовы подписать себе смертный приговор. Проблема не только наша, но у нас она отягощена отсутствием негосударственных институтов, способных конкурировать с бюрократией.

Теперь к вопросу о ресурсах империи. Беда в том, что они используются крайне неэффективно. Наведение порядка в сфере госуправления блокирует всякую возможность разумной жизни в «этой стране». Не случайно М. Жванецкий еще в советское время предупреждал о том, что самое страшное для нашего человека – когда государство поворачивается к нему лицом. С тех пор пришло новое поколение элит, еще более... тщательное отобранное. Мы упоминали Священную Римскую империю, Российскую, Советскую империю (не упоминали саму Римскую империю, Габсбургов или Древний Египет...). Но вот почему-то за именами империй забываем упомянуть о том, что все они погибли. Даже Британская империя официально отказалась от имперской политики – и ничего, это не вызывает у них волну паники и апокалипсических видений. Строительство империи неизбежно заканчивается ее гибелью. Имперский алгоритм – сверхнормативное расширение социальной сферы метрополии за счет ограбления колоний (как раз и создающее все те плоды и даже излишества цивилизации) – неминуемо ведет к гибели и распаду государства, ресурсная база которого в конечном итоге не выдерживает нагрузки чрезмерно умножившихся социальных институтов. Это очевидно хотя бы потому, что количество потенциальных колоний ограничено, а управление ими опосредует увеличение затрат в геометрической прогрессии. Правды ради следует признать, что пока еще ни одной империи не удалось полностью освоить лимит колоний: все они надрывались раньше. Что, впрочем, несколько не умаляло оптимизма преемников, грезивших об имперском господстве и порядке в мировом масштабе. Гибель империи – это на самом деле лишь вопрос времени: умелый менеджмент позволяет поддерживать

тело государства в течение сотен лет, низкая квалификация элит ведет к быстрому и болезненному краху. Советская элита, изросшаяся за 70 лет в неэффективную бюрократию, воспроизводившуюся посредством механизма отрицательной селекции, оказалась одной из самых худших, поэтому некоторым жителям нашей страны «посчастливилось» видеть гибель империи дважды...

В этом смысле, принимая во внимание качественные характеристики нынешних руководителей, нам сейчас следовало бы не тосковать по советским временам, а присматривать местечко, чтобы развалинами постсоветской империи не придавило. Впрочем, как показывает опыт, в наши дни гибель империй может быть не слишком болезненной. Ну, разве что зарплату нам опять не поднимут...

С.В. Алексеев. У меня на сегодняшний день нет оптимизма по поводу возможностей интеграции России и государств постсоветского пространства. Путей такой интеграции может быть три. Два из них подразумевают добровольный или принудительный отказ национальных элит новых государств от полученной в этих государствах власти. Понятно, что для такого отказа должны быть более чем веские основания. Сантименты в real politic срабатывают плохо.

Первый вариант – силовой или смягченный силовой. Он подразумевает, что Россия обладает достаточной (прямо говоря, вооруженной) силой для того, чтобы национальные элиты либо подчинились ей, либо избрали ее своим защитником от внешних и внутренних угроз. Это путь, которым часто идет мировая политика, малопривлекателен для российского общества в его нынешнем состоянии (как показали и события 2008 г.), и дает лишь ограниченный результат для государства. Национальные элиты не хотят воевать – ни в переносном, ни тем более в прямом смысле, – и они с готовностью примут Россию в качестве защитника своей власти. Но как только речь пойдет о реальном ограничении суверенитета – пусть даже не в пользу России, а в пользу каких-то наднациональных органов, – они будут искать более выгодного покровителя. А на сегодняшний день есть наиболее очевидный из таких покровителей. И он более силен, чем Россия.

Второй вариант – экономические блага, «подкуп» элит и государств в целом. В этом Россия пока просто неконкурентоспособна. Запад обладает неизмеримо большими экономическими возможностями, и России на этом поле почти нечего ему противопоставить. Наша внешнеэкономическая политика именно по этой причине и представляет собой сочетание блефа и бессмысленных уступок под дежурные заклинания о «разделении политики и экономики».

Наконец, есть и третий путь, не обязательно подразумевающий вовлечение ныне правящих элит отдельных государств. Этот путь – единение через провозглашение консолидирующей идеологии. Причем исторический опыт учит, что срабатывают лучше всего идеи не этнического («панславизм») или регионального («евразийство») характера, а имеющие

глобальную ориентацию, обращаемые к любому этносу и государству. У Запада такая идеология, пусть все более размытая, есть. Есть она, к примеру, у Китая. И не важно, насколько социальная действительность КНР ей соответствует, – она позволяет находить идейных союзников по всему Земному шару. У России идеологии нет вообще, а идея, предлагавшаяся до недавнего времени партнерам по СНГ – «совместное движение в мировое сообщество», – вылилась закономерно в стремление многих из них двигаться туда самостоятельно. Действительно, если идеология российского государства не отличается от идеологии Запада, то какой смысл ориентироваться на подражателей вместо первоисточника?

«Идейный» путь, если избирать его, будет для современной России труден и долог. Российские интеллектуальная и политическая (а желательна, и экономическая) элиты должны естественным образом выработать и принять новую, философски обоснованную систему координат. Пусть даже формально, но выработать и принять. Может быть, это мог бы оказаться «консерватизм», милый сердцам многих наших властей предрержащихся и интеллектуалов. Может, и что-то иное. В любом случае, этот комплекс идей – чем бы он ни оказался – должен быть транслирован в другие страны постсоветского пространства, должны возникнуть массовые, способные существовать и без внешней подпитки политические движения в его поддержку. Наконец, эти движения должны войти во власть. Способна ли проделать такой путь нынешняя российская политика? Есть ли требующееся для этого время? Не уверен...

С.Ю. Разин. В завершение этой части нашей дискуссии хочу сказать несколько слов по поводу того, о чем говорил Андрей Иванович [Суздальцев].

Политика – это искусство предвидения, опирающееся на анализ своего и чужого исторического опыта. Российское руководство, в начале 1990-х гг. борющееся с союзным центром и фактически делавшее все для развала СССР, должно было знать и понимать, что во многих союзных республиках после распада сформируются авторитарные этнократические режимы. Это, если хотите, закономерность распада многонациональных государств. Поэтому значительная доля ответственности за распад страны и за сложность сегодняшних так называемых интеграционных процессов на постсоветском пространстве лежит на тогдашнем российском руководстве во главе с первым президентом Б.Н. Ельциным.

С.М. Иванов. В своей внешней политике российское руководство уделяет приоритетное внимание урегулированию региональных конфликтов на постсоветском пространстве, которые находятся в непосредственной близости от границ нашей страны и оказывают прямое воздействие на ее национальную безопасность. По различным источникам, на территории бывшего СССР к моменту его распада оставались неразрешенными около 180-ти территориальных споров, 150 из которых приобрели характер

конфликтов, а 20 сопровождалась вооруженными столкновениями конфликтующих сторон.

Наиболее масштабными по праву считаются конфликты Грузии с Абхазией и Южной Осетией, Азербайджана – с Нагорным Карабахом и Арменией, Молдовы – с Приднестровьем.

Вторжение грузинских войск на территорию Южной Осетии в августе 2008 г. вновь привело к многочисленным жертвам с обеих сторон конфликта, гибели российских миротворцев и мирных жителей, разрушению экономики и инфраструктуры региона. С помощью российских войск эта агрессия была пресечена, народ Южной Осетии защищен от новой волны геноцида со стороны грузинских властей. При этом легитимность действий России очевидна: в соответствии с нормами международного права, нападение на пользующихся законным мандатом миротворцев равнозначно нападению на государство, которое их направило в зону конфликта; в таком случае государство вправе защитить своих граждан, выполняющих миротворческую миссию, и отразить агрессию в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Чтобы избежать новых актов агрессии со стороны Грузии, жертв и разрушений в Абхазии и Южной Осетии, Россия признала суверенитет и независимость этих государств, а в сентябре 2008 г. установила с ними дипломатические отношения и заключила договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Нагорно-карабахский конфликт остается наиболее сложным и запутанным на постсоветском пространстве. Отсутствие миротворцев на линии прекращения огня создает реальную угрозу новых вооруженных провокаций и перехода конфликта вновь в фазу открытого военного противостояния. Принципиальная позиция России по Нагорному Карабаху остается неизменной: мы против навязывания участникам конфликта каких-либо рецептов извне и исходим из того, что главная ответственность за окончательный выбор должна лежать на самих азербайджанцах и армянах. Россия была бы готова поддержать тот вариант решения проблемы, который устроит все вовлеченные стороны, а в случае достижения компромиссной договоренности – выступить гарантом урегулирования. Жизнеспособным будет такое решение проблемы, которое позволит вернуть стабильность и спокойствие в Закавказье, а в постконфликтный период поможет сохранить исторически сложившийся там геополитический баланс сил, не приведет к превращению региона в арену международного политического и военного соперничества.

Приднестровский конфликт к настоящему времени приобрел характер замороженного и протекает относительно спокойно. Здесь впервые в практике подобных операций в состав миротворческого контингента наряду с иностранными (российскими) военнослужащими вошли подразделения самих сторон конфликта: Молдовы и Приднестровья.

Главным общим итогом миротворческой деятельности России на постсоветском пространстве явилось повсеместное прекращение

кровапролития в регионе, разъединение противоборствующих сторон, предотвращение гуманитарных катастроф, переход конфликтов в стадию замороженных, недопущение вмешательства внешних сил и концентрации в зонах нестабильности международных террористов и экстремистских организаций, создание условий к началу мирного диалога между сторонами конфликта напрямую и с участием России и других международных посредников.

В.В. Машко. Тема моего выступления – «Республика Беларусь: между Востоком и Западом. Политические и экономические реалии».

Без малого два десятилетия белорусское руководство, участвуя в интеграционных проектах с Россией, на практике пытается играть на противоречиях между Москвой и Брюсселем, осуществляя политику балансирования между двумя геополитическим центрами.

ЕС также преследует в Беларуси отнюдь не альтруистические цели. Однако попытки стран Запада повлиять на внутреннюю и внешнюю политику в большинстве случаев не приводили к желаемым для них результатам. Серьезное ухудшение отношений между Беларусью и ЕС произошло во второй половине 1990-х гг. после референдума, значительно расширившего полномочия Лукашенко и позволившего ему распустить Верховный Совет Беларуси. Жесткая позиция ЕС и США значительно ограничили его возможность проводить эффективную европейскую политику, в том числе и экономическую. В свою очередь, без значительной финансовой помощи Беларусь не имела шансов стать независимым государством. Спад производства и значительный бюджетный дефицит поставили белорусское руководство перед необходимостью выбора внешнеполитических приоритетов. Таким образом, ЕС и США в 1990-е гг. объективно способствовали сближению Беларуси и России.

Но во второй половине 2008 г. наметились подвижки в позиции ЕС и США в отношении Беларуси. Они перестали ставить во главу угла требования соблюдения прав человека, сконцентрировавшись на достижении геополитической цели, которая состоит в том, чтобы вырвать Беларусь из орбиты российского влияния. Такое изменение позиции было вызвано комплексом причин. В первую очередь, конфликтом в Южной Осетии, который привел к резкому обострению отношений между Россией и ЕС. В этой ситуации политическая нейтральность белорусского руководства стала гораздо более ценной, чем соблюдение прав человека и наличие демократических свобод в самой Беларуси.

Второй причиной стало усилившееся среди стран ЕС расхождение взглядов в отношении политики применения санкций по отношению к Беларуси. Руководители некоторых европейских стран полагали, что Брюссель должен перейти к политике втягивания Беларуси в процесс сближения с ЕС. Несмотря на то, что миссия наблюдателей ОБСЕ не

признала свободными и демократическими выборы депутатов Палаты представителей Национального Собрания, прошедшие в сентябре 2008 г. (по их результатам не было избрано ни одного депутата от оппозиции), ЕС пошел на уступки Лукашенко, приостановив на полгода санкции против руководства страны. Так, в октябре 2008 г. президенту Беларуси разрешили въезд в страны ЕС, а также был снят запрет на выдачу виз ряду должностных лиц страны.

Беларусь, со своей стороны, также предприняла шаги, направленные на нормализацию отношений с Западом: были выпущены на свободу политические заключенные, зарегистрированы некоторые демократические организации, две ведущие оппозиционные газеты – символы независимой печати «Народная воля» и «Наша нива» – снова поступили в киоски периодической печати. Но наиболее существенной, знаковой уступкой Западу стало непринятие решения о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Тем самым Минск показал свою готовность дистанцироваться от России. 20 марта 2009 г. на саммите ЕС в Брюсселе лидеры стран-членов этой организации приняли решение о включении Беларуси в программу «Восточное партнерство», направленную на сближение ЕС с шестью республиками бывшего СССР.

Участие Беларуси в программе «Восточное партнерство» противоречило принципам строительства Союзного государства России и Беларуси, шло в разрез с идеями российско-белорусской интеграции. С другой стороны, после разгона 19 декабря 2010 г. акций протеста в Минске и последовавших затем арестов ряда оппозиционных лидеров, ЕС и США вынуждены были вновь изменить свою политику в отношении Беларуси. Брюссель возобновил санкции против ряда белорусских чиновников и снизил уровень политических контактов.

В целом политику стран ЕС в отношении Беларуси можно определить как политику кнута и пряника. Ее цель – использование дозированного диалога с Минском для оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны. Основная проблема политики ЕС в отношении Беларуси заключалась в том, что у него не было для бывшей советской республики ни сильного кнута, ни сладкого мягкого пряника. Политика диалога с Минском, как и политика санкций, не привела к каким-то серьезным результатам. При всей экономической, политической и культурной мощи ЕС, ему не удалось создать эффективных рычагов воздействия на политику белорусских властей. Достаточно жесткая позиция ЕС в отношении Беларуси, за исключением 2008–2010 гг., создала благоприятный фон для сближения Беларуси и России, фактически делая для Беларуси базальтернативным путь интеграции с Россией.

Политику ЕС в отношении Беларуси в целом можно считать непоследовательной. Белорусское направление не является приоритетным для

Брюсселя, а само внимание к Беларуси формировалось во многом «по остаточному принципу». Проведению согласованной политики в отношении Беларуси во многом мешает бюрократическая процедура выработки решений внутри ЕС, а также противоположность интересов стран-членов ЕС. В частности, у Литвы, Польши, Латвии существует экономическая заинтересованность в сохранении и укреплении двухсторонних хозяйственных связей с Беларусью.

Белорусские власти, находясь в изоляции со стороны западных держав, не оставляют надежд на установление выгодных для Минска отношений с ними. Они по-прежнему надеются вернуться к «маятниковой» политике привлечения займов от разных кредиторов. Следует отметить, что белорусское руководство никогда публично не говорило о вторичности отношений с ЕС, а сам Лукашенко, говоря о вероятности приглашения Беларуси в ЕС, заявил, что хотя он не представляет страну в составе ЕС, но в тоже время, в случае официального приглашения, такой вариант бы рассматривался.

Конечно же, возможность присоединения Беларуси к ЕС в качестве одного из возможных вариантов развития внешней политики всерьез не рассматривается. Путь интеграции Беларуси в ЕС возможен только в том случае, если в Беларуси начнутся демократические реформы. Надо понимать, что такие реформы будут означать для белорусского президента и его окружения политическую смерть. Однако экономические проблемы подталкивают Минск к поиску точек соприкосновения с Западом. ЕС представляет интерес для Минска, прежде всего, с точки зрения возможности получения инвестиций. Кроме того, ЕС является крупным рынком сбыта для белорусской продукции. Так, из общего объема экспорта республики в январе-феврале 2013 г. на долю стран ЕС пришлось 35 %. Характерно, что в отличие от российского рынка, где Беларусь выступает в качестве производителя и продавца продукции высокой степени переработки, на рынках стран ЕС Беларусь прежде всего выступает в роли поставщика топливно-сырьевых ресурсов. Европейское направление внешней политики используется руководством Беларуси в качестве противовеса восточному вектору интеграции, в качестве искусственного препятствия для вовлечения Беларуси в политическую и экономическую орбиту России.

Следует отметить, что многовекторная политика Минска порой оборачивается многовекторным обманом, в результате чего за страной закрепляется репутация ненадежного союзника. При этом поле для маневров белорусского руководства с каждым разом все более сужается, и балансировать между Россией и Западом ему становится все труднее. Использование в собственных целях противоречий между Москвой и Брюсселем, торговые войны с Россией – все это ставит под сомнение искренность заявлений белорусских политиков о стремлении заниматься

реальным строительством Союзного государства, а не только получать односторонние преимущества и льготы от России. Во многом благодаря непоследовательной внешней политике белорусских властей, а также из-за их стремления к получению сиюминутной выгоды путем использования особого транзитного положения страны, геополитическое значение Беларуси как страны-транзитера российского углеводородного сырья снизилось. Результатом недальновидной политики Минска стало строительство нефтепровода ГТС-2 в обход территории Беларуси. Примечательно, что белорусские власти не учли негативный опыт Латвии, когда после ввода в эксплуатацию терминала «Транснефти» в Приморске Россия отказалась от использования терминала в Вентспилсе для поставок в Западную Европу своего углеводородного сырья.

Отсутствие у Москвы и Минска внятной концепции развития отношений в рамках Союзного государства обрекло многие интеграционные начинания на провал. При этом – в силу исторических, экономических, политических и геокультурных причин – мера исторической ответственности Москвы за судьбу интеграции была и остается заведомо выше. Анализируя российско-белорусские отношения, можно констатировать, что Москва и Минск изначально вкладывали в интеграцию разный смысл. Если для российских властей Союзное государство имело, в первую очередь, важное геополитическое значение, то для Беларуси первостепенное значение имел экономический эффект, экономическая выгода от интеграции.

В целом можно констатировать несколько уменьшающийся, но по-прежнему достаточно высокий уровень заинтересованности населения обеих стран в особых союзных отношениях. Идея объединения двух стран с середины 1990-х гг. сохраняет консолидирующее значение для российского общества. Она поддерживалась и поддерживается большинством населения России.

Н.В. Работяжев. Тема моего выступления – «Украина между Россией и Евросоюзом».

Три года назад в Украине закончилась эпоха правления «оранжевой» команды. В феврале 2010 г. украинским президентом стал В.Ф. Янукович, которого многие тогда считали пророссийским политиком. Однако, как оказалось, это было сильным преувеличением: Янукович – прежде всего прагматик, он действует исходя из собственного понимания национальных интересов Украины. А эти интересы в значительной степени отождествляются им с интересами восточноукраинских бизнес-групп, способствовавших его победе на президентских выборах. Суть внешней политики Януковича состоит в балансировании между РФ, ЕС и США, причем приоритетом для него является европейская интеграция Украины.

Путь Украины в Европу, впрочем, оказался весьма непростым. Его осложняют как финансово-экономический кризис в странах ЕС, так и

судебный приговор Ю. Тимошенко, после которого Януковича на Западе начали обвинять в преследовании оппозиции и авторитарных методах правления.

Стремясь вовлечь Украину в орбиту ЕС, Брюссель прельщает Киев перспективами ассоциированного членства Украины в ЕС и создания зоны свободной торговли с ЕС. Однако при этом делается оговорка, что курс Украины на европейскую интеграцию исключает ее участие в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана. Украинская элита надеется, что соглашение об ассоциированном членстве Украины в ЕС, включающее создание зоны свободной торговли, будет подписано на саммите ЕС в ноябре 2013 г. Однако, учитывая охлаждение отношений между Украиной и ЕС после суда над Тимошенко, не исключено, что этот вопрос будет откладываться и дальше.

В заслугу Януковичу можно поставить нормализацию украинско-российских отношений, зашедших в предыдущие годы в тупик из-за антироссийского курса Ющенко. Так, в апреле 2010 г. президенты двух стран Д.А. Медведев и В.Ф. Янукович подписали в Харькове соглашение о продлении срока пребывания российского Черноморского флота в Крыму до 2042 г. в обмен на снижение цены на российский газ для Украины. Наметились позитивные тенденции и в области экономического сотрудничества, восстанавливаются кооперационные связи между предприятиями двух стран. При президенте Януковиче Россия и Украина приступили к реализации ряда совместных проектов в атомной энергетике, авиационной промышленности и других отраслях экономики. Важно также отметить, что в октябре 2011 г. украинский премьер-министр Н.Я. Азаров подписал с семью странами СНГ договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества.

В то же время Киев отказывается от полноценного участия в Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана, хотя вступление Украины в Таможенный союз привело бы к снижению для нее цены на российский газ. Против интеграции Украины в Таможенный союз выступают не только националистические и прозападные политические силы, но и стоящие за командой Януковича бизнес-кланы, опасющиеся появления на украинском рынке российских конкурентов. Украина хотела бы выстраивать отношения с Таможенным союзом в соответствии с формулой «3+1», смысл которой заключается в ее тесном сотрудничестве с Таможенным союзом в рамках отдельных отраслей экономики при сохранении европейского вектора интеграции. Сделанные Киевом в последние месяцы осторожные шаги в сторону сближения с Таможенным союзом не говорят об изменении интеграционного вектора Украины. Янукович, скорее всего, будет продолжать «многовекторную» внешнюю политику в духе Лукашенко, лавируя между Россией и ЕС в расчете на преференции от обеих сторон.

П.П. Марченя. Так получилось, что я выступаю последним. Впрочем, так это обычно и происходит. И раз уж я последний, то в конце «стола» могу, вернее вынужден, вернуться к его началу. Он же «круглый».

У нас предмет обсуждения сегодня – постсоветское пространство. Что является организующей силой любого пространства? Что вообще превращает пространство в часть истории? Можно долго говорить об экономике, как это было сегодня, о геоэкономике, о геополитике, просто о географии, но если уж выстраивать иерархию всевозможных факторов, то, на мой взгляд, очевидно, что вверху этой иерархии подразумеваются определенные смыслы и идеи, конкретные мировоззренческие императивы, которые как раз и образуют Проект, превращающий пространство в нечто, имеющее исторический смысл и исторические цели.

Так вот у советского пространства – в отличие, увы, от постсоветского – эти императивы были. И мы знаем, что Россия была, в этом смысле, центростремительной силой, организующей пространство и включающей его в контекст мировой истории. Потому что, если говорить не о том, что не получалось, а о том, к чему в идеале стремилось это советское пространство, то это такие, мобилизующие и массы, и элиты идеологемы как «человек – покоритель Космоса», «победитель капитала» и т.д. Причем этот человек – и не «безродный космополит», с одной стороны, но он и не узко зашорен в каких-то национальных рамках, с другой. Действительно, были Императивы, которые делали Советский Союз Империей, которые для соседних государств и их народов делали Россию привлекательной для объединения с ней. Для объединения во имя чего-то неизмеримо большего, чем единое экономическое пространство, общая валюта и т.п.

Возвращаясь опять к слову «империя»: все-таки Империя – это прежде всего пространство, которое объединено каким-то Императивом. Если мы оставим в покое разные негативные коннотации – антидемократические и всякие прочие анти- и тому подобные интерпретации понятия «империя», – то, по большому, гамбургскому, счету, речь идет вот о чем: либо у народа и государства есть эти императивы, оно (государство) ими живет и тогда оно является полноценным субъектом истории, либо этих императивов нет, но тогда на такое («безимперативное») пространство приходят другие империи, со своими императивами – и это пространство будет поделено.

Для меня очевидно, что вот этот призыв, который сегодня тоже отчетливо прозвучал – мол, надо забыть о том, что мы Империя, и никогда больше не вспоминать, – это исторически суицидальный призыв. Потому что свято место пусто не бывает. Ну откажемся мы от своих имперских, как это говорят «демократы», «амбиций» – значит придут другие империи, и Россия просто будет поделена. Вот и все. И не будет тогда никакого постсоветского пространства, собственно говоря, И не будет такой проблемы, как «Россия и постсоветское пространство», – будет какая-то другая проблематика.

Удивила меня и экономическая логика некоторых из моих коллег. Причем это люди, которые хорошо помнят, что когда Империя была в зените своего могущества, с обеспечением науки и ученых у нас было все гораздо лучше, чем сейчас. А вот когда Империя распалась – или была развалена (это вообще предмет отдельного стола), – когда как таковой империи нет (пока или уже – но нет), то к ней вдруг возникают прелюбопытные претензии: да, вот я сейчас получаю 25 тыс. руб., поэтому не надо мне никаких империй, а то я буду получать еще меньше... Ну где же логика? Империя была, и мы жили лучше, чем сейчас. Империи не стало – и мы живем плохо, гораздо хуже. Но только не надо нам больше империи, а то мы будем жить еще хуже. По-моему, здесь нет ни экономической логики, ни формальной логики. А если так рассуждают ученые из России, то чего же мы хотим от простого обывателя (не говоря о преследующих собственные цели политиках) из соседних стран, некогда бывших в составе нашей империи?

Очевидно, что проблема «Россия и постсоветское пространство» – это в первую очередь проблема организации тех мировоззренческих ориентиров, которые могут снова сделать Россию притягательной для ее соседей. Либо, соответственно, Россия уступит кому-то свое место. К чему лично я не призываю, и готов бороться за то, чтобы такого не было.

А.И. Суздальцев. Соседи наши нас очень порицают за 1991 г. Я с ними так веду разговор: «Друзья! Вы ругаете нас, но вы сами этого хотели». У нас бывает своя линия, конечно...

С.В. Фокин. Мы хотим быстро. Но быстро ничего не бывает и не делается. Необходимо время, эволюционная постепенность и стабильность без конфликтов и войн.

В.Б. Павленко. Вот если бы нам не мешали, то тогда бы эта ваша реплика была бы уместна.

С.В. Фокин. Главное, чтобы мы сами себе не мешали.

П.П. Марченя. Тогда я хотел бы еще более резко сформулировать. Буквально последняя реплика. По большому счету, если мы берем историю на каких-то таких длительных исторических отрезках, а не 20 или там даже 100 лет, то никакого другого субъекта истории по организации пространства кроме империи, в общем-то, и не придумано.

Те, кто говорят, что есть Империя США, есть Империя Евросоюз, а России надо забыть о том, что она может быть Империей, это, если называть вещи своими именами, – призыв к капитуляции, полной и безоговорочной. Россия и постсоветское пространство сейчас действительно стоят перед историческим вызовом, от ответа на который зависит не только, каким будет их будущее, но и есть ли у них оно, это самое будущее. И многое, если не все, зависит от того, кто же в итоге «научно» ответит на этот вызов: ученые, которые живут интересами своего народа и своей цивилизации, или компрадоры от науки, которым посты и гранты дороже Родины.

А.И. Суздальцев. Можно вопрос? Можно много кричать: «Давайте сделаем империю!» А идея есть под нее? А ресурсы есть?

П.П. Марченя. Я думаю, что об этом стоит поговорить отдельно. Реально, вот то, что сейчас навязывается, вот эти все слова «интеграция», «реинтеграция», «инновация», «модернизация» – это, конечно, не Идея, которая способна стать основой имперской массовой политики.

А.И. Суздальцев. Империя – это насильственная интеграция.

С.В. Фокин. Другого пути у российской государственности не было в силу многих исторических факторов.

П.П. Марченя. Империя – это не только насильственная интеграция. Это, скорее, культурная экспансия. Никакая империя не способна держаться на одной лишь силе оружия. Империя предполагает вовлечение различных народов в орбиту действия культурных императивов, придающих общий смысл и общие ценности. Условием успешного распространения Империи является не столько насилие, сколько наличие Идеи, способной объединять и вести массы. В этом смысле Империя – это не столько форма организации масштабного пространства, сколько форма организации массового сознания. И *державность* России сегодня – это не столько сила, стремящаяся распространяться далее, сколько сила, *сдерживающая* зло. А наш разговор о возрождении империи – это призыв не к насилию, а к возвращению смысла.

С.Ю. Разин. Я хочу поддержать Павла Петровича [Марченя]. Скажите, пожалуйста, уважаемые коллеги, разве Советский Союз был построен на одной силе?

В.Б. Павленко. Нет, конечно.

А.И. Суздальцев. Была идея, конечно.

Н.Ю. Булешова. Была идея.

С.Ю. Разин. Если бы большевики не предложили народам бывшей Российской Империи некий Мегапроект, открывающий исторические горизонты и указывающий исторические перспективы, то разве удалось бы создать Советский Союз и превратить в одну из двух сверхдержав второй половины XX в.?

В этой связи встает вопрос, а может ли – и хочет ли – современная российская политическая элита предложить политическим элитам и народам бывших союзных республик какой-то объединяющий Мегапроект? Если нет, то у так называемой евразийской интеграции, в целом, будет такой же результат, как у проекта Союзного государства России и Беларуси. История этого проекта проста и понятна. Лукашенко продвигал идею создания Союзного государства России и Беларуси тогда, когда у него был шанс стать его президентом. Когда пришел к власти Путин, реализация этого проекта, по сути дела, остановилась...

Завершая работу нашего круглого стола, приглашаю всех к участию в научных мероприятиях, которые в дальнейшем будут проводиться в рамках проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации».

*Материал подготовили к публикации
П.П. Марченя, С.Ю. Разин*

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Е.В. Кодин

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ: ОТ СИМБИРСКОГО ПОВСТАНЦА ДО ДИРЕКТОРА МЮНХЕНСКОГО ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ СССР*

Русская эмиграция после Второй мировой войны лишь относительно недавно стала предметом серьезного и объективного изучения историками, а также, в меньшей степени, политологами и международниками. По своему происхождению и политической судьбе «вторая волна» оказалась уникальным явлением международных отношений второй половины XX в. Она сильно отличалась от первого российского «исхода».

В результате Второй мировой войны сложилась принципиально новая ситуация с эмиграцией из России и формированием русской диаспоры за рубежом. Война породила новое явление, которое принято называть «второй волной послереволюционной эмиграции». Эта «волна» эмиграции образовалась в основном из бывших военнопленных, мирного населения, угнанного на работу в Германию и другие страны Европы (остарбайтеры), а также части населения оккупированных территорий СССР, покинувшего страну вместе с отступающей немецкой армией.

«Вторая волна» эмиграции могла бы быть очень значительной, но этого не случилось. Преобладающая часть советских людей, оказавшихся на территории Германии, была насильственно депортирована в СССР. Тем не менее те, кто избежал репатриации, послужили основой «второй волны» русской эмиграции.

Долгое время изучение этой «волны» эмиграции было фактически под негласным запретом. И это не удивительно: порожденная самой страшной войной XX в., она стала одной из самых трагичных и противоречивых страниц истории России. Она связана со многими неоправданными надеждами и жестокими разочарованиями, многочисленными человеческими жертвами. И до сих пор в основе ее полярных оценок эмоций и предубеждений лежит не меньше, чем научного исторического знания.

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ в рамках проекта «Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии?» (проект № 08–01–00005а).

Большим событием в историографии постсоветской России стало издание в Москве в 1997 г. сборника «В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции», составленного В.С. Карповым, Дж. Фишером и А.В. Поповым, а также первым директором мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР Н.А. Троицким¹. В материалах сборника рассказывается о судьбах представителей «второй волны» эмиграции, имена которых в СССР не были известны, а если и проносились, то с презрением и осуждением². Среди авторов – видные политические и общественные деятели «второй волны» Ф.М. Легостаев, Н.А. Троицкий, Д.В. Константинов, К.Ф. Штеппа, послевоенная беженка В.Г. Фурсенко, ученый и врач Е.Т.Федукович. Особый интерес представляют размышления о «второй волне» американского социолога и историка Дж. Фишера³.

Центром послевоенной эмиграции стала Германия, а ее «столицей» – Мюнхен, где осела основная масса «перемещенных лиц». Там же был создан Институт по изучению истории и культуры СССР⁴.

* * *

Институт по изучению истории и культуры СССР был основан 8 июля 1950 г. как свободная корпорация научных работников и специалистов – эмигрантов из СССР, поставивших своей целью всестороннее изучение СССР и ознакомление Запада с результатами своих исследований.

Учредителями его стали русские ученые-эмигранты, при разных обстоятельствах оказавшиеся беженцами в западных оккупационных зонах послевоенной Германии: М.А. Алдан, К.Г. Криптон, А.А. Авторханов (Кунта), В.П. Марченко, Ю.П. Ниман (Боголюбов), А.П. Филиппов, К.Ф. Штеппа, Н.А. Троицкий (Б.А. Яковлев). На своем первом организационном заседании они приняли и подписали устав института, определивший его задачи, направление деятельности и структуру. Тогда же, 8 июля, был избран Президиум (Дирекция) института в составе директора института (Яковлев), заместителя директора (Кунта) и секретаря, впоследствии ставшего ученым секретарем (Марченко)⁵. В тексте первого протокола о создании института от 8 июля фамилия Криптона отсутствует, она впервые упоминается 18 июля 1950 г.⁶

Организационным мероприятием по созданию института предшествовала работа «Русской библиотеки» в Мюнхене⁷. Ее стали формировать в самом начале 1949 г. под эгидой Международного комитета по спасению и оказанию помощи беженцам (International Rescue and Relief Committee – IRRC).

3 февраля 1949 г. руководитель IRRC в Германии и Австрии Л. Фишер подписал удостоверение на имя Яковлева, текст которого гласил: «Настоящим удостоверяю, что г-н Борис Яковлев является ответственным за Международную библиотеку, которую наша организация собирает»

открыть в Мюнхене по адресу Ismaningerstrasse 75»⁸. Комитет взял на себя финансовые обязательства по поддержке библиотеки.

По оценке Н.А. Троицкого, библиотека «сделалась тайной штаб-квартирой» созданного в 1948 г. «бывшими власовцами», как они себя называли, Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР)⁹, предтечей которого явился созданный ими годом раньше Боевой союз молодежи народов России (БСМНР). В библиотеке «проводили коллективные чтения, устраивали встречи, представления, отмечали праздники»¹⁰. Так «Русская библиотека» изначально создавалась для объединения и поддержки бывших советских граждан, оказавшихся в западных оккупационных зонах послевоенной Германии, на платформе Пражского манифеста власовского Комитета освобождения народов России (КОНР) 1944 г.

Идеология института в значительной степени определялась и политическими взглядами его основателей. И в первую очередь его будущего директора – Николая Александровича Троицкого. Институт не мог не строиться на тех же антисоветских, антикоммунистических позициях.

Возможность получить представление о личности и деятельности Троицкого дают документы его архива, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Архив был передан в ГА РФ самим фондообразователем в 1994 г. Его описал историк А.В. Попов, воспитанник и сотрудник Историко-архивного института, и в итоге был сформирован архивный фонд «Троицкий Николай Александрович» (фонд 10015). Его состав и содержание подробно освещены в литературе¹¹.

Незадолго до смерти, в 2006 г., 103-летний Троицкий опубликовал в Москве свои воспоминания «Ты, мое столетие...» Книга была составлена из его рассказов, первоначально записанных им на магнитофон. Они были им самим дополнены фрагментами из его публицистики и литературных произведений. В издание были включены документы и фотографии, связанные с его жизнью и деятельностью и почерпнутые из его личного фонда в ГА РФ. Наконец, в него вошли статьи и рассказы близких ему людей – либо извлеченные из их архивов, либо предоставленные ими самими или их наследниками.

* * *

Николай Александрович Троицкий родился 20 апреля 1903 г. в селе Вешкайма Корсунского уезда Симбирской губернии в семье дьякона Александра Федоровича Троицкого¹². Мать – Мария Флегонтовна Троицкая, дочь приказчика одного из ближайших к Вешкайме поместий, происходила из крепостных (ее родители были крепостными, а она родилась после отмены крепостного права, в 1868 г.). Умела читать и писать, «что-то знала из литературы». Брат отца был, как пишет в своих воспоминаниях сам Троицкий, большим духовным начальником: «правая рука архиерея Симбирской епархии, ключарь кафедрального собора»¹³.

Хотя отец и имел духовный сан, семья вела настоящее крестьянское хозяйство: «дом, корова, овцы, птица, огород, земельный надел». Земли было мало. И когда урожай был плохой, то хлеба не хватало.

В семье было семь детей: три брата и четыре сестры. Только двое из всех детей – Николай и младшая сестра – получили высшее образование. Николай был очень способным к учебе: уже в шесть лет умел читать и писать. В школу пошел с шести лет. Начальное образование получил в местной сельской школе. Затем с 1913 по 1918 гг. учился в духовном училище в Симбирске. В 1919 г. поступил и в 1921 г. окончил общеобразовательную школу 2-й ступени в Корсуне, уездном городе Симбирской губернии.

В то время в стране был голод. Не обошел он и Корсун. В автобиографии Троицкий никак не выделяет этот период своей жизни. А в письме от 15 сентября 1948 г. «Руководящей Тройке Союза Борьбы за Освобождение Народов России»¹⁴ и в ответ на «Открытое письмо» некоторых участников движения с обвинением его в связях с НКВД он подчеркнул, что в 17-летнем возрасте «принял участие в крестьянском восстании Корсунского уезда», после подавления которого бежал и скрылся с чужими документами. Не похоже чтобы он активно, с оружием в руках, участвовал в антибольшевистском повстанческом движении. Но захвати его чоновцы или чекисты – жизни его был бы отмерен куда более короткий срок: «сын попа», «бандит»...

С 1921 по 1924 гг. Николай Троицкий жил в Симбирске, где учился, по его воспоминаниям, на «строительном факультете» «Политехникума», который он описал как нечто подобное высшему учебному заведению¹⁵. Тут память его сильно подвела (либо подвело стремление выдать желаемое за действительное): в действительности в сентябре 1919 г. в Симбирске были открыты Политехнические курсы, которые в сентябре 1923 г. были реорганизованы в Симбирский строительный техникум (с 1924 г. – Ульяновский строительный техникум), по окончании которого квалификация «инженер» не присваивалась. Тем не менее, по его воспоминаниям, с 1924 по 1930 гг. он работал инженером строительного треста в г. Богородске Московской области. С другой стороны, в обеих автобиографиях – 1949 г. и 1953 г., – написанных им для американских оккупационных властей с целью получить разрешение на переезд в США, он изложил иную версию: «строительное отделение Симбирского Политехникума» окончил в 1926 г.¹⁶ Эта версия не наводит на мысль о полученном высшем образовании, зато порождает уверенность в том, что Троицкий весьма вольно обращался с фактами своей подлинной биографии, точнее – без труда подгонял их под «обстоятельства места и времени».

В том же «письме руководящей тройке» он указал, что с 1926 г. в Москве состоял в антибольшевистской студенческой организации¹⁷.

В своих воспоминаниях Троицкий так характеризовал жизнь в Богородске: «Рядом с чистыми душой простыми людьми, честными труженниками, плотными рядами стояли бывшие и настоящие “железные” Герасимовы, хладнокровно отправляющие в ссылки, тюрьмы, лагеря...»¹⁸ Описал он и соседей по общежитию: «Компания собралась как на подбор – все оппозиционеры Сталину. Кто ленинец, кто троцкист, кто бухаринец... Мне тогда было не до политики, но волей-неволей подключился к их дебатам...»¹⁹ На его взгляд, «в конце 30-х желающих вступить в партию по внутреннему убеждению не было. Если и вступали, то под давлением или по карьерным соображениям». Ранее ни в одной из двух автобиографий Троицкий не упомянул о своем участии в «антисталинском» движении, хотя это могло «поднять» его в глазах американцев. В целом же воспоминания Троицкого «Ты, мое столетие...» как минимум заслуживают самого критичного к себе отношения. А под «антибольшевизмом» он, скорее всего, понимал свое и своих приятелей сочувствие различным «оппозициям».

В своем письме Г.Э. Шульцу [Последний директор института. – *Е.К.*] в августе 1963 г. Троицкий писал, что в 1930 г. «в СССР по ряду политических причин я должен был переменить свою фамилию»²⁰. В действительности эти «политические причины» заключались в «придирах» по поводу его духовного происхождения²¹. Смена фамилии была произведена «официально, с опубликованием в газете». Теперь Троицкий стал Николаем Норманом.

После окончания в 1932 г. Московского архитектурного института он работал заведующим лабораторией Наркомпроса СССР, ученым секретарем Московского архитектурного общества, заместителем ученого секретаря Академии архитектуры СССР. Одновременно руководил научно-исследовательской секцией по проектированию театров, клубов, школ, работал над диссертацией по архитектуре театрального здания.

По утверждению самого Троицкого, в 1933 г. он намеревался тайно покинуть СССР: «В 1933 году едем вдвоем в Среднюю Азию для перехода границу, по заданию организации. Не удастся. Возвращаюсь в Москву»²². О какой организации он вел речь идет речь, осталось невыясненным.

17 апреля 1938 г. «Норманн» был арестован по ст. 58-й Уголовного кодекса РСФСР. Он оказался в одном ряду с теми, кто в Академии архитектуры СССР не желал «в полную силу работать на социалистическое общество»²³. Прошел через Лубянку, Бутырку, Таганку, Матросскую Тишину, пересылку на Красной Пресне. Так и не признавшего себя виновным, его освободили по решению военного трибунала Московского военного округа 30 августа 1939 г. В книге «Ты, мое столетие...» этот эпизод описан очень скупо, но емко: «Заседание военного трибунала. В каком-то клубе или актовом зале, что ли. На сцене за столом три человека. Нас в зале восемь. Когда дошло до меня, председатель спросил, признаю ли я себя виновным. Я ответил, что не признаю, поскольку мое дело оформлено с

нарушениями, документа о признании своей вины я не подписал, а то, что подписывал в процессе следствия, было вынуждено под давлением пыток. Председатель раскрыл мое дело, посоветовался с коллегами: “Садитесь”... Короче говоря, я был оправдан... ко мне подошел человек, может быть, секретарь суда и вручил маленькую, на серой бумаге справку о моем оправдании»²⁴.

После освобождения из тюрьмы он «занимался писательством»: сотрудничал с детскими журналами, писал для эстрады.

* * *

В начале Великой отечественной войны, «опасаясь возможного ареста», Троицкий (Норманн) добровольно вступил в Московскую армию народного ополчения.

В обеих автобиографиях слово «добровольно» он взял в кавычки, подчеркивая вынужденность этого поступка. А в воспоминаниях, напротив, особо отметил его истинную добровольность. В военкомате он будто бы заявил: «Как всякий советский гражданин, считаю своим долгом вступить в ряды Красной Армии и защищать родину от фашистских захватчиков»²⁵. Впрочем, судя по всему, ему уже было не так трудно заявить что угодно, произнести «правильные» слова. О приеме присяги Троицкий писал так: «Присягнуть я, понятно, не отказался – укрыл молчаливым забралом человеческое лицо. Тогда по доброй воле идти под трибунал охота была не многим...»²⁶

Так или иначе, он был зачислен рядовым в 137-й стрелковый полк 13-й Ростокинской дивизии народного ополчения (химвзвод) и отправлен на фронт. При этом позже он неустанно повторял, что в «Красной армии не служил». В самом начале октября 1941 г. попал в окружение под Вязьмой. До 18 октября «бродил по лесам», пока не попал в плен. Вместе с другими пленными их вели на запад через Смоленск.

Троицкий вспоминал: «А впереди были семь кошмарных дней до Смоленска. Без крошки во рту. Многотысячная живая лента изнемогающих от голода и усталости людей с каждым днем все укорачивалась. Падавших и отстававших безжалостно отстреливали. Иногда конвоиры без всякого повода веером косили впереди идущих. Люди падали, конвоиры с садистской усмешкой переступали через трупы несчастных. Перешагивали и мы, не смея взглянуть на корчившиеся в предсмертных судорогах тела. И шли дальше, каждую минуту готовые оказаться на их месте»²⁷.

Затем вплоть до 1943 г. был лагерь Боровуха-1 под Полоцком, где первый раз за неделю покормили: «Под ощутимые тычки полицаев-украинцев принимаем в пилотки перловую кашу. Обмакивая в склизкую массу небритый подбородок, стараюсь тщательно прожевывать, не торопиться глотать»²⁸. Когда из 22 тыс. пленных в лагере через три месяца (с октября

1941 по февраль 1942 г.) осталось 2 тыс. человек (остальные «вымерли от голода»), перед ним встал вопрос «смерть или побег?»).

В письме 1948 г. Троицкий рассказал подробности: «Бежать некуда, умирать не хочу. Называюсь литовцем Нарейкисом [Нарейкис – начальник районного отделения милиции Москвы, который сидел с Троицким в Таганской тюрьме. – Е.К.]. Спасен – послан на работу, а в 1943 г. освобожден...»²⁹ В автобиографии 1953 г. этот эпизод представлен им иначе: «Опасаясь репрессий оставшейся семьи [Жена и дочь. – Е.К.]... я переименовал свою фамилию на Нарейкис Николай»³⁰. Эта же версия дана и в книге «Ты, мое столетие...»: «По прибытии в лагерь я во второй раз сменил фамилию, памятуя тот злосчастный приказ: *...а семьи сдавшихся в плен лишить государственного пособия и помощи...* Долго не раздумывал, назвался Нарейкисом. Потом не пожалел: такие фамилии, как моя прежняя, были у нацистов не в фаворе»³¹. В письме же Шульцу, в 1963 г., Троицкий изложил еще одну версию: «Еще в лагере военнопленных немецкое руководство советовало мне переменить фамилию, чтобы предупредить репрессии против меня просоветских элементов, так как я совершенно открыто высказывал свои антисоветские взгляды»³². К этому времени он уже был переведен в «рабочий лагерь», где «стало полегче».

От поступления на службу в Вермахт (предложение об этом, со слов Троицкого, делалось ему несколько раз) он категорически отказывался. Вот как он, если верить его воспоминаниям, обосновывал свой отказ: «Мы – русские люди. Мы находимся под игом большевиков. Наше желание свергнуть их власть. Условия, в которые мы были поставлены, – тюрьмы, лагеря, пытки, казни – не давали нам такой возможности. Началась война. Мы смотрели на Германию как на страну великих философов, писателей, музыкантов, ученых, страну высокой культуры труда и благоустроенности жизни людей. Что же происходит? Вы воюете против ненавистного мне большевизма, против Кремля, против Сталина. Но одновременно идет уничтожение русского народа. А я – русский человек, и не могу позволить себе сотрудничать в этом с вами. К большому сожалению, я не могу принять вашего предложения»³³.

Через месяц, в мае 1943 г., «Николаю Нарейкису» было предложено поступить в распоряжение бывшего генерала Красной армии А.А. Власова, на что он, не раздумывая, согласился. Так он добровольно вступил во власовское Русское освободительное движение, стал работать редактором военной газеты «За Родину» в Витебске, а затем в Двинске. Ровно через год поступил в школу пропагандистов Русской освободительной армии в Дабендорфе (недалеко от Берлина) и по ее окончании был назначен заместителем редактора газеты «Доброволец».

Троицкий был близко знаком с Власовым. По его глубокому убеждению, «Власов не был изменником Родины... он не посчитал для себя возможным не выполнить приказ, а после провала заведомо авантюрной операции, инициированной Сталиным, отказался покинуть остатки

своей окруженной армии, был захвачен русскими полициями и выдан немцам»³⁴.

В сентябре–октябре 1944 г. Троицкий участвовал в разработке проекта Пражского манифеста и очень гордился тем, что его старания не пропали даром. 11 ноября 1944 г. на торжественном заседании в Праге состоялось учреждение Комитета освобождения народов России (КОНР) и провозглашение его Пражского манифеста. КОНР ставил своей целью «свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы... прекращение войны и заключение почетного мира с Германией».

В автобиографии 1953 г. он написал, что в качестве представителя КОНР «сопровождал Первую Дивизию в марше», а затем, «весной 1945 г.», был «направлен в распоряжение» КОНР. При этом он счел необходимым особо подчеркнуть, что в войсках КОНР «никогда никакими подразделениями не командовал, строевым офицером не был и ни в каких боях не участвовал». Аналогично – и про Красную армию: в ней не служил, «потому что пользовался отсрочкой как учащийся. В 1927 г. призывался в г. Богородске и был зачислен в запас. Никаких сборов и переподготовок не проходил»³⁵.

В действительности, в чине капитана Троицкий был назначен заместителем по пропаганде командира 1-й пехотной дивизии войск КОНР, однако из-за конфликта с командиром дивизии генерал-майором С.К. Буняченко, отличавшегося крутым нравом, был отстранен последним от должности и покинул дивизию накануне боя на Одере в апреле 1945 г.³⁶

* * *

После войны, в июне 1945 г., Троицкий поселился в Мюнхене, но уже под новым именем – Бориса Александровича Яковлева (по действительным документам одного старого эмигранта из России). Одновременно поменялась и дата рождения – на 28 октября 1898 г.

Это «перерождение» произошло в мае 1945 г. Троицкий объяснил, зачем ему это понадобилось: «Начавшаяся после войны репатриация заставила меня вновь искать выхода из создавшегося положения; я знал, что мое имя коммунистам хорошо известно, еще в Витебске на меня были произведены покушения, и я вновь был принужден переменить фамилию»³⁷.

На одном месте ему не сиделось. Вместе с хорошим знакомым, старым эмигрантом из Югославии Н.Н. Богатко «изъездили почти всю Западную Германию и даже часть Австрии» в поисках потерявшейся в годы войны семьи Богатко. Эти поездки помогли Троицкому избежать насильственной репатриации. Затем некоторое время он жил в семье старого эмигранта из Чехословакии М.П. Герасименко. У последнего была своя строительная фирма, в которую он, согласно его воспоминаниям, поступил

вначале в качестве рабочего, а затем выполнял «инженерные функции»³⁸. В автобиографии 1948 г. он написал, что «работал инженером строительных фирм», а в автобиографии 1953 г. почему-то предпочел не уточнять, кем именно он работал в этих строительных фирмах³⁹.

В 1946 г. в Германии активно продолжалась насильственная репатриация. Мюнхен находился в зоне оккупации американских войск. Военная полиция американской армии рано по утрам забирала перемещенных лиц по спискам, предъявленным советской репатриационной миссией. «Яковлеву» приходилось жить так, чтобы не обращать на себя внимание. Несколько раз в году он по две-три недели не жил дома, а скрывался у знакомых немцев.

В 1947 г. «бывшие власовцы» начали работу по созданию Боевого союза молодежи народов России (БСМНР), в которой Троицкий принимал самое активное участие. Отвергая все нападки со стороны недругов из эмигрантской среды, «Яковлев» так резюмировал пройденный им на тот момент жизненный путь: «Никогда и нигде я сотрудником секретных органов НЕ БЫЛ; никогда и нигде я ни членом компартии ни членом комсомола НЕ БЫЛ; никогда я марксистом НЕ БЫЛ; никогда я социалистом НЕ БЫЛ; никогда я гомосексуалистом НЕ БЫЛ; никогда я советским агентом НЕ БЫЛ И БЫТЬ НЕ МОГУ; никогда я при Власове под судом НЕ БЫЛ. Я был арестован генералом Буйниченко [Знаменательная оговорка, красноречивое искажение фамилии Буняченко. – *Е.К.*] из-за неподчинения ему по идеологическим вопросам, но затем был им освобожден; никогда я фашистом НЕ БЫЛ, никогда комендантом лагерей НЕ БЫЛ, никогда и нигде и никого НЕ УБИВАЛ и причиной смерти ни для кого-либо НЕ БЫЛ; никогда и ничего общего в мировоззрениях с коммунизмом у меня НЕ БЫЛО, я всегда был антикоммунистом, им и остаюсь»⁴⁰.

В своих воспоминаниях Троицкий подчеркивал непосредственную связь между Союзом борьбы за освобождение народов России (СБОНР), созданным на основе Боевого союза молодежи народов России (БСМНР), и мюнхенским Институтом по изучению истории и культуры СССР: «Это они [Власовцы и эмигранты «второй» волны. – *Е.К.*] создали Русскую библиотеку в Мюнхене. Свободную, не подчиненную кому-либо, ставшую очагом русской культуры и прибежищем бывших подсоветских в оккупированной Германии начала 50-х годов... Это они породили уникальное в своем роде образование – Институт по изучению истории и культуры СССР»⁴¹.

Троицкий особо подчеркивал роль БСМНР и СБОНР в своей судьбе, в антикоммунистической деятельности «бывших власовцев»: «Мы, бывшие власовцы, пришли к заключению, что американцы... частично отрезвели от идеализации своего бывшего союзника СССР, а потому пришла пора начать антикоммунистическую работу. Мы начали очень осторожно создавать БСМНР – Боевой Союз Молодежи Народов России. Я принимал активное участие в создании этой молодежной организации, но только

как советник... Ободренные успехом организации Союза Молодежи или вернее тем, что власти «разрешают» антикоммунистическую деятельность, мы, бывшие власовцы, решили перереорганизовать этот Союз Молодежи в настоящую политическую антикоммунистическую организацию. Так был создан СБОНР – Союз борьбы за Освобождение Народов России, председателем которого был избран я... Этот год был годом надежд на то, что Запад окажет нам, эмигрантам из СССР, полную поддержку в нашей антикоммунистической борьбе. Все силы и энергию я отдавал СБОНРУ». Но в 1950 г., когда «необычный рост СБОНРа привлек к руководству этой организации ряд людей, ставящих себе задачей, в первую очередь, личные, а не идейные цели», Троицкий (Яковлев), по его словам, «решил отойти от организации и сам отказался от председательства»⁴².

В своем последнем письме американскому исследователю Ч. О'Коннеллу от 14 июля 1988 г. Троицкий (в 1957 г. он в четвертый и последний раз поменял имя, отчество и фамилию, вернувшись к своим подлинным) бывший первый директор института так характеризовал мотивы его создателей: «Нам, советским гражданам, было суждено пережить доктрину Маркса, когда людей делили на категории полноценных и каких-то подсобных. К последней принадлежала вся интеллигенция. Дальше наступил еще худший период: Гитлер присвоил нам звание «унтерменш». А после войны Свободный мир, истоптав свои суждения о правах человека, средневековыми методами отправлял нас на смерть в руки Сталина. Вот в таких условиях мы, сохранив свое человеческое достоинство и считая себя такими же людьми, как и все нормальные люди, начали работу по созданию Института...»⁴³ (В 1990 г. в Питтсбургском университете профессором Чарльзом О'Коннеллом была защищена докторская диссертация «Мюнхенский Институт по изучению СССР: Происхождение и социальный состав»⁴⁴).

Другими словами, создатели института ставили перед собой задачу с помощью и на основе науки бороться одновременно и с марксизмом, и с нацизмом, и со сталинизмом. По словам Троицкого, «согревала» их тогда только вера в свое начинание, и «никаких материальных начал и предпосылок тогда у них не было»⁴⁵.

В июле 1950 г. о создании института в Мюнхене они заявили официально, устав его зарегистрировали в декабре. В соответствии с уставом, институт ставил перед собой такие цели: исследовать теорию и практику государственного и социального порядка в СССР, а также различные исторические, культурные, социальные, экономические, национальные и политические проблемы народов СССР; наладить и поддерживать научные связи с немецкими и иностранными научными организациями и отдельными учеными; способствовать взаимному пониманию антикоммунистической эмиграции народов СССР и демократических стран. Достигнуть эти цели предполагалось путем организации библиотеки и «богатого архива», научных публикаций, публичных докладов, обмена

информацией с немецкими и заграничными научными организациями и учеными, обеспечения института штатными сотрудниками.

* * *

Первостепенным стал вопрос финансирования института. Ждать помощи, как вспоминал Троицкий, можно было только от американцев. Укрепить свои позиции в самый начальный период существования институту удалось благодаря «Гарвардскому проекту»⁴⁶.

В июне 1950 г. еще официально не созданному институту Гарвардский университет предложил ежемесячно выплачивать по 500 долл. за оказываемые ему услуги. А июльская смета 1950 г. уже предполагала зарплату директора института в размере 250 нем. марок, бухгалтера-кассира – 110, секретаря института – 275, двух сотрудников и машинистки – по 200, 10-ти совместителей – по 45, а также плату за аренду помещений – 50, канцелярские и другие расходы – 340. Итого – 2 075 немецких марок (500 американских долл.)⁴⁷.

Одновременно с финансовой поддержкой Гарвард дал институту и статус «научного соратника» одного из самых престижных университетов мира. Интересы сторон совпали, и Троицкий с единомышленниками не упустили случая воспользоваться этим. Он вспоминал: «... На первом этапе реализации этого масштабного мероприятия Институт, и я в частности в качестве советника, сотрудничал с “Гарвардской экспедицией”. Она “высадилась” в Западной Германии во второй половине 1950 года и, как мы понимали, ставила целью исследование психологии советского человека, его отношения к политическому и социальному устройству советского государства. Это, по крайней мере, не противоречило целям Института, а в результате должно было приоткрыть глаза западного общества на реальную картину жизни за “железным занавесом”»⁴⁸.

По завершении реализации «Гарвардского проекта» обе стороны остались довольны друг другом. Гарварду институт нужен был как легальная база для проведения опроса советских беженцев. И эту функцию институт выполнит успешно. В марте 1951 г., когда «десант» гарвардских ученых завершил «полевые работы», руководитель проекта Р. Бауэр писал директору института «Яковлеву»:

«Дорогой Борис Александрович! Ввиду того, что я уезжаю так скоро, мне хотелось бы выразить Вам мою признательность за все, что Вы сделали для экспедиции, и сказать Вам, как приятно мне было познакомиться с Вами.

Сознание того, что среди эмиграции есть люди, подобные Вам, полностью понимающие сложность нашего положения и терпимо относящиеся к нашим недостаткам, было для меня источником моральной поддержки... Я высоко ценю степень, с которой Вы, прекрасно понимая

наши ограниченные возможности, выполняли роль терпимого и мудрого сотрудника.

Если бы все американцы и бывшие советские граждане обладали Вашей дальновидностью и способностью разбираться в политических вопросах, мы могли бы надеяться на установление счастливых и плодотворных отношений между эмиграцией и американскими гражданами.

Что касается меня, то я буду пытаться руководствоваться Вашим примером и делать все, что от меня зависит для укрепления в будущем добрых отношений между американскими и эмигрантскими учеными.

Я надеюсь, что мы снова встретимся и будем иметь возможность работать вместе в Америке, в Европе, и еще лучше, в освобожденной России».

В ответном письме Бауэру, в апреле 1951 г., «Яковлев» выразил «чувства глубокого удовлетворения и благодарности по поводу совместной... 7-месячной работы». По его оценке, без помощи Гарварда «институт не смог бы столь успешно провести организационную деятельность по собиранию научных сил среди эмигрантов и подготовиться к выполнению важных задач, стоящих теперь перед институтом»⁴⁹.

Однако руководство института понимало, что такого рода разовое сотрудничество не решает проблему отсутствия денег, не принесет хотя бы незначительного, но стабильного финансирования деятельности института. И потому предложение о сотрудничестве со стороны только что созданного, в январе 1951 г., Американского комитета за свободу народов СССР, вскоре поменявшего название на Американский комитет освобождения от большевизма, было принято без серьезных разногласий. В апреле 1951 г. комитет принял на себя финансирование института.

Директор института писал об этом более чем определенно. Работник американского консульства в Мюнхене С. Вильямс сообщил ему («Яковлеву»), что комитет готов оказать содействие в осуществлении планов института. «Мы обсудили формы и масштабы такого содействия, они показались мне вполне достаточными для нормальной работы... не забыв выразить признательность, я сразу же оговорил условия, должны с одной стороны обеспечить “полную независимость академической работы Института”, а с другой – устранить малейшие подозрения в нецелевом использовании предоставленных средств. Мои условия были приняты безоговорочно, оформлено соответствующее соглашение...»⁵⁰

После этого институт перешел в арендованный и отремонтированный для него отдельный дом. А число сотрудников выросло до 15-ти человек⁵¹. «Таким образом, – писал Троицкий, – Мюнхенский институт принял вид постоянно действующего научного учреждения»⁵².

К этому времени все беженцы, проживавшие в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии, должны были определиться со своим будущим: вернуться в родные страны или подать документы для эмиграции в другие государства. «Яковлев» выбрал для себя США. Он

подавал документы на предмет выезда несколько раз. И в конце января 1951 г. подошла его очередь среди эмигрантов на выезд. Но на него не хватило виз по американской квоте. В январе 1952 г. его зарегистрировали в Американском консульстве в Мюнхене по квоте для эмигрантов из СССР за № 008819. На тот момент все процедуры оформления документов уже шли в рамках нового закона об эмиграции в США. Очередь его подошла только осенью 1953 г. Визу по новому закону должны были дать почти механически. Но «Яковлев» не был в этом уверен и 16 октября 1953 г. написал недавно назначенному советником института от Американского комитета освобождения от большевизма профессору Мичиганского университета В. Баллису о своем желании выехать в США, прося его и Американский комитет помочь ему с визой. Дабы заинтересовать американцев в его приезде, он писал: «...После приезда в США и оформления соответствующих документов я готов – если Американский Комитет пожелает – вновь приехать в Европу и продолжать работу в Институте или в другой организации, в которой Американский Комитет будет считать мою работу необходимой»⁵³. Но с выездом и на этот раз не получилось.

Живя в постоянном ожидании отъезда, «Яковлев» не опускал рук и активно руководил институтом. В первые три года была проделана огромная работа.

В январе 1951 г. состоялась первая научная конференция института. Конференция готовилась и проходила в чрезвычайно трудных условиях, о чем свидетельствует такой факт: на приглашениях было указано, что всем выступающим гарантируется анонимность. Тем не менее конференция прошла успешно. В ней приняли участие 110 научных работников-эмигрантов, а также 67 гостей. «В одном из пивных залов Мюнхена, – вспоминал Троицкий, – собралось около трехсот человек, половину которых составляли участники конференции, а другую – любознательные агенты советских и американских спецслужб»⁵⁴.

Со временем институт превратился в серьезное научное учреждение, к голосу которого стал прислушиваться Запад. Уже на второй конференции, в 1953 г., присутствовало свыше 300 научных работников из разных стран, в том числе из Англии, Швеции, Голландии, Турции, Австрии, Италии. Продолжала расширяться издательская деятельность, начали регулярно выходить «Вестник Института по изучению СССР», серия монографий «Исследования и материалы» и другие издания. К концу 1953 г. число корреспондентов института достигло почти тысячи в 48-ми странах мира.

В 1955 г. был выпущен фундаментальный труд директора института «Концентрационные лагеря СССР». Идея подготовки книги родилась в связи с проведением научно-исследовательской программы по сбору и аналитической обработке показаний немецких военнопленных, возвращавшихся из мест заключения в СССР⁵⁵.

Троицкий писал: «О таком подарке можно было только мечтать. Ведь это как раз тот материал, что необходим для написания работы,

план которой созрел у меня давно. Я чувствовал ее насущную потребность. Она должна была открыть глаза Западу на чудовищную машину сталинского террора, взбудоражить общественное мнение “свободного мира”. С самого начала формирования фонда институтской библиотеки я сделал упор на соби́рание документов для целостного исследования репрессивной системы безжалостного тотального подавления инакомыслия и рабского труда в СССР. Но мне не хватало “начинки” – детального описания структуры системы и конкретного ее наполнения. А без такой детализации и достаточного числа свидетельских показаний нечего было и думать повлиять на сытый равнодушный Запад. Своего же тюремного опыта и знания системы было явно маловато, а добыть такие сведения из-за “железного занавеса” не было никакой возможности. Этот канал был наглухо перекрыт. И вдруг такое! Ведь если должным образом обработать предлагаемые немцами материалы и соединить их с подобранными мной документами, может получиться публикация страшной для советской системы сокрушительной силы! Нисколько не раздумывая, я согласился, оговорив право на издание. Ответным условием немцы поставили неразглашение источников полученной информации...»⁵⁶

Книга вызвала шквал критики со стороны западных либералов, обвинявших автора в недостоверности и заявлявших, что «в стране победившего социализма концлагерей быть не может». В 1983 г., к 80-летнему юбилею Н.А. Троицкого, русское издательство «Заря» (Онтарио, Канада) переиздало книгу «Концентрационные лагеря в СССР»⁵⁷.

В 1954 г. по инициативе представителей Американского комитета профессора В. Баллиса и доктора Д. Пеннара была осуществлена реорганизация института, ставившая своей официальной целью привлечение к его работе научных работников ряда национальностей из СССР. В институте открылось постоянное представительство Американского комитета, возглавляемое профессором О. Фредериксеном, который хорошо знал русский язык и даже переводил на английский язык стихи Е. Евтушенко. Его заместителем был американец русского происхождения Л.И. Барат, «фактически взявший руководство им в свои руки»⁵⁸. В письме В.П. Марченко, «одному из ведущих экономистов института», Троицкий давал такую оценку событиям 1954 г.: «Описать белиберду, которая делается в Институте, просто невозможно... Представители Американского комитета сами убеждаются в нелепости сделанного. Нелепость заключается в том, что вместо привлечения действительно научных работников, вне зависимости от их национальности, привлечены были политики»⁵⁹.

А уже в феврале 1955 г., судя по письму еще одному из основателей института – М.А. Алдану, директор был сильно удручен и даже растерян: «Постепенно я тоже начинаю терять веру в правильный исход работы иностранцев с эмигрантами. Институт испортили, и сейчас это не научное учреждение, а политическое. Сумеют ли они его выправить, я не знаю. Я

лично намечаю медленный отход»⁶⁰. В итоге Троицкий отказался от сотрудничества с уже, по сути, американским руководством института.

Его личное материальное положение на должности директора в это время было вполне приличным. Зарботная плата еще с июня 1954 г. составляла 1 250 нем. марок в месяц (750 – оклад, 250 – квартирные, 250 – на «личное представительство»)⁶¹.

* * *

После ухода с директорского поста Троицкий выехал на постоянное жительство в США. Он вспоминал: «Уезжал я тайно, чтобы не привлечь внимание советских спецслужб. Только через пару месяцев мое увольнение было оформлено как «отъезд из Европы директора Института Б. Яковлева в оплачиваемый помесечно годичный отпуск. И лишь по прошествии года послал Авторханову письмо с просьбой зачитать мое обращение к Общему собранию Института»⁶².

Из Нью-Йорка Троицкий обратился к общему собранию членов института: «Многоуважаемые коллеги. Несмотря на то, что идея создания Института, возникшая у меня еще во время войны, потребовала от меня несчетного количества терпения и энергии для претворения ее в действительность в 1950 году, несмотря на то, что я был бессменным директором Института в течение его первых пяти лет – я все же пришел к убеждению, что мое сотрудничество с Институтом, той направленности работы и формы его организации, в которых он сейчас находится, невозможно, поэтому я прошу не считать меня более членом Общего Собрания.

Идея организации Института у нас, его основателей, была очень простая: мы хотели создать внепартийную, научную, эмигрантскую институцию, которая бы, проводя на чисто академических принципах, силами научных работников, вышедших из-за железного занавеса, свои исследования СССР, оказали бы, тем самым, помощь свободному миру в познании теории и практики коммунизма. Возращивание такой институции, в условиях эмиграции, является делом чрезвычайной трудности, терпения и корrekтности.

Вмешательство спонсора – Американского Комитета, проведшего реорганизацию Института в 1954 году, перевело его работу на основы партийных и национальных начал и, следовательно, привело к нарушению принципов, как в исследовательской, так и во внутренней организации этого, чисто академического, учреждения.

Мое дальнейшее сотрудничество с Институтом будет возможно тогда, когда Институт будет, действительно, отвечать тем основным академическим принципам, которые сопутствуют научно-исследовательской институции»⁶³.

* * *

Огромную роль в жизни и судьбе Н.А. Троицкого сыграл известный американский ученый Дж. Фишер, с которым они крепко подружились. Дружба продолжалась до последних дней жизни Троицкого⁶⁴.

Фишер был связан с институтом с самых первых дней его существования и мог объективно оценить его роль в Холодной войне: «Институт вряд ли оказал влияние на Свободный Мир. И полной независимости никогда не было достигнуто. Вначале, впрочем, присутствовало немало самостоятельности. Но имело место и противоположное. Центральное разведывательное управление США сразу же вмешалось в дела Института. Сперва он получал незначительные средства. Постепенно пособие увеличивалось. Вместе с этим росли и требования.

Троицкий не пошел на безоговорочное сотрудничество. Отстаивал свободу и независимость сотрудников от представителей ЦРУ. Человек волевой и властный, он часто вступал в столкновения с американскими чиновниками. Представители ЦРУ в Институте ценили его как руководителя. Но сам он казался им резким, напористым, неуступчивым. Терпели его по необходимости. В конце концов их терпение лопнуло. Через пять лет ему предложили оставить должность директора»⁶⁵.

Коллеги «Яковлева» по-разному отнеслись к его уходу.

Так, Авторханов (Кунта), создававший его вместе с Троицким институт, писал бывшему директору: «Поступить, как Вы поступили, я не мог в силу ряда причин, хотя целиком разделяю все Ваши мотивы. Есть еще одно соображение, которое удерживает меня от такого шага: хоть и лавочка, но оттуда питаются люди (многие нужные люди), которые иначе обречены на безработицу со всеми «прелестями», связанными с этой «профессией». От того идеализма, с которым мы брались за это дело семь лет тому назад, не осталось даже воспоминания. Ну что же: чей монастырь, того и устав!»⁶⁶

Указание самого Н.А. Троицкого на исключительно научные цели института содержат немалую долю лукавства. Тематика научных конференций института первой половины 1950-х гг., и выпускаемых в тот период научных изданий являлась остро актуальной, политологической. И уже поэтому в контексте Холодной войны она не была отделена от сферы политической. Интересы же заокеанских спонсоров со временем еще более усугубили ситуацию: они настойчиво превращали мюнхенский институт в полностью зависимую от них «экспертную» организацию.

На шестом десятке Троицкий поступил на библиотечный факультет Колумбийского университета. Учился, практически не зная английского языка и зарабатывая на жизнь выполнением далеко не «инженерных функций»: «Учился, как и в Москве, без отрыва от производства, и добился-таки степени. За это время получил повышение – стал бригадиром уборщиков, но полы все равно продолжал мыть. Все пять лет»⁶⁷.

Затем Фишер помог другу устроиться в университетскую библиотеку в Сиракузах. В 1962 г. Троицкий добился нового повышения: стал заведующим Отделом славянских книг и периодики Корнельского университета.

Уже выйдя на пенсию, он писал о себе:

«Вот так и прошла жизнь. Теперь даже не нужно работать. Ирония судьбы – меня приютила отрицаемая мной система...

Я сижу один...

Но вокруг никого нет. Я один.

Без Людей! Без Государства! Без Родины! Без Бога!

Я сам по себе. Я свободен! Я один на Земле, один во Вселенной!

О, как это страшно!»⁶⁸

Примечания

¹ В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: Сборник статей и документов. М., 1997. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. III).

V poiskakh istiny: Puti i sudby vtoroy emigratsii: Sbornik statey i dokumentov. Moscow, 1997. (Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii. Vol. III).

² Корнилов А.А. История русского зарубежья в публикациях серии «Материалы к истории русской политической эмиграции» // Библиография. 2007. № 6. С. 122–127.

Kornilov A.A. Istoriya russkogo zarubezhya v publikatsiyakh serii «Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii» // Bibliografiya. 2007. No. 6. P. 122–127.

³ Попов А.В. Джордж Фишер – странный странник или пять раз по четыре // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 3. СПб., 2004. С. 25–30.

Popov A.V. Dzhordzh Fisher – stranny strannik ili pyat raz po chetyre // Berega: Informatsionno-analiticheskiy sbornik o russkom zarubezhe. Vol. 3. St. Petersburg, 2004. P. 25–30.

⁴ Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1(10). С. 54–70; Попов А.В. Вторая российская эмиграция: проблемы и решения // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2003. С. 338–344; Попов А.В. Историческая наука русского зарубежья: архив профессора К.Ф. Штеппы в ГА РФ // Материалы Всероссийской конференции «Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории». Омск, 2000. С. 109–113; Человек столетия. М., 2003.

Popov A.V. Myunkhenskiy institut po izucheniyu istorii i kultury SSSR i «vtoraya volna» emigratsii // Novyy istoricheskiy vestnik. 2004. No. 1(10). P. 54–70; Popov A.V. Vtoraya rossiyskaya emigratsiya: problemy i resheniya // Obshchestvo i vlast: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. St. Petersburg, 2003. P. 338–344; Popov A.V. Istoricheskaya nauka russkogo zarubezhya: arkhiv professora K.F. Shteppey v GA RF // Materialy Vserossiyskoy konferentsii «Problemy istoriografii, istochnikovedeniya i istoricheskogo kraevedeniya v vuzovskom kurse otechestvennoy istorii». Omsk, 2000. P. 109–113; Chelovek stoletiya. Moscow, 2003.

⁵ 5 лет Института по изучению истории и культуры СССР (1950 – 1955). Мюнхен, 1955. С. 3.

5 let Instituta po izucheniyu istorii i kultury SSSR (1950 – 1955). Munich, 1955. P. 3.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10160. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9.

State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 10160. Op. 1. D. 1. L. 8–9.

⁷ Попов А.В. Культурные и научные центры второй русской политической эмиграции: Институт по изучению истории и культуры СССР, Русская библиотека в Мюнхене // Образование и педагогическая мысль российского зарубежья. Саранск, 1994. С. 24–25.

Popov A.V. Kulturnye i nauchnye tsentry vtoroy russkoy politicheskoy emigratsii: Institut po izucheniyu istorii i kultury SSSR, Russkaya biblioteka v Myunkhene // Obrazovanie i pedagogicheskaya mysl rossiyskogo zarubezhya. Saransk, 1994. P. 24–25.

⁸ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 934. Л. 22.

GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 934. L. 22.

⁹ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944 – 1945: Биографический справочник. М., 2009. С. 114–119; Александров К.М. «Не обольщаем себя надеждами о скорой реабилитации...»: Судьбы офицеров власовской армии в послевоенной эмиграции // Нансеновские чтения – 2009. СПб., 2010. С. 257–264.

Aleksandrov K.M. Ofitserskiy korpus armii general-leytenanta A.A. Vlasova, 1944 – 1945: Biograficheskiy spravochnik. Moscow, 2009. P. 114–119; Aleksandrov K.M. «Ne obolshchaem sebya nadezhdami o skoroy rehabilitatsii...»: Sudby ofitserov vlasovskoy armii v poslevoennoy emigratsii // Nansenovskie chteniya – 2009. St. Petersburg, 2010. P. 257–264.

¹⁰ Троицкий Н.А. Ты, мое столетие... М., 2006. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 11). С. 312.

Troitskiy N.A. Ty, moe stoletie... Moscow, 2006. (Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii. Vol. 11). P. 312.

¹¹ Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого в ГА РФ: Опыт архивного обзора. М., 1994. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 1); Попов А.В. Архивный фонд эмигранта Н.А. Троицкого: Материалы по изучению истории России // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 302–307.

Popov A.V. Fond N.A. Troitskogo v GA RF: Opyt arkhivnogo obzora. Moscow, 1994. (Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii. Vol. 1); Popov A.V. Arkhivnyy fond emigranta N.A. Troitskogo: Materialy po izucheniyu istorii Rossii // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1994 god. Moscow, 1996. P. 302–307.

¹² Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 18.

Troitskiy N.A. Op. cit. P. 18.

¹³ Там же. С. 20.

Ibidem. P. 20.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 9.

¹⁵ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 60–69.

Troitskiy N.A. Op. cit. P. 60–69.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2.

GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 1, 2.

¹⁷ Там же. Л. 9.

Ibidem. L. 9.

¹⁸ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 76.

Troitskiy N.A. Op. cit. P. 76.

¹⁹ Там же.

Ibidem.

²⁰ ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 149. Л. 19.

GA RF. F. 10160. Op. 1. D. 149. L. 19.

²¹ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2.

GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 1, 2.

²² ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 31. L. 1.

²³ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 153.

Troitskiy N.A. Op. cit. P. 153.

²⁴ Там же. С. 164.

Ibidem. P. 164.

²⁵ Там же. С. 183.

Ibidem. P. 183.

²⁶ Там же. С. 186.

- Ibidem. P. 186.
- ²⁷ Там же. С. 200.
- Ibidem. P. 200.
- ²⁸ Там же. С. 201.
- Ibidem. P. 201.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
GARF. F. 10015. Op. 1. D. 31. L. 1.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
GARF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 1.
- ³¹ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 202.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 202.
- ³² ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 149. Л. 19.
GA RF. F. 10160. Op. 1. D. 149. L. 19.
- ³³ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 206–207.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 206–207.
- ³⁴ Там же. С. 243–244.
Ibidem. P. 243–244.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 2–3.
- ³⁶ *Александров К.М.* Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944 – 1945: Материалы к истории Вооруженных Сил КНР. СПб., 2004. С. 128; *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, 1944–1945: Биографический справочник. С. 221; *Александров К.М.* Пражское восстание 5–8 мая 1945 г.: вооруженная борьба и политика // Новый исторический вестник. 2010. № 3(25). С. 27–28.
Aleksandrov K.M. Armiya general-leytenanta A.A. Vlasova, 1944 – 1945: Materialy k istorii Vooruzhennykh Sil KONR. St. Petersburg, 2004. P. 128; *Aleksandrov K.M.* Ofitserkiy korpus armii general-leytenanta A.A. Vlasova, 1944–1945: Biograficheskiy spravochnik. P. 221; *Aleksandrov K.M.* Prazhskoye vosstanie 5–8 maya 1945 g.: vooruzhennaya borba i politika // Novyy istoricheskiy vestnik. 2010. No. 3(25). P. 27–28.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
GARF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 8.
- ³⁸ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 278–280.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 278–280.
- ³⁹ ГФ РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 3.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 1. L. 1, 3.
- ⁴⁰ Там же. Л. 6.
Ibidem. L. 6.
- ⁴¹ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 304.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 304.
- ⁴² ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
GARF. F. 10015. Op. 1. D. 31. L. 1.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 224. L. 2.
- ⁴⁴ *O'Connel Ch.T.* The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition. Pittsburgh (PA), 1990. P. 5–10.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 149. Л. 9.
GA RF. F. 10160. Op. 1. D. 149. L. 9.
- ⁴⁶ *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003. С. 61–66.
Kodin E.V. “Garvardskiy proekt”. Moscow, 2003. P. 61–66.
- ⁴⁷ Harvard University Archive. UAV 759. 175. 3. Refugee Interview Program: miscellaneous correspondence... 1950 – 1951. Box 1950 – 1951. # 1.
- ⁴⁸ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 338–339.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 338–339.
- ⁴⁹ Harvard University Archive. UAV 759. 175. Correspondence (A–Z), 1950–1953. Box “Pr–R”.
- ⁵⁰ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 341.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 341.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.
GA RF. F. 10160. Op. 1. D. 331. L. 3.
- ⁵² *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 341.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 341.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 178. Л. 2–3.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 178. L. 2–3.
- ⁵⁴ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 336.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 336.
- ⁵⁵ *Понов А.В.* Предшественники «Архипелага ГУЛАГ»: Литература русского зарубежья о концентрационных лагерях в СССР // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 174–180.
Popov A.V. Predshestvenniki “Arhipelaga GULAG”: Literatura russkogo zarubezhya o kontsentratsionnykh lageryakh v SSSR // Istoriya penitentsiarnoy sistemy Rossii v XX veke: Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. Vologda, 2007. P. 174–180.
- ⁵⁶ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 354–355.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 354–355.
- ⁵⁷ *Константинов Дм., протоиерей.* Исчезнувшая и возродившаяся книга // Новое русское слово (Н.-Й.). 1983. 25 нояб.
Konstantinov Dm. Ischeznuvshaya i vozrodivshayasya kniga // Novoe russkoe slovo (N.Y.). 1983. Nov. 25.
- ⁵⁸ *Константинов Дм., протоиерей.* Через туннель XX столетия. М., 1997. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. III). С. 546.
Konstantinov Dm. Cherez tunnel XX stoletiya. Moscow, 1997. (Materialy k istorii russkoy politicheskoy emigratsii. Vol. III). P. 546.
- ⁵⁹ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 352.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 352.
- ⁶⁰ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 172. L. 2.
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 179. L. 3.
- ⁶² *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 362.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 362.
- ⁶³ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 171. Л. 3.
GA RF. F. 10015. Op. 1. D. 171. L. 3.
- ⁶⁴ *Понов А.В.* Джордж Фишер – странный странник или пять раз по четыре. С. 25–30.
Popov A.V. Dzhordzh Fisher – strannyi strannik ili pyat raz po chetyre. P. 25–30.
- ⁶⁵ *Фишер Дж.* Две страсти // В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции. С. 202–203.
Fisher Dz. Dve strasti // V poiskakh istiny. Puti i sudby vtoroy emigratsii. P. 202–203.
- ⁶⁶ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 363.
Troitskiy N.A. Op. cit. P. 363.
- ⁶⁷ Там же. С. 378.
Ibidem. P. 378.
- ⁶⁸ Там же. С. 429.
Ibidem. P. 429.

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Борисов В.Е. Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. 6

Борисов Виктор Евгеньевич – канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института РГГУ
vborisove@gmail.com

В статье анализируются документы Верхотурской приказной избы, касающиеся нетяглых групп населения одной из сибирских слобод – Ирбитской – в XVII в. На их основе исследуется хозяйственное положение этих категорий населения в Сибири, а также впервые изучаются изменения их численности и длительность проживания на одном месте. Делается вывод, что, вопреки авторитетному мнению А.А. Преображенского, численность гулящих людей, кормящихся поденной работой, в XVII в. значительно сократилась. С другой стороны, в последней четверти XVII в. появились группы нетяглого населения (бобыли и другие), которые вели небольшое, но оседлое хозяйство и не входили в тяглую общину.

Средневековая Россия, XVII век, социальная структура, Сибирь, Верхотурский уезд, Ирбитская слобода, тяглая община, тягло, нетяглое население, гулящие люди, бобыль, А.А. Преображенский

Ипполитов С.С., Минаев В.В. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты 27

Ипполитов Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, директор Издательского центра РГГУ
ninvestnik@yandex.ru

Минаев Валерий Владимирович – докт. экон. наук, заведующий кафедрой мировой политики и международных отношений РГГУ
mrimo@mail.ru

В статье на основе архивных документов рассматривается демографическая и экономическая ситуация в Сибири и на Российском Дальнем Востоке во время Гражданской войны. Основное внимание уделяется демографической, финансовой и торговой экспансии Китая и Японии в этом регионе. Рассматриваются также

трудовая миграция и беженство, демографическая и экономическая политика Временного Сибирского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака в 1918–1919 гг., их попытки противостоять этой экспансии. Делается вывод, что малая плотность населения, слабая развитость промышленности и железных дорог, а также коррупция местных властей создавали условия для успеха демографической и экономической экспансии Китая и Японии в этом регионе России.

Гражданская война в России, Сибирь, Российский Дальний Восток, Временное Сибирское правительство, Российское правительство А.В. Колчака, демографическая политика, экономическая политика, переселение, беженство, Китай, Япония, демографическая экспансия, экономическая экспансия

Трошина Т.И. «К полякам в плен попасть очень было нежелательно»: «Поход за Вислу» и германские лагеря в памяти бойцов, политработников и командиров Красной армии 46

Трошина Татьяна Игоревна – докт. ист. наук, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск)
tatr-arh@mail.ru

В статье освещаются события Советско-польской войны 1920 г. Статья основана на уникальных источниках личного происхождения: неопубликованных воспоминаний военнослужащих Красной армии, жителей Архангельской губернии. Рассказывается о боях против Войска Польского, о поражении войск советского Западного фронта под Варшавой, об интернировании частей Красной армии в Германии. Впервые в отечественной исторической науке показана фронтовая и лагерная повседневность красноармейцев. Глубоко раскрыты их восприятие тех трагических событий, их отношение к польским и германским властям и вооруженным силам, а также к польскому, еврейскому и немецкому населению.

Советско-польская война 1920 г., Красная армия, Войско Польское, Варшавское сражение 1920 г., Польша, Германия, Восточная Пруссия, красноармеец, интернирование, лагерь для интернированных, повседневность, воспоминания

Кириллова Е.А. Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей 72

Кириллова Елена Анатольевна – соискатель кафедры русской истории Факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
yahook7@gmail.com

В статье на основе архивных документов изучаются жилищные товарищества как форма самоуправления муниципальными жилыми домами в начале 1920-х гг. на примере Петрограда (Ленинграда). Особое внимание уделяется организации жилтовариществ и порядку формирования их правлений. Рассматриваются также меры большевистских и советских властей города по обеспечению руководящей роли рабочих в правлениях жилтовариществ. Делается вывод, что органы управления коммунальным хозяйством Петрограда (Ленинграда) вынуждены были мириться с преобладанием «непролетарских элементов» в правлениях жилтовариществ, поскольку те, в отличие от рабочих, имели опыт управленческой и хозяйственной деятельности, а также желание вести домовое хозяйство.

Петроград (Ленинград), коммунальное хозяйство, Отдел коммунального хозяйства, Жилищный отдел, муниципальное жилье, жилищное товарищество, домовое хозяйство

Новая Россия и постсоветское зарубежье

Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». *Материал подготовили к публикации Марченя П.П., Разин С.Ю.* 98

Марченя Павел Петрович – канд. ист. наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России
marchenyap@mail.ru

Разин Сергей Юрьевич – доцент кафедры общественных наук Института гуманитарного образования и информационных технологий
razin_sergei@mail.ru

Материалы Международного круглого стола, состоявшегося в Москве в апреле 2013 г., включают в себя выступления российских и зарубежных специалистов, изучающих прошлое и настоящее постсоветского пространства, и часть состоявшейся между ними дискуссии. В докладах представлен междисциплинарный научный анализ различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Эта проблематика была обсуждена

участниками круглого стола в контексте евразийской и мировой истории.

Российская Федерация, постсоветское пространство, постсоветские государства, геополитика, интеграция, Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз, Таможенный союз, империя, нация, политическая элита

События и судьбы

Кодин Е.В. Николай Троицкий: от симбирского повстанца до директора мюнхенского Института по изучению СССР 148

Кодин Евгений Владимирович – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России, ректор Смоленского государственного университета
evkodin@yandex.ru

В статье рассматриваются жизненный путь и общественная деятельность Н.А. Троицкого (1903 – 2011) в контексте истории «второй волны» русской эмиграции. Основное внимание уделено поворотным и самым трагическим моментам его биографии: арест в 1937 г., германский плен в 1941–1943 гг., участие в Русском освободительном движении генерала А.А. Власова, антикоммунистическая деятельность в послевоенной Европе, основание Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), переезд в США. Самым ярким и значимым периодом его жизни стало директорство в мюнхенском Институте по изучению СССР в 1950–1955 гг. Благодаря усилиям Н.А. Троицкого и его соратников-эмигрантов этот институт стал ведущим европейским центром советологии в самый острый период Холодной войны.

Н.А. Троицкий, Вторая мировая война, Холодная война, антибольшевистская эмиграция, «вторая волна» русской эмиграции, Русское освободительное движение, А.А. Власов, Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР), Институт по изучению СССР, Германия, США, Мюнхен, советология

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

- V. Borisov** *Gulyashshie Lyudi and Other Social Groups Exempted from Paying Tyaglo behind the Urals in 17th century* 6

Victor E. Borisov – Candidate of History, Lecturer, Department of Medieval and Early Modern History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH
vborisove@gmail.com

The article analyses the documents of Verhoturie uyezd *prikaznaya izba* (uyezd government body) devoted to social groups exempted from paying *tyaglo* (the main direct tax to the state), who lived in Irbitkaya *sloboda* (settlement), one of Siberian settlements, in the 17th century. It studies the economic situation of these *netyaglyy* (tax-exempt) groups. The changes in their quantity and the duration of residence in one place have been investigated for the first time. It was found out that – contrary to the authoritative opinion of historian A.A. Preobrazhenskiy – the quantity of *gulyashshie lyudi* (homeless wanderers) engaged into day-work significantly decreased in the 17th century. On the other hand, new groups of *netyaglyy* (tax-exempt) people appeared in the last quarter of the century, such as *bobylys* (landless peasants) and others. They had small sedentary households, but they were not members of *tyaglaya obshshina* (taxed community).

Medieval Russia, 17th century, social structure, Siberia, Verhoturie uyezd, Irbitkaya *sloboda* (settlement), *tyaglaya obshshina* (taxed community), *tyaglo* (the main direct tax to the state), *netyaglyy* (tax-exempt), *gulyashshie lyudi* (pl. homeless wanderers), *bobylys* (pl. landless peasants), A.A. Preobrazhenskiy

- S. Ippolitov, V. Minaev** “The Entire Fate of Russia Depends on it”: On the Demographic and Economic Expansion of China and Japan in the East of Russia during Second Russian Smuta 27

Sergey S. Ippolitov – Candidate of History, Director of the Publishing Center of RSUH
ninvestnik@yandex.ru
Valeriy V. Minaev – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of World Politics and International Relations, RSUH
mpimo@mail.ru

The article studies the demographic and economic situation in Siberia and Russia’s Far East during the Civil War on the basis of archival documents, with the main focus being made on the demographic, financial and trade expansion of China and Japan in this region. Attention is paid to labour migration and refugees as well as the demographic and economic policies of Provisional Siberian Government and Admiral Kolchak’s Russian Government in 1918–1919 seeking to counteract this expansion. It is concluded that China’s and Japan’s successful expansion in this area were conditioned by low population density, poorly developed industry and railways as well as the corruption of local authorities.

Russian Civil War, Siberia, Russian Far East, Provisional Siberian Government, A. V. Kolchak’s Russian Government, demographic policy, economic policy, resettlement, refugee, China, Japan, demographic expansion, economic expansion

- T. Troshina** “We’d Rather not be Captured by the Poles”: “The March off the Vistula” and German Camps in the Memories of the Red Army’s Soldiers, Political Workers and Commanders 46

Tatyana I. Troshina – Doctor of History, Senior Lecturer, Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)
tatr-arh@mail.ru

The article covers the events of the Soviet-Polish war of 1920. It is based on unique personal sources: unpublished reminiscences of Red Army’s military staff and inhabitants of the Archangelsk region. The author narrates the battles against the Polish Army, the defeat of the troops of the Soviet Western Front near Warsaw, and the internment of Red Army’s parts in Germany. It is the first effort in national historical science to reveal the frontline and camp routine of Red Army’s men giving a profound insight into their perception of the tragic events, their attitudes to Polish and German authorities and armed forces as well as to Polish, Jewish and German population.

Soviet-Polish War of 1920, Red Army, Polish Army, Warsaw battle of 1920, Poland, Germany, Eastern Prussia, Red Army man, internment, internment camp, everyday life, memories

- E. Kirillova** Housing Cooperatives in Petrograd in the early 1920s: Organization, Structure and the “Class Line” of the City Authorities 72

Elena A. Kirillova – Postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of Social Sciences, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)
yahook7@gmail.com

The article based on archival documents examines *zhiltovarishchestvo* (housing cooperative) as a form of self-government of the municipal dwellings in the early 1920s, with reference to Petrograd (Leningrad). Special attention is given to the organization of housing cooperatives and the order of formation of their boards. The author also considers the measures taken by Bolshevik and Soviet municipal authorities to ensure that the leading role on the boards should be played by the workers. It concludes that the administration of the municipal services of Petrograd (Leningrad) had to put up with the prevalence of “non-proletarian elements” on the boards of housing cooperatives because they, unlike the workers, had both experience in management and business activities and a will to manage house economy.

Petrograd (Leningrad), municipal economy, Department of municipal economy, Housing department, municipal housing, *zhiltovarishchestvo* (housing cooperative), house economy

Contemporary Russia and Post-Soviet States

International Round Table “Russia and Post-Soviet Space: Problems and Prospects”. *The proceedings were prepared for publication by P. Marchenya, S. Razin.* 98

Pavel P. Marchenya – Candidate of History, Associate Professor, Deputy Head of Department of Philosophy, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
marchenyap@mail.ru

Sergey Yu. Razin – Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Institute for the Humanities and Arts and Informational Technologies
razin_sergei@mail.ru

The proceedings of the International round table held in Moscow in April 2013 include the papers by Russian and foreign experts researching the past and the present of the post-Soviet space as well as part of their discussion. The papers feature the interdisciplinary scientific analysis of different aspects of contemporary geopolitical situation in post-Soviet space. These issues were addressed in the context of Eurasian and global history.

Russian Federation, Post-Soviet space, Post-Soviet states, geopolitics, integration, Commonwealth of Independent States, Union State of Russia and Belarus, Eurasian Economic Union, Customs Union, empire, nation, political elite

Landmarks in Human History

E. Kodin Nikolay Troitskiy: From the Simbirsk Insurgent to the Director of the Munich Institute for the Study of the USSR 148

Evgeniy V. Kodin – Doctor of History, Professor, Department of history of Russia, Rector of Smolensk State University
evkodin@yandex.ru

The article examines N.A. Troitskiy’s (1903 – 2011) life and public work in the historical context of “the second wave” of Russian emigration. The main attention is paid to the turning and most tragic points of his biography: his arrest in 1937, the German captivity in 1941–1943, participation in the Russian Liberation Movement led by general A.A.Vlasov, anti-communist activity in post-war Europe, the foundation of the Union for the Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia (SBONR), and emigration to the USA. His directorship at the Munich Institute for the Study of the USSR in 1950–1955 became the brightest and most significant period in his life. Thanks to N.A. Troitskiy’s and his emigrant colleagues’ efforts this institute became the leading European center of sovietology during the hardest period of Cold War.

N.A. Troitskiy, World War II, Cold War, anti-Bolshevist emigration, “second wave” of Russian emigration, Russian Liberation Movement, A.A.Vlasov, Union for the Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia (SBONR), Munich Institute for the Study of the USSR, Germany, USA, Munich, Sovietology

Научное издание

НОВЫЙ исторический вестник

Компьютерная верстка С.А. Каштановой

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 09.09.2013
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru